

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2016

Материалы II Международной научной конференции

(г. Белгород, 21–22 апреля 2016 г.)

Белгород
2016

УДК 81'374
ББК 81.054
Л 43

Редакционная коллегия

А.П. Седых, доктор филологических наук, профессор (отв. редактор)
И.А. Котенева, кандидат филологических наук, доцент
С.Н. Степаненко, кандидат филологических наук, доцент
Ю.Е. Балабаева, ассистент кафедры немецкого и французского языков

Л 43 Лексикография и коммуникация – 2016: материалы
II Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 21–22 апреля 2016 г.) / под ред.
А.П. Седых. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – 158 с.

ISBN 978-5-9571-2109-1

В сборнике представлены материалы докладов II Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2016». Сборник призван способствовать обмену новейшей информацией в области теории и практики лексикографии и коммуникации, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает два основных раздела – «Методологические и лингвистические аспекты лексикографии», «Текст, дискурс, коммуникация: категории описания».

Адресуется студентам, аспирантам, учителям школ и преподавателям вузов, магистрантам филологических специальностей и всем, кто интересуется проблематикой взаимодействия словарного дискурса и коммуникации.

УДК 81'374
ББК 81.054

ISBN 978-5-9571-2109-1

© Коллектив авторов, 2016
© НИУ «БелГУ», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Методологические и лингвистические аспекты лексикографии

Pruvost J., Sedykh A. (Cergy, France / Belgorod, Russie) LEXICULTURE ET DICTIONNAIRES: DÉCALAGES CULTURELS	8
Мауах С. (Cergy, France) SAINT-JOHN PERSE LECTEUR DE SON <i>PETIT LAROUSSE</i>	13
Голубева Ю.В. (Белгород, Россия) ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ» ПОСРЕДСТВОМ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)	18
Котенева И.А., Трещева Н.В. (Белгород, Россия) НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ ДЕРИВАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	22
Кудрявцева Н.Б., Найденова М.В. (Белгород, Россия) ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС СОЗДАНИЯ КЛАССИФИКАЦИЙ ФИТОНИМОВ	26
Кураш С.Б., Струков Е.В. (Мозырь, Республика Беларусь) ЛИНГВОКОНЦЕПТ <i>ИНТЕРНЕТ</i> В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ И В СОВРЕМЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	29
Непомнящая С.И. (Тверь, Россия) ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ДВУЯЗЫЧНОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВУЗА ...	36
Пигарева В.Э. (Белгород, Россия) ДИНАМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СЛОВАРНОГО ДЕЛА В РОССИИ	43
Сахарова Р.Ф. (Минск, Беларусь) КОНЦЕПЦИЯ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)	49
Степаненко С.Н. (Белгород, Россия) АНАЛИЗ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ СРЕДСТВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КОЛИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МЕТОДОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО И КОНЦЕПТУАЛЬНО-РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО АНАЛИЗА	53
Тимошилова Т.М., Вальчук Т.Г. (Белгород, Россия) ТАНЕЦ КАК СИМВОЛ ПРОЯВЛЕНИЯ СТРАХА В РОМАНЕ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»	58
Шур В.В. (Мозырь, Республика Беларусь) ОНІМНАЯ ГУЛЬНЯ ЯК МАСТАЦКІ ПРЫЁМ У ТВОРАХ ЛІТАРАТУРЫ: НА МАТЭРЫЯЛЕ СЛОЎНІКАЎ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ	62
Ягуткина Е.С. (Белгород, Россия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОКУБУЛЯРА БИБЛЕИЗМОВ В РЕКЛАМЕ	69
Янутик С.Я., Аматов А.М., Кривчикова Н.Л. (Белгород, Россия) ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОМАНСКИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АФФИКСОВ	73

Раздел 2. Текст, дискурс, коммуникация: категории описания

Балабаева Ю.Е. (Белгород, Россия) МЕТАРЕПРЕЗЕНТАЦИОННЫЕ ПРЕДИКАТЫ С ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале научного текста)	79
Воронина Л.В. (Белгород, Россия) РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПРОЦЕССЕ ИНФЕРЕНЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	83
Каблучко А.О. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ РАССМОТРЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО И РОССИЙСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ	88
Мельникова Ю.Н., Шигарева Е.С. (Белгород, Россия) НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭВФЕМИЗМОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА) ...	92
Моисеева С.А., Смирнова Е.Ю. (Белгород, Россия) МЕТАФОРА В ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «ВКУС» ...	96
Найденова М.В., Кудрявцева Н.Б. (Белгород, Россия) СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД	102
Невенгловская Н.Ю. (Белгород, Россия) СТИЛИСТИКА ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ	105
Проскурнина Л.В. (Белгород, Россия) ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА В РОМАНЕ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА «БАСУРМАН»	111
Седых А.П. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ И «ЦВЕТОВОЙ» КАРТИНАХ МИРА	118
Седых Н.В. (Белгород, Россия) О ГЛЮТТОНИЧЕСКОМ ВОКАБУЛЯРЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ	122
Сергей В.Н., Рафальская И.А. (Мозырь, Республика Беларусь) НЕМЕЦКИЕ ПРЕДЛОГИ-СИНОНИМЫ «AN» И «AUF»: СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ И РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ	125
Скокова Т.Н. (Белгород, Россия) ТРАНСЛЯЦИЯ КОГНИТИВНО-МЕНТАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ ИМЕНАМИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ	128
Сосоенко С.С. (Белгород, Россия) ФРАЗЕОЛОГИЯ СПОРТА, КОЛОРАТИВЫ И ЖАРГОН: РУССКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК	132
Суржин А.Э. (Белгород, Россия) НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	138
Харченко В.К. (Белгород, Россия) СПЕЦИАЛИСТУ ОТ НЕ СПЕЦИАЛИСТА: ФИЛОЛОГИЯ ПЕДИАТРИИ КАК ПРОЕКТ	142
Черноштан М.П. (Белгород, Россия) ЛИЧНОСТЬ РЕБЁНКА И РОДИТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС	150
Щербинина Е.М., Бондарева М.М., Колесников А.А. (Белгород, Россия) МОТИВИРОВАННОСТЬ В ПРОЦЕССЕ НОМИНАЦИИ СЕЛЬСКО- ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СФЕРЫ МЯСОПЕРЕРАБОТКИ	155

CONTENT

Section I. Methodological and linguistic aspects of lexicography

Pruvost J., Sedykh A. (Cergy, France / Belgorod, Russie) LEXICULTURE ET DICTIONNAIRES: DÉCALAGES CULTURELS	8
Mayaux C. (Cergy, France) SAINT-JOHN PERSE LECTEUR DE SON <i>PETIT LAROUSSE</i>	13
Julia Golubeva (Belgorod, Russia) STUDYING OF LANGUAGE MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT «GESTICULATION» BY MEANS OF THE EXPLANATORY DICTIONARY (ON MATERIAL OF VERBAL LEXICON)	18
Inna Koteneva, Natalia Trescheva (Belgorod, Russia) NOMINATIVE ASPECT OF DERIVATION MECHANISMS IN MODERN FRENCH	22
Natalia Kudryavtseva, Margarita Naidenova (Belgorod, Russia) THE EVOLUTION OF PHYTONYM CLASSIFICATION	26
Sergei Kurash, Eugene Strukov (Mozyr, Republic of Belarus) LINGUISTIC CONCEPT «INTERNET» IN THE MIRROR OF DICTIONARY DEFINITIONS IN MODERN SPEECH PRACTICE (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH)	29
Svetlana Nepomnyashchaya (Tver, Russia) PROBLEMS OF DEVELOPING A LEARNER'S BILINGUAL GLOSSARY OF TERMS IN A MILITARY HIGHER EDUCATION INSTITUTION	36
Viktorija Pigareva (Belgorod, Russia) DYNAMIC DEVELOPMENT AND DISTINCTIVE TRAITS OF DICTIONARY CREATION IN RUSSIA	43
Rimma Sakharova (Minsk, Republic of Belarus) CONCEPTION OF ELECTRONIC DICTIONARY OF EMOTIONS (ON THE BASIS OF GERMAN AND BELARUSSIAN)	49
Svetlana Stepanenko (Belgorod, Russia) ANALYSIS OF DICTIONARY DEFINITIONS AS A PART OF METHODS OF CONCEPTUAL AND CONCEPTUAL-REPRESENTATIVE ANALYSIS OF QUANTITY CONCEPTUALIZATION MEANS IN MODERN ENGLISH	53
Tamara Timoshilova, Tamara Valchuk (Belgorod, Russia) DANCE AS A SYMBOL AND MANIFESTATION OF FEAR IN WILLIAM GOLDING'S NOVEL «THE LORD OF FLIES»	58
Васіль Васільевіч Шур (Mozyr, Republic of Belarus) ОНІМНАЯ ГУЛЬНЯ ЯК МАСТАЦКІ ПРЫЁМ У ТВОРАХ ЛІТАРАТУРЫ: НА МАТЭРЫЯЛЕ СЛОЎНІКАЎ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ	62
Ekaterina Yagutkina (Belgorod, Russia) USING VOCABULARY OF BIBLICAL EXPRESSIONS IN ADVERTISING	69
Stella Yanutik, Alexander Amatov, Nelya Krivchikova (Belgorod, Russia) LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION OF ROMAN DERIVATIONAL AFFIXES	73

Section II. Text, discourse, communication: description category

Julia Balabaeva (Belgorod, Russia) METAREPRESENTATIVE PREDICATES WITH EVIDENTIAL SEMANTIC IN THE PRESENT DAY GERMAN (in scientific literature)	79
Larisa Voronina (Belgorod, Russia) A ROLE OF CULTURAL IDENTITY IN THE PROCES OF DERIVATIVES INFERENCE IN GERMAN LANGUAGE	83
Anastasia Kabluchko (Belgorod, Russia) ON A COMPARATIVE REVIEW OF RUSSIAN AND FRENCH PEDAGOGICAL DISCOURSES	88
Yuliya Melnikova, Elena Shigoreva (Belgorod, Russia) NEGATIVE-EVALUATIVE POTENTIAL OF EUPHEMISMS IN MEDIA TEXTS (IN THE CONTEXT OF GERMAN-SPEAKING MEDIA)	92
Sofia Moiseeva, Ekaterina Smirnova (Belgorod, Russia) METAPHORS IN THE VERBALIZATION OF THE CATEGORIAL CONCEPT «TASTE»	96
Margarita Naydenova, Natalia Kudryavtseva (Belgorod, Russia) STRUCTURAL FEATURES OF GERMAN COMPLEX NOUNS IN THE EARLY-NEW-HIGH-GERMAN PERIOD	102
Natalia Nevenglovskaya (Belgorod, Russia) STYLISTICS OF NEWSPAPER DISCOURSE IN LINGUOCULTURAL ASPECT	105
Lyudmila Proskurnina (Belgorod, Russia) LEXICAL MEANS OF EXPRESSING OF HISTORICAL COLOUR IN THE NOVEL OF I.I. LAZHECHNIKOV «BASURMAN»	111
Arkadiy Sedykh (Belgorod, Russia) ON THE LANGUAGE AND «COLOR» PICTURES OF THE WORLD	118
Natalia Sedykh (Belgorod, Russia) ON THE GLUTTONIC VOCABULARY AND NATIONAL CHARACTER	122
Vladimir Sergei, Inna Rafalskaya (Mozyr, Republic of Belarus) GERMAN PREPOSITIONS-SYNONYMS «AN» AND «AUF»: DICTIONARY DEFINITIONS AND SPEECH PRACTICE	125
Tatiana Skokova (Belgorod, Russia) THE RELAYING OF COGNITIVE AND MENTAL MEANINGS THROUGH THE NAMES OF MYTHOLOGICAL IMAGES	128
Sergei Sossoenko (Belgorod, Russia) SPORTS PHRASEOLOGY, NAMES OF COLORS AND SLANG: RUSSIAN AND FRENCH	132
Arkadiy Surzhin (Belgorod, Russia) SOME ASPECTS OF INTERNET JARGON IN FRENCH	138
Vera Kharchenko (Belgorod, Russia) FOR SPECIALIST FROM NON-SPECIALIST: PHILOLOGY – PEDIATRY AS A PROJECT	142
Maria Chernoshtan (Belgorod, Russia) CHILD IDENTITY AND PARENT DISCOURSE	150
Elena Shcherbinina, Marina Bondareva, Alexei Kolesnikov (Belgorod, Russia) MOTIVATION IN NOMINATION OF AGRICULTURAL TERMINOLOGY OF MEAT PROCESSING	155

Раздел 1. Методологические и лингвистические аспекты лексикографии

LEXICULTURE ET DICTIONNAIRES: DÉCALAGES CULTURELS

Jean PRUVOST

Directeur du laboratoire CNRS LDI-Cergy
Professeur des universités en Sciences du langage
Cergy-Pontoise, France / pruvost.jean0943@orange.fr

Arkadiy SEDYKH

Directeur du département de français et d'allemand
Université nationale de recherche de Belgorod, Russie
Professeur des universités en Sciences du langage / sedykh@bsu.edu.ru

La lexiculture est en réalité un concept qui a été mis en avant par Robert Galisson, qui s'apercevait combien d'un pays à l'autre, le même mot, le même référent plus exactement, ne donnaient pas du tout les mêmes images, les mêmes représentations.

Partant du principe que les dictionnaires offrent le plus souvent une sorte de définition savante des choses, il a souhaité aussi qu'on aborde pour les étudiants, pour tous ceux qui apprennent une autre langue, ce qu'il appelle «la langue en partage», la langue courante qui (elle) est assez éloignée, parfois, de la langue savante.

Je vais m'expliquer avec un premier exemple. Nous allons donc aborder tout ce qui concerne la lexiculture. Si le sens du mot est référentiellement le même, dénotativement diraient les linguistes, les connotations ne sont pas toujours les mêmes.

Un premier exemple:

La notion d'écureuil.

Tout le monde voit de quoi il s'agit qu'on soit au Québec ou en Russie. On est presque tous habitué à cet animal. Pourtant derrière ce simple mot, quand vous cherchez dans un dictionnaire la notion d'écureuil, vous avez la définition à peu près suivante:

Petit rongeur (sciuridé) arboricole à longue queue très touffue, excellent grimpeur, capable de sauts très étendus, faisant usage des pattes de devant pour tenir les graines et fruits dont il se nourrit, amassant des provisions en vue de l'hiver et aisément familier de l'homme. (L'écureuil de France a le pelage roux, celui d'Angleterre est gris et un peu plus grand) [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>]

Mais la lexiculture nous pousse à dire autre chose que la définition dénotative. Ainsi, un écureuil aperçu dans un jardin privé évoque en principe pour un Français le charme retrouvé de la nature et s'il a à le dessiner, il sera spontanément représenté dans une robe rousse. Quant au symbole qu'il incarne, c'est invariablement à la notion constructive d'épargne qu'il renvoie en France. L'écureuil de la Caisse d'épargne a en effet valeur de symbole historique: il illustre pour beaucoup d'enfants la première tirelire bancaire qu'on leur ait offerte.

Pourtant, au Québec, on constatera que le collègue qui vous accueille dans son jardin et qui repère un écureuil sautant d'un arbre sur son toit l'assimilera immédiatement, et avec une grimace, à un rongeur indésirable, causant des ravages dans les greniers. Il peut d'ailleurs être gris comme un rat, et il ne s'assimile en rien à l'épargne.

Nous voilà donc en présence de ce mot «écureuil» qui, traduit dans des langues différentes, voire dans la même langue, à savoir le français de France et le français du Québec, n'évoque en rien les mêmes représentations. La notion d'écureuil (b'elka) chez les Russes a aussi ses particularités de représentations. Pour un Russe le mot écureuil

évoque avant tout un petit animal sympathique et affairé à qui on a le plaisir de donner à grignoter. Dans le folklore russe l'écureuil symbolise la vitesse de l'éclair. Dans un conte de fée de Pouchkine (Conte du Tzar Saltane et de la belle princesse Cygne), connu de tous les enfants Russes, l'écureuil est décrit comme une source de richesses et de bien-être, mais que pour les classes sociales les plus élevées: *Un sapin se dresse dans une forêt. Au-dessous, un écureuil apprivoisé chantonne. Il casse des noisettes avec ses dents, non des noisettes ordinaires, mais des noisettes d'or et dont les amandes sont de pures émeraudes. Voilà ce qu'on appelle une merveille!*

Le poil d'écureuil de Russie sert à faire les pinceaux en petit-gris, appréciés notamment comme pinceau à aquarelle pour leur bonne rétention de l'eau et leur souplesse. Par extension, un «petit-gris» peut désigner tout pinceau long et fin utilisé pour le trait. En Russie tout le monde connaît cette expression *Vertetsa kak b'elka v kolesse* ('tourner comme un écureuil dans une roue'), ce qui veut dire: ne pas arrêter (de se démenner) | être tout le temps sur la brèche. Donc l'idée qui vient à l'esprit d'un russophone quand il voit cet animal ou entend le mot «écureuil» a des rapports associatifs avec les notions de course rapide, de richesses de classes sociales élevées, de travail usant et de pinceau, et en aucune façon de rat, de Caisse d'épargne ou de tirelire.

Il en va de même pour le muguet, cette petite plante aux fleurs semblables à des clochettes, définie par les botanistes comme:

Petite liliacée à rhizome rampant, à deux ou trois feuilles entre lesquelles se dresse une grappe de petites fleurs blanches en clochettes, très parfumées [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/muguet/53124?q=muguet#209759>].

Cette plante, pour nous les Français, elle est associée à la fête du travail, au Premier mai. Il n'en va pas de même dans les pays du Maroc ou d'Algérie, pays aussi francophones ou de tradition francophone. Une linguiste d'origine marocaine me disait: «Pour nous, le muguet est une mauvaise herbe, qui plus est, nocive pour les chèvres». Tandis que pour nous c'est une sorte de plante qui fait partie, disons, des grands symboles du travail. Le muguet fleurit au printemps et il est d'usage et de tradition d'offrir à ses proches un brin de muguet le Premier mai. Il est pour ainsi dire presque impensable, voire impossible, d'acheter du muguet au début du mois d'avril ou à la fin du mois de mai.

Quant aux Russes, ils associent le muguet principalement à une des premières fleurs du printemps et non pas du tout au Premier mai ou à de mauvaise herbe. Dans les œuvres poétiques russes le muguet est toujours associé à la pureté, la douceur, la fidélité, l'amour, les sentiments les plus exaltés. Le muguet était la fleur préférée de Piotr Ilitch Tchaïkovski, grand compositeur russe du XIXème siècle. Selon le «Dictionnaire associatif russe» dans l'esprit des russes de tous les jours le muguet est associé au «Krasnaya kniga» (La liste rouge de l'UICN) et aux «Landyshevy kapli» ('Gouttes de muguet' = les gouttes cardiaques). Cependant, les muguetts sont surtout considérés comme des premières fleurs de printemps.

Voilà encore un symbole qui est lexiculturel. Et les dictionnaires ne le disent pas toujours. Nos dictionnaires n'évoquent pas la Caisse d'épargne pour l'écureuil, nos dictionnaires, monolingues ou bilingues, n'évoquent pas toujours le muguet comme symbole du Premier mai.

Un dernier exemple.

Un accordéon est associé spontanément en France (surtout par les Français d'un certain âge) à la musique populaire et au bal musette, à Yvette Horner ou Giscard d'Estaing, comme le rappelle en 2002 les dessins de Plantu, représentant plaisamment le Président jouant de l'accordéon, devant la Constitution européenne en fin d'élaboration.

Il ne s'agit pas forcément d'une connotation partagée dans toute la Francophonie, c'est-à-dire, comme diraient quelques linguistes derrière Robert Galisson, d'une perception partagée culturellement dans une communauté linguistique, mais pas nécessairement explicitée dans les dictionnaires. On joue de l'accordéon en Louisiane aussi, mais cet instrument n'est pas là pour les bals populaires, il sert au blues et il n'y a aucun rapport avec Giscard d'Estaing. Voilà ce qui est dans le fond la lexiculture.

En Russie, l'accordéon est surtout utilisé lors des concerts de musique classique. Cependant, il existe aussi un type d'accordéon très proche de l'instrument français, et appelé lui «bayan». Le bayan ou accordéon chromatique, est apparu vers 1850. Son usage s'est développé au début du XXe siècle. Il doit son nom au légendaire vieux chanteur et narrateur russe (ou slave) Bayan (ou Boyan) qui se produisit devant plusieurs princes au XIe siècle. Il existe sous deux formes, accordéon chromatique à l'origine puis accordéon basses chromatiques [https://fr.wikipedia.org/wiki/Bayan_%28instrument%29].

Il faut rappeler qu'en France on trouve trois types d'instruments à clavier et à boutons qui portent le même nom «accordéon»: Accordéon Chromatique clavier piano, Accordéon Chromatique clavier boutons et Accordéon Diatonique (à boutons aussi). L'accordéon chromatique clavier boutons ressemble comme deux gouttes d'eau au bayan russe, mais c'est juste de la forme et non pas de la manière de jouer dont il s'agit. Le bayan est aujourd'hui en Russie un des instruments encore courants et actuels, et il est plutôt associé à la nostalgie d'une Russie ancienne et traditionnelle. Donc un bayan (équivalent russe d'accordéon en France) est associé spontanément en Russie à la musique populaire et aux «narodnye goulianya» (correspondants des bals musette français) et en aucune façon à Yvette Horner ou Giscard d'Estaing. Il existe d'ailleurs en russe une expression difficilement compréhensible et traduisible liée à cet instrument (bayan): «khoronili tiochou – porvali dva boyana» ('on a enterré la belle-mère – on a bousillé deux bayans'), pour évoquer la fête effrénée et bien arrosée des Russes. Alors, quand un Russe dit à son invité: *Eh bien, t'es venu avec un bayan?* – cela veut dire que la fête russe commence et ce n'est pas le bal musette français avec un accordéon pour une valse ou un tango.

Un autre aspect de lexiculture propre à chaque pays et qui fait qu'il nous faut connaître la culture de la Russie, il nous faut connaître les publicités qui sont faites pour tel ou tel produit, il nous connaît les anecdotes sur telle ou telle personnalité. C'est effectivement ce qu'on appelle les calques ou plus précisément les délexicalisations, c'est-à-dire le fait de prendre quelque chose de très connue et de changer un mot et de bénéficier ainsi du sens de l'expression très connue, en y ajoutant une dimension plus importante.

Je prends un exemple classique, le grand roman *Autant en emporte le vent* (angl. *Gone with the Wind*). Rien ne m'empêcherait d'écrire un article qui s'appellerait *Autant en emporte le dictionnaire*. Je bénéficierais dans le fond de deux images qui se renforcent. Ces délexicalisations sont pour Robert Galisson de hauts lieux aussi de lexiculture.

J'en prends un simple exemple. Le célèbre chanteur français Alain Souchon a eu un succès énorme avec sa chanson «Allo, Maman, bobo!», qui signifie en termes quelque peu enfantins: *Allo, Maman, j'ai mal, je souffre, bobo!* Ce «Allo, Maman, bobo» est devenu une formule connue de tous.

Si j'écris: *Allo, Maman, dico!*, tout le monde pensera à cette chanson, à ce sentiment un peu d'enfant fragile et l'associera à la notion de dico et d'apprentissage. Eh bien, ce «Allo, Maman, dico» ou plutôt «Allo, Maman, bobo», la formule initiale, on ne la trouvera pas dans le dictionnaire. Et pourtant elle est très utilisée dans des

délexicalisations: *un train peut en cacher un autre*, c'est l'affiche qu'on voit dans tous les trains pour y faire attention. Il y a *un dico peut en cacher un autre*, voilà encore ce qui fait partie de la lexiculture.

Dans les dictionnaires, un deuxième point que nous pourrions aborder, en lien avec lexiculture, c'est la notion d'écart culturel. Il est très évident que nos systèmes scolaires, la manière dont nous notons, les disciplines auxquelles nous accordons, dans chacun des pays, une importance parfois privilégiée, font que, il y a des phrases incompréhensibles et même intraduisibles, parfois.

Je prends l'exemple de quelqu'un qui dirait: *Passe ton bac d'abord!* et qui dirait *J'ai eu quatorze en philo au bac*. Ce «*Passe ton bac d'abord!*» est une expression fort importante en France, et ce depuis bien cinquante ans déjà. La situation changera peut-être, mais pour le moment il en est de la sorte. Les lycéens passent d'abord leur bac, les parents sont soucieux qu'ils aient ce diplôme, et après, il y a une certaine liberté de choix et on devient étudiant (ou pas soit dit en passant!). Ce n'est pas la même chose dans chaque pays. La notion de bac est chez nous comme une sorte de valeur de frontière.

J'ai eu quatorze en philo au bac ça veut dire, j'ai eu une très bonne note. Parce que c'est quatorze sur vingt, nous notons sur vingt. La philosophie est une discipline rarement enseignée dans le secondaire. En Allemagne par exemple, elle ne figure qu'au sein des universités. Il y a beaucoup de pays où on n'enseigne pas la philosophie en terminale. Depuis des décennies en France c'est une sorte de caractéristique. Ce n'est pas toujours facile à comprendre pour un allophone et cela mérite aussi d'une certaine manière une analyse lexiculturelle.

Cf. Le système éducatif russe et l'éducation en Russie sont principalement fournis par l'État, régularisés par le Ministère de l'enseignement et de la science. À l'âge de 16-17 ans, en 11ème classe, équivalent de la Terminale, les élèves russes passent leur examen de fin d'études secondaires (*Yediniy gosudarstvenniy ekzamen*, EGE = un Examen Unique Fédéral) et obtiennent (ou non) un «diplôme de fin d'études» (certificat de formation générale de base = *Attestat ob Osnovnom Obshchem Obrazovanii*, connu familièrement sous le nom de *Attestat Zrelosti*, lequel se traduit par «certificat de maturité»), équivalent au Baccalauréat français. Avec ce diplôme un jeune peut s'inscrire à la faculté choisie ou participer aux concours. Les parents russes disent aussi à leur progéniture: *Passe ton EGE d'abord!*, car les parents russes sont très soucieux, pas moins que les parents français, que leurs enfants aient ce fameux diplôme de fin d'études secondaires pour avoir enfin une certaine liberté de choix. Mais si un parent russe dit littéralement: *Passe ton bac d'abord!*, il risque d'être mal compris, car le mot «baccalauréat» (bacalavr), en Russie actuelle, veut dire celui qui a «une formation universitaire dans des domaines spécialisés tels que l'enseignement, la chimie, le génie».

Pour conclure avec quelque chose qui me tient à cœur aussi quand il s'agit des dictionnaires. C'est la différence entre lexicologie, lexicographie, dictionnaire et métalexigraphie.

La lexicologie, on le sait, c'est l'étude scientifique des mots. La lexicographie, il y a un sens général, c'est le fait d'élaborer des dictionnaires (bilingues, monolingues). Littré, Larousse, on peut considérer qu'ils étaient des lexicographes. Mais dans les années 1980, Bernard Quemada annonçait un autre mot qui existait déjà, mais qu'il a rénové, renouvelé, c'est le mot de dictionnaire.

La lexicographie pour Bernard Quemada, c'est s'intéresser à un ensemble de mots dans tel ou tel domaine (des animaux, la flore etc.) et de ne pas se préoccuper de la fabrication d'un objet, d'un dictionnaire de papier ou électronique, mais travailler en

chercheur et c'est ce qu'il redéfinit comme étant la lexicographie. Et dit-il, il y a à côté la dictionnaire. Alors, c'est un nouveau mot qu'il faut intégrer et elle consiste à mettre en forme ce que les chercheurs ont trouvé, ont produit sans se soucier de la vente d'un ouvrage du nombre de pages, du nombre de signes.

Pour mieux m'expliquer, je peux être un lexicographe et faire de la lexicographie, en m'intéressant aux fruits et en décrivant tout ce que je peux trouver dans des corpus sur le mot, sur les différents types de fruits. Dans ce cas-là, je ne tiens pas compte du nombre de pages, du nombre de lignes, je rassemble des informations. Rien ne m'empêche d'avoir 400 pages sur l'abricot, quand je n'en aurais que 150 sur la cerise etc. C'est de la recherche, je récupère des informations, j'essaie d'y voir clair et de structurer l'ensemble sans avoir pour objectif de faire un dictionnaire.

Mais il vient le moment où il faut faire un dictionnaire, alors là je suis dans la dictionnaire: Combien de pages? Combien de signes sur mon ordinateur? Combien de mots (d'entrées)? Quelle macrostructure (comment organiser la nomenclature des mots)? Quelle microstructure (exemples, citations, illustrations)? Et le tout avec un objectif commercial qui est de vendre ce dictionnaire qu'il soit achetable, qu'il soit dans un certain nombre de pages et qu'il soit finalement, pour un éditeur, viable.

Un dernier exemple de cette différence entre la lexicographie, recherches pures et la dictionnaire. Prenons le Petit Larousse, mis à jour annuellement depuis sa première parution en 1905. Quand on achète le Petit Larousse, chaque année on a droit à quelques mots nouveaux, mais ce qu'il faut savoir c'est que si un mot nouveau apparaît à la première page et que ce mot nouveau fait pousser (chasse, comme disent les typographes) le dernier article de la première page à la page suivante, c'est tout le dictionnaire qu'il convient de refaire.

Partant, les créateurs de tout dictionnaire se voient dans l'obligation de gagner de la place lors de la conception du nouveau cru, afin de pouvoir introduire de nouveaux termes. Cette optimisation de l'espace se fait au détriment de la proximité des exemples et peut même conduire à la suppression de certaines illustrations. Pour que l'on puisse tourner la page et ne pas avoir tout à refaire. Donc, ça c'est de la dictionnaire. Dans le fond c'est une manière de rendre achetable, commercialisable un dictionnaire en faisant des sacrifices. Il faut faire un meilleur choix possible pour le public (le prix du dictionnaire qui serait insurmontable) et l'éditeur, s'il fallait tout refaire.

Tous les sept ou huit ans on fait une refonte, qui autorise une transformation totale du dictionnaire originel. Mais tant qu'il n'y a pas de refonte et c'est comme ça qu'il peut vivre, un dictionnaire, on joue sur les lignes, sur les exemples qu'on supprime pour ajouter tel ou tel mot, tel ou tel nouveau sens. Ça, c'est la dictionnaire. Tant que l'on n'a pas compris qu'il y a d'un côté la recherche et d'un autre les éditeurs avec leurs contraintes dictionnaires, alors on continuera de passer à côté de ce qu'est intrinsèquement un dictionnaire.

Tout auteur de dictionnaire sait que les premières choses dont il doit se préoccuper sont assez triviales et ont trait au nombre de mots, au nombre de pages, au coût du livre et bien entendu au type de public visé. C'est ça qui est fascinant aussi et je sais que nous travaillons tous ensemble sur la lexicologie, la lexiculture, la communication. Un dictionnaire est aussi un superbe objet de communication, un superbe objet d'édition et presque même un objet de technologie puisque l'on passe petit à petit au papier, au papier avec son CD-Rom, avec son support électronique et on a donc affaire à un bel objet dans son contenu mais aussi dans sa communication.

SAINT-JOHN PERSE LECTEUR DE SON *PETIT LAROUSSE*

Catherine MAYAUX

Professeur des universités, directrice de l'Institut des Études Doctorales
Université de Cergy-Pontoise (France) / catherine.mayaux@u-cergy.fr

Le poète français qui obtint le prix Nobel de littérature en 1960, Saint-John Perse (1887-1975), grand amateur de livres et de dictionnaires, a lu et annoté son *Petit Larousse* dans l'édition de 1952 de manière fort intéressante. Il est significatif qu'il ait annoté *Larousse*, dictionnaire dit encyclopédique, plutôt que *Littré*, grand dictionnaire qu'on dit plus tourné vers l'histoire de la langue. L'étude de l'ensemble de sa bibliothèque, telle qu'on peut l'étudier à la Fondation Saint-John Perse à Aix-en-Provence, conduit à la même observation: il est un lecteur plus encyclopédique et naturaliste qu'humaniste. La proportion des livres et encyclopédies consacrés à la nature, faune, flore, géologie..., aux sciences humaines (histoire, archéologie, géographie, ethnologie...) ou aux techniques (navigation etc.) y est beaucoup plus importante que celle réservée à la littérature et à la philosophie. Cette proportion se retrouve dans les annotations de son *Petit Larousse*: celles-ci concernent de manière massive le monde animal (386 occurrences), végétal (286) et minéral (104), celui de la navigation (80), le vocabulaire religieux (79), militaire et médiéval (58), les noms de métiers et des pratiques professionnelles (55), les matériaux de construction (49) et les tissus (30), la poésie et le langage (58), la physique-chimie (35), le vocabulaire juridique (30), et celui de l'astronomie (27). Cette prédominance écrasante du lexique lié à la nature et au cosmos correspond à la prépondérance du vocabulaire concret dans son œuvre poétique¹.

Le poète lit et annoté son *Petit Larousse* pour le plaisir, papillonnant à l'envi dans telle ou telle lettre, stylo rouge en main. Ce qui ressort de ces annotations, c'est que les mots à ses yeux ne sont pas séparés des réalités concrètes et qu'il a une conception ontologique de la langue et du langage qui récuse l'idée mallarméenne d'une rupture entre les mots et les choses²: lire le dictionnaire est pour lui une autre façon d'appréhender le monde physique. Même les mots liés au langage sont pour lui une réalité anthropologique et il les lit comme un encyclopédiste pour lequel «les langues, les grammaires, les signes sont dans le monde; et on doit en parler comme de toute chose au monde»³. Les ressources de la langue que lui donne *Larousse* sont pour lui manière de catégoriser le monde et les actions des hommes, d'en inventorier les richesses en poète, comme au temps des apprentissages de l'enfance⁴. D'emblée le travail de nomination s'élève au rang de travail poétique⁵. L'instrument lui offre la poésie des savoirs en tant que ceux-ci dénombrent les activités humaines de tous les temps, du lointain passé par les termes du monde médiéval qui sont abondamment relevés à l'actualité la plus récente, par exemple en physique nucléaire. Aussi à travers les termes qu'il coche dans son *Petit Larousse* s'intéresse-t-il à la description concrète de l'item, retrouvant derrière le mot la substance sensuelle du réel: à «acanthé», il souligne «les fleurs d'acanthé ont une odeur forte et peu agréable»; et à «amarante», il relève «rouge de pourpre velouté» et pour

¹ Voir Pierre Van Rutten, *Le langage poétique de Saint-John Perse*, The Hague/Paris, Mouton, 1975.

² Voir Mallarmé, *Œuvres complètes II*, édition présentée, établie et annotée par Bertrand Marchal, Paris, Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 2003, p.213.

³ Alain Rey, *Le lexique : images et modèles du dictionnaire à la lexicologie*, «Linguistique», Paris, Armand Colin, 1977, p. 89.

⁴ Saint-John Perse, *Œuvres complètes*, Bibliothèque de la Pléiade, Gallimard, 1972, p. 24.

⁵ *Ibid.*, p. 675.

l'insecte rare, la cicindèle, il coche «odeur musquée». Saint-John Perse coche aussi certaines locutions témoignant des usages des mots et de la fonctionnalité de la langue.

Il manifeste alors un goût pour un usage rigoureux de la langue, qui s'attache à nommer de manière précise chaque geste ou chaque objet pris dans son environnement propre. Saint-John Perse est l'homme de la propriété de la langue qui ordonne le monde suivant des mots qui ne peuvent qu'être mots de poète, signant l'adéquation entre la beauté du monde et la beauté de la langue. La manière même dont le poète porte attention aux mots dans le dictionnaire relève d'emblée du processus créatif, s'attachant à la pertinence, à l'adéquation des mots et du monde. Saint-John Perse réserve à son *Petit Larousse* le même traitement qu'aux autres livres de sa bibliothèque, également annotés et qui ont parfois directement servi à l'écriture de poèmes⁶.

Par exemple, il annote le mot «bâcler» pour son sens de «fermer une porte par derrière au moyen d'une bâcle», «éborgner» pour «enlever les yeux d'une plante», la «balancelle» pour son sens maritime de «grosse embarcation de la Méditerranée», ou encore le terme «cliver» pour son sens premier de «fendre un corps minéral dans le sens naturel de ses couches». S'il retient «divaguer», ce n'est pas pour le sens de «délirer», mais pour celui de «sortir de son lit (en parlant d'une rivière)». Et pour «marnier», c'est son sens maritime qu'il annote [monter par l'effet de la marée], et non son sens agricole plus courant, soulignant la formule: «la Méditerranée ne marne pas». Sa formation de juriste lui fait souligner l'expression «crier une vente» pour le sens propre de «proclamer les enchères». Cet emploi très précis des mots, dans une quête de la propriété, se retrouve dans sa langue poétique dont un lecteur trop pressé risque de ne pas saisir à première lecture la rigoureuse exactitude cachée derrière une apparente facilité. Ainsi dans le Chant II d'*Anabase* marqué par l'érotisme et une atmosphère de viol, le sens polysémique de la phrase: «ah! que la langue du lézard sait cueillir les fourmis à l'endroit de l'aisselle!»⁷ risque d'échapper à celui qui ne sait que «l'aisselle» relève aussi du registre de la botanique et désigne l'angle formé entre le pétiole d'une feuille et la branche. De même le plein sens de la phrase de *Chronique*: «la main de l'homme est dans la pierre et tire un aigle de sa nuit»⁸ échappera également à qui ne sait que la «nuit» est aussi un terme de vénerie, que défaire la nuit d'une bête, c'est la tirer de l'endroit où elle fait sa nuit. Toujours dans le *Petit Larousse* de 1952, il relève au mot «barbe» l'expression de «barbe d'un épi» qui désigne les pointes des épis de céréales; c'est un mot dont il connaît bien le spectre pour l'avoir employé deux fois au Chant VII d'*Anabase*, une fois précisément dans ce sens botanique: «Pas une graine pure dans les barbes du vent», une autre fois à la même page dans un registre zoologique dans «la terre toute attente dans ses barbes d'insectes»⁹, comme si le poème explorait dans son soubassement lexicographique les différents emplois possibles du mot. Cette propriété des mots employés qui donne à la poésie de Saint-John Perse sa charge de réalité est le fruit conjoint de sa fréquentation assidue et répétée des dictionnaires, des encyclopédies, des livres d'ethnographie, de botanique, d'entomologie ou d'ornithologie; et d'une vie tournée autant que faire se peut vers le monde de la nature et des grands espaces dans lesquels il puise aussi bon nombre de ses connaissances techniques. «Je prétends que ma

⁶ Voir *Saint-John Perse lecteur-poète, Le lettré du monde occidental*, Peter Lang, 2006.

⁷ Saint-John Perse, *Œuvres complètes, op. cit.*, p. 95.

⁸ *Ibid.*, p. 391. Pour ces deux observations, voir *Saint-John Perse sans masque, Lecture philologique de l'œuvre*, C. Camelin, J. Gardes Tamine, C. Mayaux, R. Ventresque, sous la direction de J. Gardes Tamine, Presses Universitaires de Rennes, [2002] 2006, p. 221 et 389.

⁹ Saint-John Perse, *Œuvres complètes, op. cit.*, p. 105 et p. 106.

langue est précise et claire [...] répond-il à Pierre Mazars dans un entretien publié dans *Le Figaro littéraire* du 5 novembre 1960, Si le mot que j'ai choisi se trouve dans le Larousse, je le garde. Mais notre vie est devenue une vie de bureau, l'homme perd le contact expérimental avec la nature. J'ai fait beaucoup de mer et de cheval, j'ai le goût de la botanique et de l'ethnographie, et je suis très étonné de voir que l'homme est devenu tellement urbain que les mots courants ruraux, même pas des archaïsmes, sont devenus des "mots rares"¹⁰

Précisément le monde rural, les tâches du paysan, du bûcheron, de l'oiseleur, du chasseur, plus généralement les gestes de l'homme de la campagne ont une place importante dans la liste des termes qu'il relève dans son Larousse de 1952: l'araire et la serfouette, l'épeautre et le prunellier, le baliveau et la cépée, le bel adjectif « armenteux » pour désigner des prés riches en bétail et qui vient de l'*armentum* latin, sont relevés au même titre que toute une série de verbes d'action qui évoquent les travaux et les jours d'un monde attaché à la terre : l'hivernage [donner aux terres un dernier labour avant l'hiver], provigner [marcoter], effaner les blés, le ventage [nettoyage des grains de blé avec un van] et la ferrade [marquer le bétail], écuissier [faire éclater accidentellement le tronc d'un arbre en l'abattant], écobuer, échardonner, éborgner, écaler... séduisent notre lecteur dont le relevé construit mentalement un paysage de Géorgiques, et qui coche au passage, comme pour les piquer au lointain, la «jument baie» et le «cheval balzan»¹¹.

La proportion de mots vieilliss destinés à disparaître avant peu du dictionnaire d'usage est importante parmi ceux qu'a relevés le poète ; un tiers des mots relevés à la lettre « A » du *Petit Larousse* de 1952 a disparu dans la refonte de celui de 1968 (73 sur 222 relevés), un tiers également des mots relevés à la lettre « L » (20 sur 60), et 37% pour la lettre « V » (35 sur 93). L'étude très affinée de Jean et Claude Dubois dans *Introduction à la lexicographie*¹² de 1971 a en effet montré qu'entre 1949 et 1960, le taux de suppression du vocabulaire représentait 14% ; ce qui, même pour une période plus courte, reste nettement inférieur au taux de suppression du vocabulaire choisi par Saint-John Perse. Au fil du temps, parmi les mots soulignés par le poète, se sont perdus des mots de choses, des termes de botanique, mais aussi des verbes d'action, verbes désignant des gestes disparus, dont ses poèmes conservent pourtant, à contre-courant de l'évolution lexicographique et sociologique, la trace. Contrairement à ce qu'observent Jean et Claude Dubois, à savoir que les mots du vocabulaire général disparaissent plus vite que ceux du vocabulaire technique¹³, parmi les mots retenus par Saint-John Perse, ce sont plutôt les mots techniques qui ont progressivement disparu du *Petit Larousse*. Sont ainsi tombés aux oubliettes parmi les mots qu'il aimait des termes de vénerie comme « vautre » [chien courant qui ne court que le sanglier et les bêtes noires] et « vautrer » [cours le sanglier avec les vautres], le mot vieilli de «vénéfice » [empoisonnement accompagné de sortilèges], le « vertex » comme désignant le sommet de la tête, « enfiler le venelle » qui signifiait « prendre précipitamment la fuite », la « vervelle » [anneau qu'on mettait à la patte des oiseaux et qui portait la marque de leur propriétaire] et « l'habit à verdurette des académiciens » qui avait tant plu au poète qui ne le revêtirait jamais est aussi tombé à la trappe dans la refonte de 1968 –comme bien d'autres choses

¹⁰ *Ibid.*, p. 576.

¹¹ Cheval noir ou bai, qui a des taches blanches sur la partie inférieure des membres.

¹² Jean et Claude Dubois, « Le mouvement général du vocabulaire français de 1949 à 1960, d'après un dictionnaire d'usage », dans *Introduction à la lexicographie : le dictionnaire*, Paris, Larousse, 1971, p.111-132, voir en particulier la page 113.

¹³ *Introduction à la lexicographie : le dictionnaire, op. cit.*, p. 113.

cette année-là... Ainsi en est-il aussi du beau verbe d'« auner » [mesurer à l'aune] que le Chant IV de *Vents* exhibait en 1945 dans une allusion transparente à la *Farce de Maître Pathelin* : « Compère, as-tu fini d'auner ton drap sur le pas de l'échoppe ? » et que reprend aussi le poème de 1960, *Chronique*, dans la très belle image d'une danse cosmique¹⁴. Si le mot qu'a choisi Saint-John Perse figurait dans le *Larousse*, mais n'y figure plus, il le garde aussi pourrions-nous ajouter au propos qu'il tenait à Pierre Lazars.

De fait, les annotations du *Petit Larousse*, comme l'œuvre, montrent que Saint-John Perse aime aussi les mots dans leur dimension étymologique ou dans leur sens vieilli : il retient les mots dans le feuilletage de leur histoire, dans leur charge de sens originels et successifs ajoutés au sens moderne, ce qui suggère que pour lui, très mallarméen en cela, l'usage de la langue est avant tout héritage, et l'écriture toujours citation ou réécriture. Si l'on convient de ne prendre en compte que le *Petit Larousse* comme témoin de l'évolution de la langue et « miroir le plus fidèle possible du vocabulaire actuel »¹⁵, par rapport à lui, la langue poétique de Saint-John Perse se constitue comme un conservatoire de la mémoire lexicographique, musée vivant et poétiquement efficace des mots ou sens vieillis ou destinés à disparaître dans le laps d'une génération. Ainsi pour « abîmer », c'est le sens vieilli de « renverser, culbuter » qu'il retient dans son dictionnaire, sens que l'on retrouve dans *Vents* : « Et j'abîmerai ma face de plaisir dans ces dénivellements plus vastes qu'il n'en règne aux rampes vertes des rapides »¹⁶. Quand la refonte de 1968 met au rebut l'adjectif « alcyonien », la langue poétique de Saint-John Perse sauve par anticipation dans le poème *Amers* de 1957 les « sept jours alcyoniens » dont il avait coché toute la rubrique dans son *Petit Larousse* de 1952 : « les jours qui précèdent et qui suivent le solstice d'hiver, pendant lesquels on dit que l'alcyon fait son nid et que la mer est calme ». Le participe « fêru » est retenu pour son sens verbal de « fêrir » « blesser », du latin *ferire* frapper, et plus spécifiquement pour le « tendon fêru » d'un cheval blessé par un coup. Lorsque dans l'« Invocation » d'*Amers* le poète se dépeint comme « parlant, parlant langue d'aubain parmi les hommes de mon sang », il retient évidemment pour « aubain » le sens juridique ancien des « étrangers soumis comme tels à un ensemble de déchéances et particulièrement du point de vue successoral », sens qui convient à un poète qui fut déchu de ses droits et de sa nationalité française et privé de ses biens en 1940 par le régime de Vichy ; mais résonne aussi en écho dans « aubain » un vieux sens provençal de « petit oiseau de proie », petit oiseau dont l'image apparaît dans le prolongement de la phrase : « le regard au loin, [...] à tel oiseau chantant son lai sur la Capitainerie du port », et le mot « lai » appartient lui aussi au vieux provençal pour désigner le chant d'oiseau¹⁷. Le langage poétique persien se constitue comme une « défense et illustration de la langue française » prise dans une large synchronie et dans ses résurgences linguistiques. Contre un certain normativisme qui a prévalu dans l'histoire des dictionnaires comme participant à l'élaboration de l'unité linguistique de la France tel que le décrit Alain Rey dans *Le lexique : images et modèles*¹⁸, Saint-John Perse se situe, discrètement, dans une forme de résistance.

Saint-John Perse en son *Petit Larousse* préfère aussi les sens rares aux sens courants d'un mot, ou bien entre divers homophones, il coche un sens moins attendu. Ainsi l'« ombre » qu'il annote est-elle poisson ou pigment terre de Sienne. Pour le mot

¹⁴ *Ibid.*, respectivement, *Vents*, IV, 5, p.245 et *Chronique*, VI, p.399.

¹⁵ Jean et Claude Dubois, *loc. cit.*, p. 111.

¹⁶ Saint-John Perse, *Œuvres complètes*, *op. cit.*, *Vents*, II, 3, p. 205.

¹⁷ *Ibid.* p. 263 ; voir *Saint-John Perse sans masque*, *op. cit.*, p.342.

¹⁸ *op. cit.*, p. 88.

« test », il retient le « test de l'oursin ». Les « rudiments » l'intéressent comme terme biologique désignant « les rudiments d'une plante ». Le « crayon » est pour lui une sorte de marne ; le « limon » est retenu pour citron, déjà investi dans *Vents* : « que d'autres zestes nous trahissent dans nos boissons de limons verts »¹⁹ ; la « limande » est une bande de toile goudronnée ; la « maille » une petite monnaie de cuivre, que l'on retrouve dans les « liards et mailles de bon aloi » de *Vents*²⁰ ; le « goujat », un valet d'armes, et la « fêrulle » et la « rue » sont toutes deux une plante dans son relevé. Cette lecture du dictionnaire relève d'une véritable poésie autant que d'une vision élargie du monde, un monde dont on a oublié la profusion, et les constellations de mots cochés sont aussi fondées sur les valeurs sonores et graphiques, et la résonance originale, étrange, sinon étrangère, à l'oreille d'un lecteur français.

Nous ne donnerons qu'un échantillon des nombreux mots rares et techniques soulignés par le poète, comme ces archaïsmes de l'antiquité : le « psellion » [bracelet antique], le « pschent » (qu'on retrouve dans *Vents* : « Princes et [...]Hôtes sous le pschent »²¹) ou du Moyen Âge, la « sambuque » [pont volant pour l'attaque des châteaux forts] ; le terme technique de droit « jacent » [dont personne ne revendique la propriété], de minéralogie : la « macle » [association de cristaux de même espèce], d'astronomie : la « syzygie » [nouvelle ou pleine lune] ou l'« écliptique » [plan de l'orbite terrestre autour de la terre] qui apparaît dans *Vents* dans « les grandes rames de calcaire aux trahisons de l'écliptique »²² ; le terme maritime de « nuaison » ou le « verveux » (filet à poisson) ; les termes de botanique : le « vergue » qui est un aulne, « l'ulve » qui est une laitue de mer, la « touvelle » qui désigne le blé dont l'épi est dépourvu de barbe, ou bien dans le registre animalier : le « psylle » [petite cigale très répandue en Europe occidentale] qui danse dans une phrase d'*Exil*²³, le « pygargue » qui pousse son cri « sur les rades désertes » d'*Amers*²⁴ la « vélie » [punaise d'eau], le « torcol » [oiseau grimpeur], le « trionyx » [tortue carnivore des régions chaudes].

Dans cette liste de mots soulignés, notamment parmi les mots rares, certains seront réinvestis dans le poème ultime *Sécheresse* publié en juin 1974, soit un peu plus d'un an avant la mort du poète (sept. 1975). Ainsi glissent dans l'écriture poétique : l'orpiment, les lucilies, les psoques, l'épeiche, la chaconne, l'avanie, le nerprun, et le verbe arraisonner : « n'était-il plus couleur au monde / que ce jaune d'orpiment ? » ; « le ciste et le nerprun sont pèlerins du maquis » ; « et le temps mis en cage nous fait entendre au loin son martèlement d'épeiche... ». Tout en dénonçant la « fange infatuée du langage » et en louant l'émaciation, l'abréviation, la désertification, Saint-John Perse s'abandonne sans aucune retenue à sa fascination des mots rares, des termes savants, à un luxe verbal qui contredit le dire du poème invitant au dénuement. Ce poème se transforme en une sorte d'Arche de Noé de la langue, inventoriant une dernière fois les richesses de la terre, et les étonnantes richesses lexicographiques de notre langue : « Sistre de Dieu, sois-nous complice. La chair ici nous fut plus près de l'os : chair de locuste ou d'exocet ! ». Le poème apparaît comme un hommage au langage et à sa nourricière abondance, poème en hommage aux mots eux-mêmes si proches de la belle réalité du monde. S'instituant non pas rival, mais parent et ami du dictionnaire, le poème

¹⁹ Saint-John Perse, *Œuvres complètes, op. cit.*, *Vents*, Chant II, 5, p. 211.

²⁰ *Ibid.*, Chant IV, 5, p. 245.

²¹ *Ibid.*, *Vents*, Chant III, 5, p. 228.

²² *Ibid.*, Chant I, 4, p. 187.

²³ *Ibid.*, « Et celle qui danse comme un psylle à l'entrée de mes phrases », *Pluies*, II, p. 142.

²⁴ *Ibid.*, *Amers*, « Dédicace », p. 385.

devient inventaire de mots de botanique (genévriers, ronciers, ciste, nerprun, paille, roses, rizières, mûrier, seigles, sorgho, ail), de géologie (argile, sel, orpiment, sables), de la faune (exocet, corail, lézard, couleuvres, guêpiers, bondrées, huppe, épeiche, oies, pieuvres, crotales, chiens), et plus particulièrement d'entomologie : le taon, la locuste, les Lucilies, les psoques, les mites, les réduves, les talitres, la cantharide, le lycène, les chenilles... Le poème s'accomplit même par endroits sous la forme du dictionnaire, puisque se greffent dans la phrase les définitions de quelques mots rares présentés entre guillemets:

Les heures cheminent devant nous au pas de l'espadrille, et, rétive, la vie remontera de ses abris sous terre avec son peuple de fidèles : ses « Lucilies » ou mouches d'or de la viande, ses psoques, ses mites, ses réduves ; et ses « Talitres », ou puces de mer, sous le varech des plages aux senteurs d'officine.

Saint-John Perse n'avait-il pas souligné dans son *Petit Larousse* de 1952 : «Lucilie: n.f., mouche aux couleurs éclatantes appelée vulgairement mouche dorée de la viande»? Ainsi le poète laisse-t-il clairement entrevoir son admiration et peut-être son envie pour le lexicographe créateur de mots, ordonnateur du réel, dont les rubriques essentialisent l'écriture poétique qui atteste conjointement de l'existence du mot et de la chose louée en une sorte de credo poétique et existentiel. Cette approche montre la parenté intime qui existe entre dictionnaires et poésie: Alain Rey et Henri Meschonnic défendent l'idée que les dictionnaires sont des œuvres. En retour l'œuvre de Saint-John Perse, si elle n'a évidemment pas le discontinu et le fragmentaire du dictionnaire, revêt une dimension encyclopédique par l'ampleur des domaines naturels qu'elle explore poétiquement, par la tentation dont elle témoigne d'une écriture d'encyclopédiste et par son souci de la langue. Ressort ainsi l'évidente proximité entre le poète et le lexicographe, tous deux fous de langage et de mots.

УДК 811.111'37

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ» ПОСРЕДСТВОМ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

Голубева Юлия Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры английского языка и методики преподавания

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / golubeva@bsu.edu.ru

Аннотация

Объектом изучения в данной работе выступают глаголы и глагольные сочетания, являющиеся языковыми средствами репрезентации концепта «Жестикуляция». Посредством анализа словарных дефиниций толкового словаря, нами выявляются основные составляющие значения жестикуляции. Ими оказываются форма и семиотическое значение жеста. Тот факт, что значение жестикуляции с разной степенью очевидной выраженности представлено в исследуемых глаголах, позволяет нам организовать лексическую категорию жестовых глаголов и глагольных сочетаний согласно принятому в когнитивной лингвистике прототипическому подходу к организации категорий.

Ключевые слова: концепт, прототип, глаголы жеста, лексическая категория

devient inventaire de mots de botanique (genévriers, ronciers, ciste, nerprun, paille, roses, rizières, mûrier, seigles, sorgho, ail), de géologie (argile, sel, orpiment, sables), de la faune (exocet, corail, lézard, couleuvres, guêpiers, bondrées, huppe, épeiche, oies, pieuvres, crotales, chiens), et plus particulièrement d'entomologie : le taon, la locuste, les Lucilies, les psoques, les mites, les réduves, les talitres, la cantharide, le lycène, les chenilles... Le poème s'accomplit même par endroits sous la forme du dictionnaire, puisque se greffent dans la phrase les définitions de quelques mots rares présentés entre guillemets:

Les heures cheminent devant nous au pas de l'espadrille, et, rétive, la vie remontera de ses abris sous terre avec son peuple de fidèles : ses « Lucilies » ou mouches d'or de la viande, ses psoques, ses mites, ses réduves ; et ses « Talitres », ou puces de mer, sous le varech des plages aux senteurs d'officine.

Saint-John Perse n'avait-il pas souligné dans son *Petit Larousse* de 1952 : «Lucilie: n.f., mouche aux couleurs éclatantes appelée vulgairement mouche dorée de la viande»? Ainsi le poète laisse-t-il clairement entrevoir son admiration et peut-être son envie pour le lexicographe créateur de mots, ordonnateur du réel, dont les rubriques essentialisent l'écriture poétique qui atteste conjointement de l'existence du mot et de la chose louée en une sorte de credo poétique et existentiel. Cette approche montre la parenté intime qui existe entre dictionnaires et poésie: Alain Rey et Henri Meschonnic défendent l'idée que les dictionnaires sont des œuvres. En retour l'œuvre de Saint-John Perse, si elle n'a évidemment pas le discontinu et le fragmentaire du dictionnaire, revêt une dimension encyclopédique par l'ampleur des domaines naturels qu'elle explore poétiquement, par la tentation dont elle témoigne d'une écriture d'encyclopédiste et par son souci de la langue. Ressort ainsi l'évidente proximité entre le poète et le lexicographe, tous deux fous de langage et de mots.

УДК 811.111'37

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ» ПОСРЕДСТВОМ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

Голубева Юлия Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры английского языка и методики преподавания

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / golubeva@bsu.edu.ru

Аннотация

Объектом изучения в данной работе выступают глаголы и глагольные сочетания, являющиеся языковыми средствами репрезентации концепта «Жестикуляция». Посредством анализа словарных дефиниций толкового словаря, нами выявляются основные составляющие значения жестикуляции. Ими оказываются форма и семиотическое значение жеста. Тот факт, что значение жестикуляции с разной степенью очевидной выраженности представлено в исследуемых глаголах, позволяет нам организовать лексическую категорию жестовых глаголов и глагольных сочетаний согласно принятому в когнитивной лингвистике прототипическому подходу к организации категорий.

Ключевые слова: концепт, прототип, глаголы жеста, лексическая категория

STUDYING OF LANGUAGE MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT «GESTICULATION» BY MEANS OF THE EXPLANATORY DICTIONARY (ON MATERIAL OF VERBAL LEXICON)

Julia Golubeva

Associate Professor of Department of English Language and Methods of Teaching, PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / golubeva@bsu.edu.ru

Abstract

This article deals with the verbs and verbal combinations which represent the concept "Gesticulation". By means of the analysis of dictionary definitions of the explanatory dictionary, we define two main components of the meaning of gesticulation. They are: the form and the semiotic meaning of a gesture. The fact, that the meaning of gesticulation with different degree of obvious expressiveness is presented in the studied verbs, makes it possible to organize the lexical category of the studied verbs and verbal combinations according to the prototypical approach to the organization of categories accepted in cognitive linguistics.

Key words: concept, prototype, verbs of gesture, lexical category.

В англоязычной художественной прозе концепт «Жестикуляция» отражён широким пластом глагольной лексики. Это обусловлено тем, что жесты являются важнейшим вспомогательным средством коммуникации, способствующим повышению эффективности коммуникативного акта. В нашей работе, посвященной изучению лексики, обозначающей невербальные компоненты коммуникации, объектом рассмотрения выступают лексемы, обозначающие коммуникативно значимые движения тела, головы, конечностей, и являющиеся средствами репрезентации концепта «Жестикуляция».

Так как результаты познавательной деятельности человека находят свое отражение, прежде всего, в словарях, мы использовали словарные толкования для выявления основных составляющих значения жестикуляции. Анализ глагола *gesture* свидетельствует, что данный глагол фиксирует концепт «Жестикуляция» в своем лексическом значении в большей степени, чем другие жестовые глаголы и глагольные сочетания. Так, глагол *gesture* является прототипом лексической категории глаголов и глагольных сочетаний, обозначающих жестикуляцию, поскольку, являясь собирательным обозначением жестов, он передает в наиболее общей и нейтральной форме самые существенные, значимые, определяющие специфику процесса жестикуляции, признаки. Прототипная сцена, связанная с глаголом *gesture* 'жестикулировать', включает одушевленное лицо, исполняющее жест в условиях непосредственного общения людей, жест как таковой, представляющий собой единство формы (телодвижение) и семиотического значения (передаваемые с помощью жеста абстрактные идеи), а также одушевленное лицо, которое воспринимает жест. В словаре Webster's School Dictionary [далее WSD] [377: 1986] глаголу *gesture* дается следующая дефиниция: '1 to make a gesture, 2 to express or direct by a gesture'. Так, данная словарная дефиниция отсылает нас к дефиниции соответствующего существительного. *Gesture* – 'the use of motions of the limbs or body as a means of communication' [WSD, 377: 1986]. Согласно дефиниции, приведенной в OALDCE, *gesture* – 'movement of the hand or head to indicate or illustrate an idea, feeling' [1974: 364]. Как известно, ядром лексического значения слова является его сигнификат, представляющий собой совокупность существенных признаков, обозначаемых словом объектов. Толкования значений слов в толковых словарях как раз и репрезентируют эти признаки. Таким образом, значение жестикуляции составляют два основных признака: 1) форма жеста – т.е. движение тела, головы,

конечностей; 2) семиотическое значение, закрепленное за этим движением. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Форма жеста – это исполнение жеста. Для передачи информации субъектом должны производиться действия, имеющие ту же физическую природу, что и обычные движения человеческого тела. Подтверждением этому может служить тот факт, что почти все глаголы жеста могут обозначать также идентичные в физическом отношении самодостаточные движения человеческого тела. Г.Е. Крейдлин [2001] указывает на то, что жесты имеют фазы (стадии) своей артикуляции, выделяемые с разной степенью четкости, и называет их, по аналогии с фонетикой, экскурсией, реализацией (воспроизведением) и рекурсией. Центральной для каждого жеста является стадия реализации, особенно ее кульминация или пик. «Экскурсия готовит движение, придавая ему нужную форму, рекурсия – это стадия, освобождающая энергию, выход из движения. Движения могут начинаться с разных исходных положений и дальше идти к пику разными маршрутами, после чего имеет место рекурсия» [Крейдлин, 2001: 179]. В большинстве случаев в словарных дефинициях глаголов жеста отражена стадия реализации жеста. Например:

Nudge – touch or push slightly with the elbow in order to draw sb's attention privately [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 1974: 584, далее OALDCE].

Wave – 1. move to and fro, up and down: flags/ branches waving in the wind. 2. cause (sth) to move in this way (eg to make a signal or request, to give a greeting, etc): ~ one's hand at sb; ~ to sb; ~ one's umbrella/ a flag. 3. cause (sb) to move in a certain direction by waving [OALDCE, 1974: 989].

Большинство глагольных сочетаний представляют собой описания стадии реализации в исполнении того или иного жеста, например: shake hands, take one's hat off, slam the door, cover one's face with one's hands и т.д. Однако в ряде случаев глагольные сочетания представляют собой описания других стадий исполнения жеста, например: hold out one's hand, extend one's hand (описывается стадия экскурсии жеста 'рукопожатие', обозначаемого лексемой 'handshake') или throw one's arms wide (описывается стадия экскурсии жеста 'объятие', обозначаемого лексемой 'hug').

Поскольку жест понимается в нашей работе как коммуникативно значимое движение тела, головы, конечностей, то жест обязательно предполагает тот или иной инструмент своего исполнения. В большинстве случаев глаголы жеста содержат в своей семантике указание на то, какой именно частью тела исполняется жест. Например: nod - bow (the head) slightly and quickly as a sign of agreement or as a familiar greeting [OALDCE, 1974: 579]. Исключение составляют собирательные обозначения жестов, а именно глаголы gesture, gesticulate, motion, которые могут имплицитно в своей семантике различать способы исполнения жеста. Соответственно, различными могут быть и инструменты исполнения жестов. Указание на инструмент исполнения жеста содержат, как правило, глагольные сочетания. Например: clench one's fingers/fists, touch one's arm/shoulder, shake hands и т.д. Очевидно, что на языковом уровне инструмент исполнения жеста выражен существительным, обозначающим соответствующую часть тела.

Семиотическое значение жеста – это та абстрактная идея или эмоция (в случае использования симптоматического жеста), которую жестикулирующий произвольно или непреднамеренно доносит до адресата жестикуляции. Семиотическое значение жеста может быть выражено:

- **эксплицитно:**

She knew he'd noticed her – he'd nodded once in her direction to signal he'd speak to her in a minute, she should wait. [Miller: 401];

- ИМПЛИЦИТНО:

“Put that chain lock on your door before you go to sleep tonight, okay?” Nina nodded, and the women disappeared [Miller: 416]. В данном примере жест, обозначаемый лексемой *nod*, используется для выражения согласия. Абстрактная идея, передаваемая жестом, может стать понятной **из контекста**:

“I want to change, though, Mums.” “Why? You look perfectly all right. This is just a piano lesson, after all. Look at me.” And she gestured down at her canvas skirt, her sandals, her old shirt [Miller: 199].

Активизировать концепт «Жестикуляция» только своим лексическим значением способны лишь глаголы и глагольные сочетания, содержащие в своей семантической структуре сему ‘телодвижение’, а также одну или несколько символических сем, то есть лексические единицы с системным значением жестикуляции. На функциональном уровне, благодаря введению в состав предложения-высказывания модификаторов смысла (жестовой природы обозначаемого глаголом действия), концепт «Жестикуляция» может быть активизирован глаголами других семантических групп и неустойчивыми глагольными сочетаниями. Мы полагаем, что о степени очевидной выраженности значения жестикуляции позволяет судить наличие и количество специфических символических сем в семантической структуре того или иного глагола. Чем больше символических сем содержится в семантической структуре того или иного глагола, тем с большей степенью очевидности он репрезентирует значение жестикуляции.

Для представления структуры категории глаголов и глагольных сочетаний, обозначающих жесты, мы обращаемся к прототипическому принципу формирования категорий, поскольку он позволяет включать в состав категорий лексемы, обладающие разным количеством черт, общих с прототипом, а также лексемы, способные приобретать значение жестикуляции только на функциональном уровне. При ранжировании жестовых глаголов и глагольных сочетаний по принадлежности к ядерной и периферийной областям категории, мы руководствовались частотностью их употребления в художественной литературе, наличием значения жестикуляции в авторитетных словарях, но, самое важное, - наличием и количеством символических сем в семантической структуре глаголов и глагольных сочетаний.

Прототипом лексической категории жестовых глаголов и глагольных сочетаний является глагол *gesture*. *Gesture* является собирательным обозначением жестов, способным обозначать любой жест. *Gesture* передает в наиболее общей и нейтральной форме самые значимые признаки процесса жестикуляции. К ядерным единицам категории мы относим глаголы *gesticulate* и *motion*, также являющиеся собирательными обозначениями жестов.

К ядерным единицам мы относим глаголы и глагольные сочетания *nod*, *wave*, *shake one’s head*, *shrug*, *hug*, *shake hands*, *bow*, *tremble*, *shudder*, *shiver*. В значениях глаголов *gesture*, *gesticulate* и *motion* идея жестикуляции представлена в наиболее обобщенной форме, а в значениях глаголов и глагольных сочетаний *nod*, *wave*, *shake one’s head*, *shrug*, *hug*, *shake hands*, *bow*, *tremble*, *shudder*, *shiver* уточняется форма, семиотическое значение, манера исполнения каждого конкретного жеста и т.д. Как показывают словарные дефиниции глаголов и устойчивых глагольных сочетаний *nod*, *wave*, *shake one’s head*, *shrug*, *hug*, *shake hands*, *bow*, *tremble*, *shudder*, *shiver*, а также примеры фактического материала, в семантической структуре каждого из них присутствуют по несколько символических сем, что обусловлено многозначностью отображаемых ими жестов. Глаголы и устойчивые глагольные сочетания *nod*, *wave*, *shake one’s head*, *shrug*, *hug*, *shake hands*, *bow*, *tremble*, *shudder*,

shiver используются для обозначения распространённых, общеизвестных жестов, типичных для носителей английского языка.

К единицам ближайшей периферии относятся глаголы и глагольные сочетания, в семантической структуре каждого из которых присутствует только одна символическая сема (nudge, beckon, kneel, point, applaud, take one's hat off и др.).

К единицам дальней периферии относятся глаголы других семантических групп (express, reveal, signal, indicate, show, dismiss, move, stop и т.д.) и неустойчивые глагольные сочетания (to cover one's face with hands, to cup a hand behind one's ear и т.д.). Лексические единицы, относящиеся к ядру и ближайшей периферии, являются системными средствами обозначения жестов, а к дальней периферии мы относим глаголы и неустойчивые глагольные сочетания, не зафиксированные в словарях как средства отображения жестов. Данные лексические единицы способны обозначать жесты лишь в определенных контекстуальных условиях.

Важным итогом работы является получение представления о том, как структурированы знания о жестикуляции в сознании человека и каковы внутренние механизмы формирования лексического значения номинатов жестов.

Литература

1. Крейдлин, Г.Е. Кинесика / Г.Е. Крейдлин // Григорьева, С.А. Словарь языка русских жестов / С.А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – М.; Вена, 2001. – С. 166-248.
2. Miller, S. Family Pictures / S.Miller. – N.Y.: Harper Paperbacks, 1999. – 500 p.
3. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1974. – 1055 p.
4. Webster's School Dictionary. Merriam – Webster Inc., Publishers Springfield, Massachusetts, U.S.A. 1986. – 1167 p.

References

1. Kreidlin, G.E. Kinesics / G.E. Kreidlin // Grigorieva, S.A. Dictionary of Russian Gestures / S.A. Grigorieva, N. V. Grigoriev, G. E. Крейдлин. – Moscow; Vienna, 2001. – Pp. 166-248.
2. Miller, S. Family Pictures / S.Miller. – N.Y.: Harper Paperbacks, 1999. – 500 p.
3. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1974. – 1055 p.
4. Webster's School Dictionary. Merriam – Webster Inc., Publishers Springfield, Massachusetts, U.S.A. 1986. – 1167 p.

УДК 811.13

НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ ДЕРИВАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Котенёва Инна Анатольевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / koteneva@bsu.edu.ru

Трещёва Наталья Васильевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / trecheva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается корпус лексики, образованный в результате развития деривационных механизмов, происходящих в словообразовательной системе современного французского языка и отражающих новые тенденции формирования номинативного потенциала языка.

Ключевые слова: словообразование, деривация, дериват, номинация, номинативное значение.

shiver используются для обозначения распространённых, общеизвестных жестов, типичных для носителей английского языка.

К единицам ближайшей периферии относятся глаголы и глагольные сочетания, в семантической структуре каждого из которых присутствует только одна символическая сема (nudge, beckon, kneel, point, applaud, take one's hat off и др.).

К единицам дальней периферии относятся глаголы других семантических групп (express, reveal, signal, indicate, show, dismiss, move, stop и т.д.) и неустойчивые глагольные сочетания (to cover one's face with hands, to cup a hand behind one's ear и т.д.). Лексические единицы, относящиеся к ядру и ближайшей периферии, являются системными средствами обозначения жестов, а к дальней периферии мы относим глаголы и неустойчивые глагольные сочетания, не зафиксированные в словарях как средства отображения жестов. Данные лексические единицы способны обозначать жесты лишь в определенных контекстуальных условиях.

Важным итогом работы является получение представления о том, как структурированы знания о жестикуляции в сознании человека и каковы внутренние механизмы формирования лексического значения номинатов жестов.

Литература

1. Крейдлин, Г.Е. Кинесика / Г.Е. Крейдлин // Григорьева, С.А. Словарь языка русских жестов / С.А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – М.; Вена, 2001. – С. 166-248.
2. Miller, S. Family Pictures / S.Miller. – N.Y.: Harper Paperbacks, 1999. – 500 p.
3. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1974. – 1055 p.
4. Webster's School Dictionary. Merriam – Webster Inc., Publishers Springfield, Massachusetts, U.S.A. 1986. – 1167 p.

References

1. Kreidlin, G.E. Kinesics / G.E. Kreidlin // Grigorieva, S.A. Dictionary of Russian Gestures / S.A. Grigorieva, N. V. Grigoriev, G. E. Крейдлин. – Moscow; Vienna, 2001. – Pp. 166-248.
2. Miller, S. Family Pictures / S.Miller. – N.Y.: Harper Paperbacks, 1999. – 500 p.
3. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1974. – 1055 p.
4. Webster's School Dictionary. Merriam – Webster Inc., Publishers Springfield, Massachusetts, U.S.A. 1986. – 1167 p.

УДК 811.13

НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ ДЕРИВАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Котенёва Инна Анатольевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / koteneva@bsu.edu.ru

Трещёва Наталья Васильевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / trecheva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается корпус лексики, образованный в результате развития деривационных механизмов, происходящих в словообразовательной системе современного французского языка и отражающих новые тенденции формирования номинативного потенциала языка.

Ключевые слова: словообразование, деривация, дериват, номинация, номинативное значение.

NOMINATIVE ASPECT OF DERIVATION MECHANISMS IN MODERN FRENCH

Inna Koteneva

Associate professor, Department of German and French languages
Candidate of philological Sciences

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia / koteneva@bsu.edu.ru

Natalia Trescheva

Associate professor, Department of German and French languages
Candidate of philological Sciences, Associate professor

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia / trescheva@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with the body language, formed as a result of diversion mechanisms occurring in the formative system of modern French language and reflecting new trends shaping nominative potential of language.

Keywords: word formation, derivative, nomination, nominative value.

Знания, которые могут быть вербализованы в языке, неисчислимы и многообразны. Современная лингвистика, взяв за основу положение Аристотеля об обусловленности номинативного значения опытом, дополняет его положением о том, что “познающий субъект – носитель когниции – является активным началом, генерирующим значения выражений, а не берущий их готовыми от природы” [КСКТ, 1997: 74]. Этим и объясняется, по мнению лингвистов, “чрезвычайная сложность языка, масштабность его средств и ресурсов в сочетании с вариабельной реализацией, иерархичность в системе и структурном построении, комплексность в структурах и формировании значений как в слове, так и при реализации более сложных построений и многие другие присущие языку факты...” [Кобрина, 2005: 59].

Кроме того, в лексике любого языка отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества. Каждое новое поколение вносит нечто новое не только в общественное устройство, в философское и эстетическое осмысление действительности, но и в способы выражения этого осмысления средствами языка, «...в ходе языковой эволюции используется и содержательно-смысловый потенциал, который находится в самом словарном составе языка: изменение значений слов, переосмысление, наращение новой семантики, стилистические переоценки слов – все это, наряду с рождением новых слов, значительно расширяет и обогащает словарь языка, усиливает его потенции» [Земская 1973: 304].

Одним из основных средств пополнения и развития словарного запаса языка является процесс деривации, обеспечивающий процесс образования новых слов в языке и, следовательно, играющий важную роль в классификационно-познавательной деятельности человека.

Словообразование определяет способы, по которым происходит образование в языке новых слов, детально изучает условия такого появления.

Так, например, в современном французском языке существует определенный диапазон способов номинации запаха. Однако приходится констатировать относительную ‘бедность’ собственно ольфакторной (лат. *olfactivus*: запах, обоняние) лексики. Словообразовательная деривация, становится тем процессом, который расширяет номинативное поле данной сферы. В качестве примера можно привести межчастеречные деривационные процессы ольфакторных номинативных единиц. Наибольшее число дериватов принадлежит ключевой лексеме, существительному *odeur*: *odeur* (*запах, аромат*) – *odor* (*обонять, нюхать, пахнуть*) – *odorat* (*обоняние*) – *odorant* (*благоухающий, пахучий*) – *odoriférant*

(*благоухающий, душистый*) – *déodorant* (*изменяющий пахнущее пространство*) – *désodorisant* (*устраняющий запах*) – *inodore* (*непахнущий, лишенный запаха*).

Процесс словообразования никогда не прекращается в живом языке, так как он отражает все изменения в окружающей действительности, и в этом смысле образование новых слов зависит от практических потребностей говорящих. Вместе с тем, функционирование словообразовательных моделей обусловлено лингвистическими факторами. Их дифференциация и специфика действия ярко прослеживаются на новообразованиях.

Среди суффиксальных производных одним из самых продуктивных способов образования слов в современном французском языке остаётся производство названий действующих лиц при помощи суффикса *-iste*. Так, для наименования специалистов в различных областях в современном французском языке используются существительные с суффиксом *-iste*, производные от однокоренных дериватов (существительных и прилагательных). Например: *voyagiste* – специалист по организации путешествий; *graphiste* – рисовальщик, рисовальщица (орнаментов, монограмм, пиктограмм и т. п.); *visagiste* – визажист; *standiste* – тот, кто работает у стенда на выставках; *moquettiste* – специалист по укладке напольных покрытий; *galériste* – хозяин галереи; *urgéniste* – врач, специалист в срочной помощи; *concuriste* – участник конкурса. Следует отметить, что последнее наименование образовалось по данному весьма эффективному способу и существует параллельно существующему в языке существительному *concurrent*.

Формант *-iste* образуется как от имён существительных, так и от прилагательных. Таким образом, в процессе изучения было выявлено, что из восьмидесяти трёх слов с суффиксом *-iste*, тридцать четыре слова связанные с термином «доктрина», относящиеся к тому или иному политическому движению, могут выступать как в роли существительного, так и прилагательного, например: *trotskiste* – троцкист, троцкистка; *gauchiste* – политический сторонник, сторонница «левых»; *gaulliste* – сторонник, сторонница де Голля, деголлевец; *vichyste* – вишийский; вишистский (от *Vichy*); *nomenclaturiste* – номенклатурщик.

Примечательно, что если раньше с помощью суффикса *-iste* образовывались преимущественно названия лиц, принадлежащих к политическим, социальным и другим течениям, то теперь семантика этого суффикса во французском языке стала гораздо шире. Этому способствует синонимия суффиксов. Так, при наличии во французском языке существительного *cuisinier* при создании другого слова со значением отличным от первого, производного от той же основы, используется другой суффикс: *cuisiniste* – тот, кто продаёт и устанавливает кухонную мебель. Словарь *Le Petit Robert* приводит производное даже от числительного: от *quinze* образовалось существительное *quinziste* – игрок в регби в команде из 15 человек, от существительного *emballage* – упаковка образовалось *emballagiste* – упаковщик. В словарях можно обнаружить не только имена существительные, но и прилагательные с данным суффиксом, означающими качество, связь, отношение, например: *déflationniste* – дефляционист, дефляционистка, сторонник, сторонница дефляции; *misérabiliste* – мизерабилистский; *jazziste* – комическая пантомима (в итальянском театре).

Семантика суффикса *-eur* с вариантами *-ateur*, *-iteur*, образующего отглагольные и отымённые существительные во французском языке, заключается в характеристике человека через его деятельность, например: *dopeur* (*doper*) – продающий допинг спортсменам; *refondateur* (*refonder*) – создающий новую партию, доктрину; *repreneur* (*repandre*) – тот, кто снова выкупает предприятие;

bombreur (*bomber*) - делающий граффити при помощи разбрызгивателя краски; *routeur* (*route*) – имеет два значения, относящихся к деятельности человека: 1. работник, распределяющий посылки по их назначению; 2. лоцман.

Следует отметить, что параллельно данному значению у суффикса - *eur* закрепилось значение «устройство» и «инструмент», так например: *rechausseur* - устройство, приподнимающее ребёнка в автомобиле; *dégrafeur* - инструмент для снятия канцелярских скрепок.

Следующий формант, суффикс -*ier* образует название лиц, занимающихся ремеслом или имеющих рабочую специальность, и характеризует их принадлежность к предмету, выраженному производящей основой, например: *cigaretteur* – производитель сигарет; *alcoolier* - производитель алкогольных напитков; *stadier* – работник стадиона, следящий за порядком.

Суффикс -*erie* образует наименования мест производства, торговли по названию производимого или предлагаемого товара, например: *croissanterie* – магазин «Всё для дома»; *solderie* – торговля, специализирующаяся на продаже со скидкой.

Суффикс -*âge* во французском языке образует производные преимущественно от глаголов, слова с этим суффиксом имеют значения действия и его результата, например: *visionnage* – просмотр фильма, передачи; *cryptage* – шифрование, кодирование; *bidonnage* - искажение событий в репортажах; *typage* – классификация вирусов и т.п. на типы в иммунологии.

Словообразование, обеспечивает процесс номинации и его результаты, представляет важную роль в классификационно-познавательной деятельности человека и выступает как одно из основных средств пополнения и развития словарного запаса языка.

От английского заимствования *nurs* во французском языке образовался термин *nursage* - служба обеспечения комфорта и чистоты тяжёлых больных.

Как правило, словообразовательная деривация призвана охватывать все новые и новые сферы деятельности человека. Так, во французском словаре появляются отымённые существительные, обозначающие процесс: *bureautique* – организационная и информационно-вычислительная техника; *confortique* – изучение и обеспечение комфорта в рабочих помещениях.

Анализ рассмотренных аспектов словообразовательной системы французского языка, способов словообразования, словообразовательных моделей деривации, словообразовательных значений позволяет говорить о развитии, пополнении, жизнеспособности, активности и продуктивности современного французского языка. Таким образом, изучение лексического состава языка, его словообразовательных возможностей, новых словообразовательных моделей и словообразовательных типов, вовлекаемых в процессы словообразования и/или семантической деривации, составляет одно из актуальных направлений современной лингвистики, расширяющих представление о номинативном потенциале языка.

Литература

1. Кобрин Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднородность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №3. – С. 59-69.
2. КСКТ. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Наука, 1997. – 245 с.

References

1. Kobrina N.A. About correlated the mental sphere and verbalization: interchangeability / relative autonomy / heterogeneity of the vector according to // Voprossi kognitivnoi lingvistiki. – 2005. – №3. – P. 59-69.
2. A short dictionary of cognitive terms. M.: Nauka, 1997. – 245 p.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС СОЗДАНИЯ КЛАССИФИКАЦИЙ ФИТОНИМОВ

Наталья Борисовна Кудрявцева

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *nkud@mail.ru*

Маргарита Викторовна Найденова

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *naidenova@bsu.edu.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются истоки становления ботанической номенклатуры, дается анализ классификаций номинаций фитонимов на основании различных экстралингвистических признаков, положенных в их основу, а также называются факторы, оказавшие влияние на формирование литературной ботанической лексики.

Ключевые слова: лексикография, ботаническая система, классификация растений, фитоним, мотивационный признак, таксон.

THE EVOLUTION OF PHYTONYM CLASSIFICATION

Natalia Kudryavtseva

Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod National Scientific Research University
Belgorod, Russia / *nkud@mail.ru*

Margarita Naidenova

Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod National Scientific Research University
Belgorod, Russia / *naidenova@bsu.edu.ru*

Abstract

The article looks at the evolution of botanical nomenclature as well as gives a detailed phytonym analysis based on various extralinguistic criteria. It also refers to some factors which gave rise to literary botanical terms.

Keywords: lexicography, botanical system, plant classification, phytonym, motivational indicator, taxon.

Объектом изучения ботаники является растительный мир, который находится в непрерывном развитии. Жизнь людей всегда была тесно связана с миром растений, которые играли в жизни первобытного человека решающую роль. Человек еще в древности знал десятки и сотни растений, и на протяжении своей многовековой истории ботаника систематически накапливала знания о своем постоянно развивающемся объекте. Познавательная деятельность людей, углубление знаний носит континуальный характер, поэтому увеличение количества номинативных знаков для обозначения познаваемых объектов – вполне закономерное явление. Ботаническая терминология каждого языка представляет довольно пеструю картину, что обусловлено рядом экстралингвистических причин. Прежде всего, ботаника как наука зародилась в процессе повседневной практики людей. Ботаническая научная терминология возникла только тогда, когда в обиходе уже имелось большое количество слов с флористической семантикой.

В ботанической науке неоднократно предпринимались попытки создания классификаций. История ботанических классификаций берет начало еще в глубокой древности. Так, одним из первых ученых, предпринявших попытку систематизации

данных о растениях своего времени, был ученик Аристотеля Теофраст (370-285 гг. до н.э.). В «Естественной истории растений» он описал и классифицировал около 500 видов, заложил основы морфологии, географии и экологии растений. Теофраст делил растения на дикорастущие и культурные, на вечнозеленые и листопадные, на деревья, кустарники, полукустарники и травы. Как видно, в основу его классификаций были положены «внешние» признаки, которые не передают внутренние связи. Однако, несмотря на это, Теофраст внес большой вклад в развитие биологической науки. Выделенные им 4 группы жизненных форм (деревья, кустарники, полукустарники и травы) существуют и в современной науке. В трудах Катона (III – II вв. до н.э.), Ибн Сины (Авиценны) (X – XI вв. н.э.), Диоскорида (I в. н.э.) преобладает прагматический подход к описанию растений, который заключается в том, что описанию подвергались, прежде всего, полезные (лекарственные и сельскохозяйственные) растения. В период средневековья, на протяжении многих веков, ботаника находилась в упадке. Любые научные исследования были невозможны. Использовались лишь сохранившиеся работы Теофраста, Плиния, Диоскорида. Предполагалось, что имеющихся в этих работах сведений о растениях вполне достаточно [Головкин 1986: 24].

Поворотным пунктом в исследовании и систематизации растений явилась эпоха Возрождения. Теперь природа изучалась «сама по себе», независимо от влияния культурных, социальных и прагматических факторов. Возможность исследования неведомых доселе стран, географические открытия повлекли за собой появление новых таксонов (видов и родов растений), неведомых доселе европейцам. Изобретение книгопечатания, позволившего тиражировать их изображение, было также поворотным моментом в развитии биологии как науки. Активное использование метода составления гербариев привело к появлению большого количества травников, авторами которых стали О.Брунфельс (1536), И. Бок (1539), Л. Фукс (1543), К. Геснер (1544), Р. Додонеус (1554), П. Маттиоли (1562), М. Лобелиус (1576). Но наряду с положительной, этот процесс имел и отрицательную сторону. Сложилась ситуация, когда одни и те же растения существовали под разными названиями, а разные растения имели одно и то же имя, что привело к неразберихе и хаосу. Подобное положение дел требовало создания классификации, которая основывалась бы на других, не внешних, а логических признаках. Разработкой подобных «существенных» признаков занялся итальянский ученый Андреа Чезальпино (1519 – 1603). Результаты его научных изысканий были изложены в его сочинении “De plantis” (1583). В основу классификации лег дедуктивный принцип Аристотеля, т.е. путь от общего к частному, разбиение множеств на группы. Он выделяет древесные и травянистые растения, дальнейшее деление осуществлялось на основе различий в плодоношении. Однако, несмотря на ряд положительных моментов, классификация Чезальпино была крайне несовершенна: было рассмотрено слишком мало признаков, к тому же их характеристика не сопровождалась оценкой их относительной значимости, и система оказалась классификацией не столько растений, сколько их признаков. Бинарные названия впервые были предложены швейцарским естествоиспытателем Конрадом Геснером (1516-1565); первая попытка ввести ее в научный обиход принадлежит швейцарскому биологу К. Баугину (1620). Попытка построения системы растений на основании морфологического строения венчика была предпринята французским ученым Жозефом Турнефором (1656-1708). Им было описано более 1000 новых видов, глубоко проработано понятие о роде, на основании чего выделено около 700 родов. Большой вклад внесли также Олаф Рудбек (1660-

1740), Дж. Рей (1682-1704), Антуан и Бернар Жюссье, Ганс Слоан, С.П. Крашенинников, П.А. Демидов и многие другие [Головкин 1986: 17; БСЭ-18, 1974: 98; БСЭ-14, 1973: 473].

Создать первую классификацию, обобщив весь предыдущий опыт предшественников, удалось великому шведскому ученому, ботанику К. Линнею (1707 - 1778). Важность и необходимость создания подобной классификации отражена в его метафорическом высказывании: «Система – это Ариаднина нить ботаники, без нее дело превращается в хаос» [Линней, 1989: 132]. В основу классификации растений Линней положил число, величину и расположение тычинок и пестиков цветка, а также признак одно-, дву- или многодомности растения, так как считал, что органы размножения - самые существенные и постоянные части тела растения. Установление этих признаков происходило на основании реально существующих, естественных особенностей строения растений [БСЭ-14, 1973: 473].

Следующей важной задачей, решенной в рамках данной классификации, была задача выбора адекватного языка, без которого упорядочение огромного многообразия было невозможно. Необходимо было изобрести такой язык, уже сама структура единиц которого указывала бы на место расположения таксона (типа растения с его специфическим обозначением) в ботанической системе. Таким образом, на основании греко-латинских элементов был создан искусственный язык, отвечающий всем этим требованиям. К. Линней ввел в научную ботанику так называемый «биномиальный», или «биномиальный», принцип именования растений и заложил основы бинарной номенклатуры, в которой первое слово являлось названием рода (*Fragaria*), а второе слово, номенклатурный эпитет – названием вида (*vesca*). Первоначально названия таксонов (видов растений) строились на основании учета мотивационных признаков, вследствие чего появлялись громоздкие и неудобные в применении случайные и тривиальные, нередко основанные на «народной номенклатуре», названия. К. Линней предложил использовать простые видовые эпитеты, которые не обязательно должны были отражать те или иные признаки растения [Головкин 1986: 18; БСЭ-18, 1974: 97]. Таким образом, в бинарной номенклатуре видовой эпитет иногда указывает на некоторые признаки или свойства растения или же ничего не сообщает о его особенностях. В настоящее время, начиная с 1935 года, правила наименования растений регулируются обязательным для всех ботаников Международным кодексом ботанической номенклатуры: каждый вид растения (таксон) обозначается родовым и видовым латинским названием, при этом в качестве таксона может выступать даже единичное растение, являющееся на том или ином этапе развития биологической науки единственным известным представителем своего вида (следует подчеркнуть, что обозначения таксономических единиц рангом выше вида, т.е. имена родов, семейств и т.п., имеют униномиальные/униномиальные, т.е. однословные, обозначения). Критериями вида являются: морфологические признаки (сходство в пределах одной семьи) и физиологические признаки (наличие плодового потомства). Созданная К. Линнеем система растительного и животного мира завершила огромный труд ботаников и зоологов второй половины XVIII века. Растения он разделил на 24 класса, описал и дал названия 1500 видам растений. Вначале К. Линней считал число видов неизменным, однако позднее допускал появление и открытие новых видов, что и было доказано ботаниками XIX-XX вв. [БСЭ-14, 1973: 473, 474; БСЭ-18, 1974: 95, 98]. Имя Линнея в ботаническом названии обозначается буквой L., имена других авторов, открывающих новые виды и

создающих номенклатурное название таксона, также передаются специальным символом [Панасенко 2000: 16].

Научное ботаническое название известно, как правило, узким специалистам, однако, тем не менее, латинские номенклатурные названия оказали большое влияние на формирование литературной ботанической лексики: в каждом европейском языке существует большое количество примеров, представляющих собой кальку или транскрипцию научных названий, которые из научного подъязыка переходят в литературную норму (общенародный язык) и в разговорный пласт лексики. В.Фляйшер отмечает, что в последние десятилетия граница между книжными и народными названиями становится нечеткой, расплывчатой (*fließend*), научные термины переходят в обиход, перестают восприниматься как книжные (*Buchnamen*): «*Sie nehmen eine Mittelstellung ein und bilden ein wichtiges Bindeglied zwischen Naturwissenschaft und Praxis*» [DdS-2, 1970: 751]. Это свидетельствует об отсутствии «непроницаемых перегородок» между различными функциональными стилями и пластами лексики.

Литература

1. Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах). Под ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1978.
2. Головкин Б.Н. О чем говорят названия растений. – М., Агропромиздат, 1986. – 168 с.
3. Линней К. Философия ботаники. – М.: Наука, 1988. – 451 с.
4. Панасенко Н.И. Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики (опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений): Дис. ... д-ра филол. наук.: –М., 2000. – 565 с.
5. DdS = Die deutsche Sprache: Kleine Enzyklopädie. – Bd.2. – Leipzig: Bibl.Inst., 1970. – 1174 S.

References

1. Great Soviet Encyclopedia (GSE). 14 vol. ed. A.M. Prokhorova. – 1978.
2. Etymology of Plant Names, Golovkin B.N. – 1986.
3. Botanical Philosophy, C. Linnaeus. – 1988.
4. Cognitive and onomasiological vocabulary analysis, Panasenko N.I. – 2000.
5. DdS = Die deutsche Sprache: Kleine Enzyklopädie. – Bd.2. – Leipzig: Bibl.Inst. – 1970.

УДК 811.161.1/111

ЛИНГВОКОНЦЕПТ *ИНТЕРНЕТ* В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ И В СОВРЕМЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Кураш Сергей Борисович

зав. кафедрой белорусской и русской филологии
кандидат филологических наук, доцент
Учреждение образования

«Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина»
Мозырь, Республика Беларусь / text2005@mail.ru

Струков Евгений Викторович

магистрант кафедры белорусской и русской филологии
Учреждение образования

«Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина»
Мозырь, Республика Беларусь / manffan@mail.ru

Abstract

Definitions of the word *Internet* in the dictionaries of English and Russian are studied in this article. Analysis of the functioning of word *Internet* in speech practices in English and Russian is carried out.

Keywords: internet, linguistic concept, speech practice, dictionary, definition.

создающих номенклатурное название таксона, также передаются специальным символом [Панасенко 2000: 16].

Научное ботаническое название известно, как правило, узким специалистам, однако, тем не менее, латинские номенклатурные названия оказали большое влияние на формирование литературной ботанической лексики: в каждом европейском языке существует большое количество примеров, представляющих собой кальку или транскрипцию научных названий, которые из научного подъязыка переходят в литературную норму (общенародный язык) и в разговорный пласт лексики. В.Фляйшер отмечает, что в последние десятилетия граница между книжными и народными названиями становится нечеткой, расплывчатой (*fließend*), научные термины переходят в обиход, перестают восприниматься как книжные (*Buchnamen*): «*Sie nehmen eine Mittelstellung ein und bilden ein wichtiges Bindeglied zwischen Naturwissenschaft und Praxis*» [DdS-2, 1970: 751]. Это свидетельствует об отсутствии «непроницаемых перегородок» между различными функциональными стилями и пластами лексики.

Литература

1. Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах). Под ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1978.
2. Головкин Б.Н. О чем говорят названия растений. – М., Агропромиздат, 1986. – 168 с.
3. Линней К. Философия ботаники. – М.: Наука, 1988. – 451 с.
4. Панасенко Н.И. Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики (опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений): Дис. ... д-ра филол. наук.: –М., 2000. – 565 с.
5. DdS = Die deutsche Sprache: Kleine Enzyklopädie. – Bd.2. – Leipzig: Bibl.Inst., 1970. – 1174 S.

References

1. Great Soviet Encyclopedia (GSE). 14 vol. ed. A.M. Prokhorova. – 1978.
2. Etymology of Plant Names, Golovkin B.N. – 1986.
3. Botanical Philosophy, C. Linnaeus. – 1988.
4. Cognitive and onomasiological vocabulary analysis, Panasenko N.I. – 2000.
5. DdS = Die deutsche Sprache: Kleine Enzyklopädie. – Bd.2. – Leipzig: Bibl.Inst. – 1970.

УДК 811.161.1/111

ЛИНГВОКОНЦЕПТ *ИНТЕРНЕТ* В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ И В СОВРЕМЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Кураш Сергей Борисович

зав. кафедрой белорусской и русской филологии
кандидат филологических наук, доцент
Учреждение образования

«Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина»
Мозырь, Республика Беларусь / text2005@mail.ru

Струков Евгений Викторович

магистрант кафедры белорусской и русской филологии
Учреждение образования

«Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина»
Мозырь, Республика Беларусь / manffan@mail.ru

Abstract

Definitions of the word *Internet* in the dictionaries of English and Russian are studied in this article. Analysis of the functioning of word *Internet* in speech practices in English and Russian is carried out.

Keywords: internet, linguistic concept, speech practice, dictionary, definition.

Введение

Конец XX – начало XXI века – особый этап в истории информационно-коммуникационных способностей и возможностей человечества, в частности, этап выхода на доминирующие позиции разнообразных средств, способов и систем электронной коммуникации, поглощения ею изрядной доли как рабочего, так и свободного времени современного человека, вытеснения (пусть даже и не абсолютного) целого ряда традиционных форм социальной коммуникации, наконец, подмены мира реального миром виртуальным, приводящим к формированию у человека различных форм и признаков киберзависимости. Современного человека невозможно представить себе без доступа к сети Интернет. В связи с этим возникает интерес не только к специфике языка сетевого общения, но и к концептуализации самого понятия Интернет, отражённой в современных коммуникативных практиках.

Основная часть

Цель работы. В рамках данной статьи нас будет интересовать отражённое в русском и английском языках представление о феномене Интернета по данным лексикографических источников и вербализуемое в различных дискурсивных практиках носителей данных языков, что позволит в целом выявить некоторые существенные признаки лингвоконцепта *Интернет*, активно функционирующего в современных лингвокультурах.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось с использованием методов сплошной выборки материала, его контекстного и компонентного анализа, с привлечением онлайн-корпусов русского и английского языков [2; 3]. Всего проанализировано более 400 вхождений лексемы Интернет в русскоязычные и англоязычные контексты, а также более чем по 10 словарных изданий (в основном – электронных словарей) на каждом из языков.

Результаты исследования. Исследование показало, что все словарные дефиниции, как в англоязычных, так и в русскоязычных источниках можно объединить в три тематические группы:

1. Интернет – 'сеть для обмена информацией'. Ср.:

a computer system that allows millions of computer users around the world to exchange information (компьютерная система, позволяющая миллионам компьютеров по всему миру обмениваться информацией) [Longman Language Activator <http://www.ldoceonline.com/dictionary/Internet>];

an international computer network through which computer users all over the world can communicate, exchange information, etc. (международная компьютерная сеть, посредством которой пользователи по всему миру могут общаться и обмениваться информацией) [NTC's American English Learner's Dictionary Spears, R.A. / R.A. Spears. – Phd.NTC Publishing Group, 1998. – 1098 p.];

a worldwide computer network that provides on very many subjects and enables users to exchange messages (всемирная компьютерная сеть, которая предоставляет информацию на любую тему и позволяет пользователям обмениваться сообщениями) [<http://www.definitions.net/definition/internet>];

publicly accessible computer network connecting many smaller networks from around the world (общедоступная компьютерная сеть, соединяющая множество малых сетей по всему свету) [<http://www.thefreedictionary.com/internet>];

глобальная компьютерная сеть, связывающая между собой как пользователей компьютерных сетей, так и пользователей индивидуальных (в т.ч. домашних) компьютеров [Большой русский энциклопедический словарь, электронная версия <http://slovar.cc/enc/bolshoy-rus/1713177.html>];

всемирная компьютерная сеть, позволяющая пользователям персональных компьютеров, находясь в любой точке земного шара, иметь связь друг с другом, получать и передавать информацию [Новый словарь иностранных слов Захаренко Е. Н., Комаровой Л. Н., Нечаевой И.В. Электронная версия <http://slovar.cc/rus/inostr-nov/1423866.html>];

всемирная компьютерная сеть, связывающая подключенные к ней персональные компьютеры и дающая возможность их владельцам пользоваться единым информационным пространством [Популярный словарь русского языка, Гуськова, Сотин, 2007, электронная версия <http://slovar.cc/rus/tolk-enc/1460047.html>]

международная компьютерная сеть, позволяющая пользователям персональных компьютеров, находясь на любом расстоянии, в любой точке земного шара, иметь связь друг с другом, принимать и передавать текстовую и изобразительную информации [Новый словарь русского языка Ефремовой, 2005, электронная версия <http://slovar.cc/rus/efremova/166492.html>];

всемирная компьютерная сеть, связывающая подключённые к ней персональные компьютеры и дающая возможность их владельцам пользоваться единым информационным пространством [Мостицкий, И.Л. Англо-русский энциклопедический словарь по современной электронной технике и программированию, 2004. – 775 стр.].

Дефиниции такого рода можно назвать персонцентрическими, т.е. фиксирующими взгляд на Интернет со стороны коммуникативных потребностей человека. Практически в каждой из таких дефиниций отмечаются такие слова и выражения, как *пользователь, возможность, обмен информацией* и т.п.

2. Вторая группа дефиниций может быть квалифицирована как техноцентрическая, когда на первый план (в сильную позицию дефиниции) выходит не предназначение глобальной сети, а её архитектура, ср.:

a vast computer network linking smaller computer networks worldwide (usually preceded by the). The Internet includes commercial, educational, governmental, and other networks, all of which use the same set of communications protocol (огромная компьютерная сеть, соединяющая компьютеры более мелких сетей по всему миру. Интернет включает в себя рекламные, образовательные и другие сети, которые используют один и тот же протокол) [Roget's New Millenium Thesaurus, <http://dictionary.reference.com/browse/internet?s=t>];

an interconnected system of networks that connects computers around the world via the TCP/IP protocol (взаимосвязанная система компьютерных сетей, которая соединяет компьютеры с использованием комплекса протоколов TCP/IP) [The American Heritage Dictionary of the English Language. - 4th ed. – New York: Houghton Mifflin Company, 2000 <https://www.ahdictionary.com/word/search.html?q=internet&submit.x=60&submit.y=27>];

the “network of networks” that connects millions (perhaps billions) of computers around the world. Networks connected to the Internet use a common protocol, TCP/IP (Transmission Control Protocol/Internet Protocol), which allows them to have unique addresses and to communicate easily with one another (Сеть сетей, соединяющая миллионы (возможно, миллиарды) компьютеров по всему миру. Сети соединяются с интернетом с помощью общего протокола TCP/IP, который позволяет им иметь уникальные адреса и взаимодействовать друг с другом) [Dictionary of Media and Communications, Marcel Danesi, стр. 161];

a worldwide system of interconnected computer networks (всемирная система взаимосвязанных компьютерных сетей.
[<http://www.definitions.net/definition/internet>];

всемирная компьютерная сеть электронной связи [Большой толковый словарь правильной русской речи Л. И. Скворцова, 2009 г.];

всемирная сеть компьютерно-спутниковых коммуникативно-информационных служб, к которой могут подключаться миллионы пользователей, живущих в разных странах мира и имеющих для этого соответствующие аппаратно-технические и материальные условия [Землянова, Л. М. Коммуникативистика и средства информации : англо-русский толковый словарь концепций и терминов, 2006, с. 174];

глобальная сеть компьютерных ресурсов с коллективным доступом на основе использования единой стандартной схемы адресации, высокопроизводительной магистралы и высокоскоростных линий связи с главными сетевыми компьютерами [АВВУ Lingvo 12: англо-русский электронный словарь].

3. Третья группа дефиниций представлена примерами, совмещающими в себе первый и второй подходы к объяснению значения лексемы *Интернет* – 'объединение компьютеров, обеспечивающее высокоскоростную передачу данных и расширяющее коммуникативное пространство' (комплексные дефиниции), ср.:

A digital system of high-speed global communication and data transfer (цифровая система высокоскоростной всемирной передачи информации и общения) [<http://www.thefreedictionary.com/internet>];

the global communication network that allows almost all computers worldwide to connect and exchange information (глобальная коммуникационная сеть, соединяющая практически все компьютеры по всему свету для обмена информацией) [Collins Cobuild
<http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/internet>];

millions of computers linked together in a network that allows people all over the world to exchange information. The internet is often simply called the Net (миллионы компьютеров, связанных вместе в сеть, позволяющую людям всего мира обмениваться информацией) [Macmillan English Dictionary for advanced Learners
<http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/the-internet>];

a global system of networked computers that allows user-to-user communication and transfer of data files from one machine to any other on the network (глобальная система сетевых компьютеров, с помощью которой осуществляется общение между пользователями и передача информации с одного устройства на любое другое, подключенное к этой же сети) [<http://www.definitions.net/definition/internet>];

a global computer network providing a variety of information and communication facilities, consisting of interconnected networks using standardized communication protocols (глобальная компьютерная сеть, обеспечивающая доступ к различной информацией, являющаяся средством общения и включающая в себя сети, использующие стандартизированные протоколы взаимодействия [<http://www.oxforddictionaries.com>];

международная (всемирная) компьютерная сеть электронной связи, объединяющая региональные, национальные, локальные и др. сети. Способствует значительному увеличению и улучшению обмена информацией, прежде всего научно-технической. Объединяет свыше 50 млн. коллективных и индивидуальных пользователей (каждый со своим электронным адресом) во всем мире. [Большой

энциклопедический словарь, 2-е издание, электронная версия <http://www.vedu.ru/bigencdic/24079/>].

Собранный нами материал свидетельствует о некотором преобладании дефиниций второго и третьего типов в англоязычных лексикографических источниках, а дефиниций первого типа – в русскоязычных.

Кроме того, русскоязычные словари и справочно-энциклопедические издания в ряде случаев содержат пометы, дающие сведения о происхождении, функциональных вариантах данной лексемы и пр., ср.: *Интернет – сеть «Интернет», (иногда «Сеть» с прописной буквы), редко интерсеть, жарг. Инет. Открытая мировая коммуникационная инфраструктура, состоящая из взаимосвязанных компьютерных сетей и обеспечивающая доступ к удалённой информации и обмен информацией между компьютерами.* [Мостицкий, И.Л. Англо-русский энциклопедический словарь по современной электронной технике и программированию, 2004. – 775 стр.]

В обычных повседневных диалогах, переписке на форумах и т.п. люди так или иначе касаются вопросов общения в интернете, его плюсов и минусов, возникающих при этом проблем, делятся опытом работы в глобальной сети и т.п.

Так, в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1] объёмом более 3500 документов содержится более 250 документов (более 730 вхождений), фиксирующих вхождение лексемы *Интернет*, т.е. 7% от всех документов, что говорит о вхождении данной лексемы в число наиболее употребительных, высокочастотных в современных речевых практиках обыденно-бытового содержания.

То же подтверждается и обращением к иным подкорпусам НКРЯ. Ср.:

[Н.Д. Светозарова, жен] *В своё время я это выделила / **вытащила из Интернета** / распечатала и дала Мирре Вениаминовне.* [М.В. Гордина. *Беседа с сотрудниками отдела фонетики ИРЯ РАН // Фонотека ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2008*]

[Комарова С.Л., жен, 32] *Для этого я стала **искать в Интернете** контактные координаты офиса Григория Грабового.* [Допрос свидетеля защиты Комаровой на открытом судебном заседании по делу Г.П. Грабового // *Интернет, 2008*]

[Дочь, жен, 1967] *На работе быстро открыла и этот... // Кстати / **отвратительно Интернет работает** // [Кроссворд // Дальневосточный ГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2008]*

[№ 3, жен, 20] *Девчонки / слышите / а у вас **есть Интернет?*** [Разговор студенток о жизни в Санкт-Петербурге // Из коллекции НКРЯ, 2008]

[Яна, жен, 18] *Да у меня **Интернета нет** / а мне должны кое-что прислать.* [Короткие телефонные разговоры // Из коллекции Ульяновского университета, 2007]

[Дима, муж, 21] *У меня девушка есть / **в Интернете познакомились** / но / правда / я ее еще не видел.* [Разговор бывших одноклассников при встрече // Из коллекции НКРЯ, 2007]

[Валентина Николаевна, жен] *Да? **Посмотреть в Интернете** / не в Интернете... В Интернете / может быть / меньше. Может быть / в библиотеках посидеть. В последнее время уж / по-моему / библиотеки отмирать так будут с этим Интернетом. **В Интернете может быть не всё и не всё так хорошо.*** [Лекция по семиотике (2007)];

[№ 3, жен] В любовь не верить нельзя. Иначе зачем тогда жить на этом свете! Другое дело / что надо просто немножечко себя обезопасивать. Вот правильно вы сделали / что вы **полезли в Интернет**. Но надо было чуть раньше. С другой стороны / ваше счастье / вы не успели влюбиться в него. Это ваше счастье. [Ток-шоу «Частная жизнь» (2005)] и т.п.

В корпусе современного английского языка (американский вариант) (Corpus of contemporary American English) [3], объёмом 190 тыс. документов насчитывается 43602 вхождения лексемы Internet в контексты, ср.:

[Телеведущий канала NBC] ...Before we let you go, quickly, though, on the **internet**, there are rumors that Kill Bill three could be in the work... – Перед тем как продолжить, давайте заглянем в **интернет**. Здесь всё чаще появляются слухи о том, что во всю идут работы над третьей частью «Убить Билла»... [Телеканал NBC, передача об Уме Турман, 2015];

[Телеведущий CBS] ...His first **internet** site was Bomis, a place where guys could compare notes on guy things: Cars, sports and babes. Bomis failed, but it got Wales thinking about the possibilities of mass collaboration on the **internet**, which led, eventually, to Wikipedia. – Его первым сайтом был «Бомис» - место, где парни могли пообщаться на свои темы: машины, спорт, женщины. Данный сайт славы не сыскал, что натолкнуло Уэльса подумать о возможностях взаимодействия людей в **интернете**, что привело к созданию Википедии [Телеканал CBS, передача о создателе Википедии, 2015];

[Радиоведущий NPR, муж.] ...and one question on everyone's mind was - how big will the **Internet** be? The answer - very big... you'll be able to do almost anything on the **Internet** - talk with your family, check to see if you left the oven on – ... и один из вопросов, который всех интересует: насколько большим будет **интернет**? Ответ: очень большим... вы сможете делать в нём практически всё: разговаривать с семьёй, проверить выключили ли вы плиту... [Радиопередача на тему: «Сделать покупки в **интернете** безопаснее», 1995];

[Аноним] DearLifehacker,

I have a fast **internet** connection, but it doesn't always earn the title. Sometimes I get half the speed I pay for during certain times of the day. Other times my upstream connection barely works. I've done all the usual modem resetting tech support always requires but I still have the problem. Anyideas? Дорогой Lifehacker, у меня быстрый **интернет**, но это не всегда так. Иногда, несколько раз в день, скорость падает в два раза. Иногда, **интернет**, вообще, еле работает. Делаю всё как говорит техподдержка (перезагружаю маршрутизатор) и всё равно проблема не исчезает. Есть какие-нибудь идеи на этот счёт? [Письмо на сайт Lifehacker, 2014];

[Литературный персонаж, жен.] "Tsunami? I don't know what that is. From the look on her face, I know the cleaning woman is also clueless. " On TV they said it's a Japanese word for a big wave, " Perera Sir says. " Oh, " his wife says. " I must look it up on the **Internet**. " – Цунами? Я не знаю что это такое. По выражению её лица я понимал, что уборщица тоже была в замешательстве. По телевизору сказали, что это «большая волна» на японском. Я думаю, что мне стоит проверить это в **интернете**. [Ревью на книгу «Возращение домой» Антона Гуанансингема, 2014];

[Литературный персонаж] His Path finder wasn't there, so I sent him a text – Where U? – then drove to the office and found Amber on the **Internet** asusual... - Его джипа не было там, поэтому я решил отправить ему смс: «Ты где?», затем поехал в офис, где нашёл Эмбер в привычном для неё состоянии – в **интернете**. [Ревью на книгу «Местные» Дэвида Гейтса. TheParisreview2014]

...Photos of a rehab center for **internet** addicts. China has more online gamers -- 368 million. Perhaps it's no surprise then that Chinese parents, psychiatrists, and media often describe wangyin, or **internet** addiction, as a clinical disorder. Sometimes called "digitalheroin" - ... фотографии реабилитационного центра для **интернет-зависимых**. В Китае больше всего онлайн-геймеров – 368 миллионов. Поэтому совершенно неудивительно, что родители и психологи Китая считают **интернет-зависимость** (wangyin) клиническим расстройством. Иногда его её называют «Электронный героин»... [Статья «CallofDuty» в журнале «MotherJones», Джеймс Уэст, 2015]

Большое количество и разнообразие подобного рода микродискурсов как в русскоязычных, так и в англоязычных коммуникативных практиках сложно свести к некоему общему знаменателю, равно как и классифицировать по каким-либо более или менее строгим критериям. Но некоторые обобщения всё же сделать можно: об *Интернете* мы говорим, во-первых, вполне обыденно, как о чём-то самом собой разумеющемся, повседневном; во-вторых, очень часто ссылаемся на него как на источник информации и способ приобретения новых знакомых вплоть до установления с ними близких отношений; в-третьих, об очевидном неудобстве в тех случаях, когда с Интернетом возникают проблемы или когда доступа к нему вовсе нет; наконец, при всём этом призываем друг друга быть более бдительными при обращении к глобальной сети, в которой вполне можно нарваться на обман, мошенничество, завести знакомства с нежелательными последствиями, обрести так называемую интернет-зависимость т.п.

Заключение, перспективы исследования

Интернет как феномен, рефлекслируемый в современных коммуникативных практиках различных лингвокультур, представляет собой ценностный амбивалентный (от лат. *ambo* — «оба» и лат. *valentia* — «сила», т.е. вызывающий одновременно два противоположных чувства) лингвоконцепт, принадлежащий к числу ключевых, о чём свидетельствует высокая и к тому же возрастающая частотность фиксации данной лексемы как в различных речевых контекстах, так и в словарно-справочных изданиях (толковых и терминологических словарях, энциклопедиях). Наблюдения над лексикографированием анализируемого понятия позволяют выделить две ведущие тенденции – персоноцентрическую (что есть интернет для человечество) и техноцентрическую (что есть интернет как изобретение). В аксиологическом отношении, представленном в различных речевых практиках, наблюдается некоторое преобладание вербализации отрицательных сторон и последствий внедрения интернет-коммуникации в нашу жизнь в сравнении с положительными. Однако в то же время этот момент в значительной степени может нивелироваться обращением к языковому юмору, языковой игре, к жаргонной языковой стихии, к эксплуатации креативных потенциалов, заложенных в языке [см. об этом: 1].

Литература

1. Кураш С.Б. Современная электронная коммуникация как объект языковой рефлексии // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. 2013. № 4 (41). – С.135-141.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 01.02.2015).
3. Corpus of contemporary American English URL: <http://corpus.byu.edu>. (дата обращения: 16.02.2015).

References

1. Kurash, S.B. Modern electronic communication as the object of language reflection // Vesnik of Mazyr State Pedagogical University Named by I.P. Shamyakin. № 4 (41) (2013). P.135-141.
2. National Corpus of Russian. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
3. Corpus of contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu>.

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ДВУЯЗЫЧНОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВУЗА

Непомнящая Светлана Ивановна

доцент, кандидат военных наук
Военная академия воздушно-космической обороны
Тверь, Россия / *nepo2009@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена проблемам разработки учебного специализированного двуязычного словаря в условиях военного вуза. Полноценное обучение иностранных военнослужащих невозможно без овладения военно-специальной терминологией, для чего необходимы переводные терминологические словари. Целью данной статьи является выявление и системное описание лексикографических проблем, возникающих при самостоятельном создании подобного словаря кафедрой русского языка вуза негуманитарного профиля. Основным материалом исследования явились специализированные учебные словари, разработанные кафедрой русского языка ВА ВКО. В качестве основных проблем, возникших при их создании, автором определены следующие: во-первых, трудность создания авторского коллектива, обусловленная отсутствием профессиональных лексикографов и специалистов-переводчиков высокой квалификации; во-вторых, недостаточное количество научной литературы по частным вопросам создания словарей. По мнению автора, подготовка таких пособий является перспективной задачей для современных исследователей в области лексикографии.

Ключевые слова: лексикография, терминология, учебный двуязычный словарь, автор, проект словаря.

PROBLEMS OF DEVELOPING A LEARNER'S BILINGUAL GLOSSARY OF TERMS IN A MILITARY HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Svetlana Nepomnyashchaya

Docent , Ph. D. in War Studies, Docent
The Air and Space Defense Academy
Tver, Russia / *nepo2009@mail.ru*

Abstract

This article is concerned with problems of developing a learner's specialized bilingual glossary of terms in a military higher education institution. Foreign military servicemen cannot be trained comprehensively without learning special military terminology, which requires bilingual glossaries of terms. This article aims to identify and systematically describe the lexicographic problems that arise when such a glossary of terms is independently developed by the Russian language department at a non-humanitarian higher education institution. The main materials of the research are the specialized learner's glossaries of terms developed by the Russian Language Department at the Air and Space Defense Academy. As the key problems arising during the development of such glossaries of terms, the author has identified the following: firstly, the difficulty of forming a team of authors that is caused by a lack of professional lexicographers and highly-skilled translation specialists; and secondly, an insufficient number of scholarly literatures on specific matters related to the development of glossaries of terms. In the author's opinion, the preparation of such study guides is a long-term task for contemporary researchers of lexicography.

Keywords: lexicography, terminology, learner's bilingual glossary of terms, author, draft glossary of terms.

Процесс обучения русскому языку как иностранному в лингвистических вузах непосредственным образом связан с проблемой обеспеченности обучающихся двуязычными терминологическими словарями.

Военная академия воздушно-космической обороны (ВА ВКО) готовит иностранных специалистов по различным специальностям. Первым этапом их подготовки является обучение русскому языку, прежде всего, как средству учебно-профессионального общения, поскольку полноценное обучение на основных курсах невозможно без формирования военно-профессионального

тезауруса и овладения военно-специальной терминологией. В связи с этим учебная программа для слушателей военного вуза предусматривает значительное количество аудиторного времени на изучение научного стиля речи. При работе с профессионально ориентированными текстами преподаватели и обучающиеся сталкиваются с огромными трудностями в связи с тем, что данный текстовый материал характеризуется большой терминологической насыщенностью. Военной терминосистеме русского языка присущи такие свойства, как большое количество сложных слов и многокомпонентных словосочетаний, а также наличие безэквивалентной лексики. Соответственно, серьезной проблемой является сложность в объяснении и достижении правильного понимания обучающимися содержания отдельных терминологических единиц. В подобных учебных ситуациях единственно правильным и естественным является обращение к специализированному двуязычному словарю.

В учебной лексикографии существует большое количество отраслевых словарей различной, в том числе технической, направленности. Как правило, они адресованы студентам-иностранцам, обучающимся в технических вузах РФ, однако специальная лексика профилирующих дисциплин ВА ВКО в данных лексикографических изданиях практически не представлена. В особенно сложном положении находятся обучающиеся из азиатских стран, в процессе обучения которых нет возможности опираться на международную лексику и язык-посредник. Данный контингент особенно нуждается в словарях. Абсолютное большинство учебных ситуаций предполагает использование переводного словаря, без которого объяснение значения термина требует чрезмерно большого количества времени, изобретательности преподавателя, воображения и интеллектуальных усилий обучающихся. Результаты тщательного информационного поиска, к сожалению, подтверждают, что двуязычные словари, включающие лексику, актуальную для специалистов войск ВКО, никогда не издавались и не планируются к изданию.

В сложившихся условиях кафедра русского языка академии предпринимает самостоятельные попытки обеспечения учебного процесса необходимыми лексикографическими пособиями. За последнее десятилетие кафедрой был разработан учебный терминологический словарь, который включает термины, составляющие основу таких специальных областей военного знания, как «Вооружение и тактика радиотехнических войск», «Тактика и вооружение зенитных ракетных войск», «Системы вооружения родов авиации, боевое применение авиации», «Радиоэлектронная борьба», «Математическое моделирование боевых действий войск ПВО», «Автоматизированные системы управления. Боевое применение АСУ», «Оперативное искусство ПВО». На сегодняшний день словарь издан в нескольких вариантах с переводом на французский, китайский, вьетнамский и монгольский языки. Готовится к изданию русско-португальская версия словаря.

Целью данной статьи является выявление и системное описание лексикографических проблем, возникающих при самостоятельном создании учебного терминологического переводного словаря кафедрой русского языка вуза негуманитарного профиля.

Материалом исследования являлись учебные специализированные словари, разработанные кафедрой русского языка ВА ВКО, а также научные

труды по лексикографии. Среди использованных методов исследования - наблюдение, аналогия, анализ, синтез.

За прошедший период указанные словари прошли многократную апробацию, по итогам которой словарь был существенно переработан и дополнен. В процессе работы была усовершенствована его структура, значительно расширен и откорректирован корпус терминологических единиц. Преподаватели соответствующих кафедр принимали активное участие в работе: анализировали и дополняли терминологические списки, вносили свои замечания, которые были учтены при редактировании. В последнем варианте словник содержит более четырех тысяч слов и словосочетаний, включающих термины (терминологические сочетания) из области теории и практики противовоздушной обороны. В словаре также представлены около пятисот наиболее употребительных аббревиатур.

Однако создание словарей представляет собой очень сложный и трудоемкий процесс для кафедры русского языка военного вуза.

В результате многолетнего труда были выявлены основные проблемы, стоящие перед разработчиками словарей в условиях технического вуза. Первой из них является **проблема авторства**.

Автором военно-технического словаря может быть только профессионал, который одновременно в должной степени владеет иностранным языком и в то же время является не просто военнослужащим, но специалистом в области воздушно-космической обороны. Такого кандидата довольно сложно найти и заинтересовать. Учитывая, что в данном случае необходимы переводчики не только с европейских, но и восточных языков, можно утверждать, что специалист необходимого профиля – огромная редкость. Помимо этого, в военных вузах не работают лексикографы (да и не во всяком гуманитарном вузе таковые найдутся).

Возникает вопрос: что делать? Обучать иностранных военнослужащих научному стилю речи в такой сложной области отраслевого знания без двуязычного словаря чрезвычайно трудно. В сложившейся ситуации можно воспользоваться двумя путями: прибегнуть к помощи сторонней организации или использовать внутренние резервы. Кафедра русского языка ВА ВКО работает по двум направлениям одновременно.

Прежде всего, для создания словарей был мобилизован интеллектуальный потенциал преподавателей кафедры, а также адъюнктов и слушателей, обучающихся на специальном факультете академии. Следует отметить, что это не лучший путь создания двуязычного словаря, но он традиционно используется в подобных безвыходных ситуациях. Вся подготовительная работа (составление словника, разработка структуры словаря и т.д.) была выполнена преподавателями русского языка. Не являясь профессиональными лексикографами, они осваивали новую сферу деятельности, подробно изучали теоретические вопросы двуязычной лексикографии, анализировали существующие словари в целях разрешения возникающих спорных вопросов. Помимо этого, большой объем и сложность работы требуют от разработчиков искренней заинтересованности и неформального отношения к делу (существует точка зрения, что лексикографию с полным правом «можно назвать искусством – искусством составления словарей (*arslexicographica*)» [4, с.9], поэтому работа такого характера невозможна без вдохновения и творческого поиска).

Еще более сложную и важную работу приходится выполнять автору перевода терминов на иностранный язык. Решение проблемы перевода является принципиально важным для всего предприятия: начинать создание словаря в условиях вуза имеет смысл только в том случае, если квалифицированный переводчик определен, и он дал своё согласие на работу. Кафедра имеет опыт издания словарей, в которых перевод на иностранный язык был осуществлен профессиональными военными (!) переводчиками. К сожалению, в большинстве случаев такие словари вызывают серьезные нарекания у иностранных военнослужащих, которые, являясь специалистами в своей области, часто находят ошибки в правой части словаря.

Многолетний опыт работы над словарем позволяет утверждать, что наилучшим путем его создания следует считать коллективный труд: работу профессионального переводчика должен редактировать (а в крайних случаях – и выполнять) один из наиболее способных слушателей или адъюнктов. Процесс осложняется тем обстоятельством, что даже при хорошей профессиональной подготовке автор (редактор) перевода не может являться специалистом во всех узких областях, которые охватывает словник данного словаря. В таком случае самым эффективным способом получить ответ на возникший вопрос является обращение к квалифицированному преподавателю-предметнику.

Таким образом, создание авторского коллектива - первый и самый важный этап создания терминологического словаря. Какие шаги должны последовать дальше? **Алгоритм разработки** переводного словаря также не является устоявшимся. Обычно лексикографическая работа включает в себя несколько стадий. Исследователи (Б. Ю. Городецкий [2, с. 11], А. Н. Баранов [1, с.84], В. В. Дубичинский [4, с. 370-373] и др.) предлагают различные этапы подготовки словаря, количество которых варьируется от семи до десяти. На основе разных подходов мы предлагаем следующую последовательность шагов, оптимальных для работы по созданию переводного учебного словаря в условиях неязыкового вуза: формирование авторского коллектива → изучение современного состояния терминографии → выявление и анализ адресата и его потребностей → создание проекта словаря (разработка его макро- и микроструктуры) → составление словника → разработка переводной части словаря → подготовка словаря к изданию (создание руководства к пользованию, оформление, тщательное редактирование, апробирование словаря в учебной аудитории). Перечисленные этапы подробно описаны в работе автора данной статьи[5]. Отметим, что порядок следования статей в описываемом словаре соответствует алфавитно-гнездовому принципу, присущему основной массе отраслевых словарей. Отбор лексики осуществлялся преподавателями-предметниками, которые выявляли терминологическое содержание учебных дисциплин и определяли их терминологический минимум, т.е. список терминов, которые являются необходимыми и достаточными для успешного овладения всей терминологической системой определенной военной дисциплины.

Из перечисленных этапов для обычного филолога наибольшую трудность представляет **создание проекта словаря**. Уже в начале работы над словарем необходимо и целесообразно привлечение профессиональных лингвистов-лексикографов для того, чтобы помочь составителям в плане структурирования словаря, правильного оформления словарных статей, выявления узуса, частотности словоупотребления и т.п. В виду отсутствия такой возможности

авторам приходится все возникающие вопросы решать самостоятельно, используя доступную научную литературу по лексикографии. Однако информативные возможности данного источника, как оказалось, весьма невелики.

Огромное количество постоянно появляющихся новых научно-технических терминов дает импульс активному развитию лексикографии и терминографии. Существенное теоретическое наследие в области лексикографии оставлено такими выдающимися учеными, как Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, С. И. Ожегов, Ю. Д. Апресян, В. В. Морковин, Н. Ю. Шведова и многими другими. Но, к сожалению, специальной литературы, в которой бы подробно описывался процесс разработки отраслевого двуязычного словаря, практически не существует. Еще в конце прошлого века один из крупнейших российских специалистов в области терминографии С. В. Гринёв отмечал, что «составители словарей находятся в трудных условиях, когда им самостоятельно приходится решать весьма сложные задачи, руководствуясь при этом только своим опытом и представлениями о нуждах будущих пользователей. Это приводит к отсутствию единства в методах подготовки и оформления словарей, усложняет работу их составителей, увеличивает сроки работы и снижает качество словарей» [3]. К сожалению, и в настоящее время «переводная терминография ... является мало заполненной нишей в теории лексикографии» [6, с.158]. Несмотря на то, что разработка теории терминографии в последнее время не стоит на месте, она еще далека от завершения. Проведенные в последние годы исследования решают существующие проблемы лишь в общей теоретической части и касаются таких вопросов, как типология словарей, методологические принципы их создания, основные требования к терминографическим произведениям и т.п. Однако подробные инструкции относительно частных проблем, возникающих в процессе разработки словаря, практически отсутствуют. На наш взгляд, научный подход в данной деятельности обязателен, так как специальный словарь, составленный без учета лексикографических принципов описания терминов, как правило, характеризуется низкой информативностью и непригодностью к использованию.

Для определения структуры словаря и подготовки руководства к его использованию пришлось проанализировать массу лексикографической литературы и отраслевых словарей по различным специальностям в поисках оптимального варианта представления терминов. Многие проблемы лексикографии для обычного преподавателя-филолога трудноразрешимы, информацию приходится добывать по крупицам в научных изданиях или устанавливать опытным путем. Вопросы возникают разные, от самых общих до самых мелких. Непрофессиональному составителю словаря неочевидны, к примеру, ответы на следующие вопросы, касающиеся состава, структуры словаря, расположения слов в словнике.

- Каким должен быть объём словника? Каковы критерии включения в него термина? Можно ли, кроме существительных, включать в словник глаголы и другие части речи? Какой может быть максимальная протяженность терминологических сочетаний?

- Включать ли в словарь общеупотребительные слова и названия должностей (например, *охрана, комендант, начальник, техник, механик*) термины из смежных областей знания?

- Как правильно расположить сочетание, если его главное слово не является термином (например, *алгоритмический язык*)?

- Если термин состоит из двух слов (например, *градиент функции*), нужно ли выделять в отдельную строку слово *градиент* или можно дать только словосочетание?

- Нужно ли выделять заголовочное слово и давать его перевод, если терминологическое сочетание одно в гнезде и начинается не с заголовочного слова (например, *войсковое хозяйство, полевой выход*)?

- Если в заголовочной единице два слова являются однородными, надо ли выбирать среди них главное или следует повторить термин в двух статьях (например, *силы и средства стратегической переброски*)?

Приходится решать и частные вопросы, касающиеся микроструктуры словаря. Приведём некоторые из них.

- Указывать ли, что слово используется только в единственном числе? В абстрактных существительных, имеющих суффикс-показатель (*селективность, пикирование* и т.п.), это очевидно, но тогда как быть с такими словами, как *подразделение, решение, скорость* и т.п.?

- Можно ли давать заголовочное слово во множественном числе (при его наиболее частотном употреблении), если существует форма единственного числа (например, *ресурсы, помехи, военные учения*)? Надо ли при этом давать форму единственного числа?

- Можно ли применять аббревиатуры в терминологических сочетаниях или их нужно полностью расшифровывать (например: *начальник отдела применения автоматизированных систем управления* или *начальник отдела применения АСУ*)?

- Если дали пояснение к одному термину (например, *в теории массового обслуживания*), то надо ли повторять его во всех подобных случаях в одном гнезде?

- Как известно, важнейшей особенностью термина является его однозначность, однако одно и то же слово может иметь разное значение в пределах данной области знаний (например, *набор высоты* и *набор параметров управления*) Как правильно представлять многозначные лексические единицы?

Словарь содержит акцентологическую характеристику терминов. Казалось бы, расставить ударения в словах нетрудно. Но и здесь возникают проблемы.

- Как ставить ударение в сложных, длинных словах (например, *полётпригодность*)?

- Что делать, если орфоэпическая норма допускает два варианта (например, *обнаружение – обнаружение*)?

- Как правильно поставить ударение в словах, которых нет в словарях (например, *двухполосная /однополосная, многоходовая /одноходовая*)?

Мы перечислили лишь часть вопросов, которые постоянно возникают в процессе работы над словарем. Окончательное решение принимается, как правило, самостоятельно с опорой на существующие исследования, образцы лексикографических изданий, мнение редакторов и корректоров. Конечно, помощь профессионального лексикографа, терминоведа в такой работе была бы неоценимой.

В результате проведенного исследования можно сделать следующий вывод. Отсутствие специализированных учебных двуязычных словарей является

важнейшей проблемой преподавания русского языка как иностранного в военных вузах. В условиях рыночной экономики мы не можем даже надеяться на их издание в связи с небольшим спросом. Возникающие проблемы вузы решают сами в меру своих возможностей. Несмотря на сложности, изданные в ВА ВКО учебные словари специальной лексики успешно используются в учебном процессе, что подтверждает достаточно высокий уровень их качества и правильность выбранного пути их создания. Тем не менее, процесс требует усовершенствования. Конечно, хотелось бы призвать исследователей-лексикографов к сотрудничеству, но это также мало осуществимая мечта «доморощенных» авторов.

В связи с данными обстоятельствами и явной сложностью процесса разработки двуязычного терминологического словаря важнейшей проблемой можно считать отсутствие в свободном доступе подробных инструкций и руководств для авторов-составителей лексикографических пособий учебного назначения. Необходимо издание специальной общедоступной научной литературы, которая могла бы оказать реальную помощь разработчикам учебных переводных словарей при принятии частных лексикографических решений. Это направление научной работы следует считать важнейшей перспективой развития терминографии.

Литература

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
2. Городецкий Б.Ю. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. – М.: Прогресс, 1983. – С. 5-22.
3. Гринёв С.В. Основы лексикографического описания терминосистем: Дисс. ... док. филол. наук. – М., 1990. – 436 с. URL:<http://www.dissercat.com/content/osnovy-leksikograficheskogo-opisaniya-terminosistem> (дата обращения: 24.02.2015).]
4. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: Учеб.пособие– М.: Наука: Флинта, 2009. – 432 с.
5. Непомнящая С.И. Этапы создания учебного словаря специальной лексики // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. научн. тр.– Тверь: ТвГУ, 2015.– Вып. 5 (11). – 276 с. – С.180-185.].
6. Табанакова В.Д., Ковязина М.А. Функциональная модель переводного специального словаря // Вестник ТюмГУ. – Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2006. – № 4. – С. 158 – 165.

References

1. Baranov, A. N. An Introduction to Applied Linguistics: Research Guide. Moscow: Editorial URSS, 2003. 360 p.
2. Gorodetsky, B. Yu. Problems and Methods of Contemporary Lexigraphy // News on Foreign Linguistics. Issue 14. Moscow: Progress, 1983. Pages 5-22.
3. Grinev, S. V. Basics of a Lexicographic Description of Terminology Systems: Dissertation, Doctor of Philology. Moscow, 1990. Page 436. URL: <http://www.dissercat.com/content/osnovy-leksikograficheskogo-opisaniya-terminosistem> (Date requested: February 24, 2015).
4. Dubichinsky, V. V. Lexicography of the Russian Language: Research Guide. Moscow: Nauka: Flinta, 2009. 432 p.
5. Nepomnyashchaya, S. I. Phases of Developing a Learner’s Special Glossary of Terms // Native Language Arts in Contemporary Cultural and Educational Space: A Collection of Scholarly Works. Tver: Tver State University, 2015. Issue No. 5 (11). 276 p. Pages 180 to 185.
6. Tabanakova, V. D., Kovyazia, D. A. A Functional Model of a Special Bilingual Glossary of Terms // Newsletter of the Tyumen State University. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University, 2006. Issue No. 4. Pages 158 to 165.

ДИНАМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СЛОВАРНОГО ДЕЛА В РОССИИ

Пигарева Виктория Эдуардовна

магистр заочного отделения
факультет иностранных языков
педагогический институт

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *genetika1993@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются характерные черты и динамика развития словарного дела в России. Перечисляются выдающиеся ученые, их теоретический и практический вклад в историю развития лексикографии и словообразования. Прослеживается историческая взаимосвязь используемых понятий и общепринятых классификаций.

Ключевые слова: словарь, словарное дело, Россия, ученый-лингвист, классификация, глоссарий, энциклопедия, ономастика.

DYNAMIC DEVELOPMENT AND DISTINCTIVE TRAITS OF DICTIONARY CREATION IN RUSSIA

Viktorija Pigareva

Student in the master's programme
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia / *genetika1993@yandex.ru*

Abstract

This article discusses the characteristics and dynamics of vocabulary development in Russia. Lists prominent scholars, their theoretical and practical contributions in the history of the development of lexicography and word formation. Traced the historical relationship of used concepts and common classifications.

Keywords: dictionary, dictionary case, Russia, scientist-linguist, classification, glossary, encyclopedia, onomastic.

Словарное дело в России на протяжении исторических периодов и даже эпох развивалось глобально и стремительно. И, в первую очередь, носило общенаучный характер распространения.

Целью данной статьи является описание словарей различных типов и видов, классификация словарей, предложенная учеными-лингвистами и филологами в данной сфере научного знания.

Методы и материалы, используемые в работе: теоретический метод, описательно-сопоставительный.

Конец XX в. недаром отмечен учеными-лингвистами незаурядным подъемом и расцветом словарного дела. Различные вариационные фрагменты языковой картины мира, уровни языковой системы, разнообразные аспекты научного знания претворяются в жизнь и реализуются в словарной форме. Современная отечественная лексикография, можно сказать «дает» получателю словарной информации широкий спектр самых разнообразных словарей. Различное лексическое значение словарной информации очень часто не предоставляет возможность позволить дать лексикографическому изданию однозначную и стабильную характеристику, что может в корне затруднить его поиск. Даже в библиографических справочниках и каталогах найти нужные и актуальные словари бывает довольно трудно и нелегко. Еще сложнее определить, какой объем и характер информации, содержащейся в том или ином словаре, к каким лексикографическим изданиям целесообразно обращаться при решении возникающих лингвистических, методических, дидактических и иных вопросов. Таким образом, задача создания типологии словарей диктуется

практическими потребностями обобщения и систематизации имеющейся лексикографической продукции. В то же время проблема типологии словарей является одной из фундаментальных в теории лексикографии, поскольку позволяет не только осмыслить уже осуществленное, но и сделать прогноз на будущее: будет ли происходить создание новых типов словарей, определить характер лексикографических проектов, стимулировать старания лексикографов в разных направлениях.

Тип словаря, в первую очередь, определяется основной информацией, которую он содержит. Первым в отечественной науке к проблеме типологии словарей обратился лингвист Л. В. Щерба. В своей статье "Опыт общей теории лексикографии" он предложил классификацию словарей, в основе которой лежат шесть противоположений.[6]

Особого и тщательного внимания заслуживает разграничение лингвистических и энциклопедических словарей, которое заключается в том, что в энциклопедических словарях описываются понятия, а в толковых - лексические значения. Обратимся к толкованиям в "Словаре русского языка" и "Советском энциклопедическом словаре" (на примере химического элемента Сурьма):

СУРЬМА (лат. Stibium),Sb, хим. элемент V группы периодической системы Менделеева, ат. н. 51, ат. м. 121,75. Название от тур.surme. Образует несколько модификаций. Обычная С. - синевато-белые кристаллы. Плотность 6,69 г/см³, t пл. 630,5°С. На воздухе не изменяется. Важнейший минерал - антимонит. Компонент сплавов на основе свинца и олова, полупроводниковых материалов.

СУРЬМА, -ы, ж. 1. Химический элемент, серебристый хрупкий металл (применяется в технике и медицине). 2. Краска для чернения волос, бровей, ресниц [от перс. Surma - металл] .

Немаловажное место в энциклопедических словарях отводится словарным статьям, заголовочным словом в которых, как правило, являются имена собственные.

Здесь требуется емко и точно вспомнить «качественное» замечание Н.З. Котеловой: "Энциклопедия — не словарь и не имеет отношения к лексикографии. Единственный повод считать ее словарем — расположение обозначений описываемых реалий в алфавитном порядке" [7]. Сегодня лексикографы все чаще склоняются к иной точке зрения: "Главный "герой" лингвистического словаря - слово, главное "действующее лицо" словаря энциклопедического - вещь, реалья с ее параметрами. Лингвисты описывают бытие слов, их форм и значений, авторы энциклопедий систематизируют и обобщают бытие действительности с ее вещами, обладающими пространственно-временными и прочими характеристиками. Но два этих бытия не удалены друг от друга, и на деле лингвисты всегда вынуждены прибегнуть к проблеме вещей, а "энциклопедисты"- к проблеме слов. «Карандашная» граница между "словами" и "вещами", проходящая в нашем сознании, условна, прозрачна, а подчас и неуловима" [5]. Глубокое отражение в толковом словаре необходимой и нужной экстралингвистической информации только повысит информационный потенциал словарной статьи, разрешает более в полном объеме показать разные аспекты бытования слова. Такой подход отвечает актуальным задачам современной лексикографии [4]. Эта позиция целиком и полностью соответствует современным представлениям о перманентном взаимодействии языковых и энциклопедических знаний в психологической структуре значения слова: "В индивидуальном лексиконе хранятся словоформы и значения слов, в совокупности, выступающие в роли средства доступа к информационной базе человека, которая, в свою очередь, обеспечивает становление психологической структуры значения слова на стыке общесистемного значения и всего комплекса знаний и переживаний, без

которых словоформа остается просто некоторой последовательностью звуков или графем, а общесистемное значение не дает выхода на некоторый фрагмент индивидуальной картины мира" [4].

Р. М. Фрумкина соотносит типологию словарей с моделью языкового сознания, подчеркивая, что практическая лексикография "ориентирована, в конечном счете, на более или менее инфантильное восприятие. С той существенной разницей, что словари общего типа должны быть своего рода моделью действительно наивного языкового сознания, т. е. языкового сознания, не рефлектирующего индивида, а словари научные - быть адекватными и наивному слою языкового сознания профессионала, и более глубинной части этого сознания, т. е. особому профессиональному чутью». [7]

Современные исследователи, развивая идеи Л. В. Щербы, исходят из того, что типология словарей, с одной стороны медали, позволяет обоснованно определить статус каждого словаря, а с другой - обладает прогнозирующей силой, открывает заоблачную перспективу перед лексикографами. Так, В. В. Морковкин подчеркивает, что типология словарей должна порождать свободные места в классификации, позволяющие прогнозировать и создавать новые типы словарей. Учитывая невозможность сведения типологии словарей к классификации по одному основанию, он предлагает три типа оснований для классификации: "что"- основания, "как"- основания и "для кого"- основания. Первые определяют объект словарного описания, вторые - характер расположения материала, способ обнаружения информации, третьи - специфику словаря в связи с образом адресата, его национальными, возрастными, профессиональными и иными возможностями [6].

П.Н. Денисов предполагает, что типологию словарей определяют четыре основополагающих координаты: 1) лингвистическая (по этой координате выделяются толковые, идеографические и аспектные - синонимические, антонимические, омонимические и другие типы словарей); 2) психологическая, связанная со свойствами и особенностями пользователя (выделяются словари для носителей языка, для иностранцев, для ЭВМ); 3) семиотическая (задает знаковую специфику словаря, своеобразие метаязыка, совокупность средств фиксации информации - шрифты, выделения, цвета, таблицы, символы, диаграммы); 4) социологическая (предполагает учет особенностей данной культуры, данного общества, носителя данного языка; на это специально ориентированы, например, лингвострановедческие словари, словари к произведениям русской классической литературы XIX в.) [7].

Подмечая адресную направленность лексикографической продукции, Ю.А. Бельчиков и Г.Я. Солганик предлагают группировку словарей, которая бы определяла запросы потенциальных пользователей, среди которых были выделены следующие основные группы: носители языка, изучающие неродной язык, лингвисты. Так, разные категории носителей языка «кровь из носу» нуждаются в словарях "первой лексикографической помощи". Это, прежде всего, словари толковые, иностранных слов, орфографических, орфоэпических. У тех, кто занимается чтением текстов с различными целями (литературный редактор, учащийся, учитель-словесник, исследователь-филолог, переводчик научных текстов), тут же возникает потребность в словарях, дающих информацию о парадигматических связях слов. Тем, кто трудится над созданием текстов, нужны словари, дающие информацию о сочетаемости слов. В то же время остается злободневной задача создания комплексного толкового нормативно-стилистического словаря [1].

В.Г. Гак, имея в виду многообразие уже созданных словарей и возможности появления новых видов лексикографических изданий, подмечает наличие более

или менее широких словарных серий в пределах одного типа. Ключевым типом лексикографических изданий является толковый одноязычный словарь. В других словарях, как принято, имеет место быть сочетание нескольких типологических признаков [2].

С точки зрения отбора лексики словари тезаурусного типа (максимально полные и подробные) противопоставляются тем, в которых лексика «фильтруется» по определенным параметрам: а) по сфере употребления (словари разговорной, просторечной лексики, диалектные; арго; терминологические; поэтические и т. п.); б) по исторической перспективе (словари архаизмов, историзмов, неологизмов); в) по происхождению (словари иностранных слов, интернационализмов); г) по характеристике некоторых типов слов (сокращений, ономастические, окказионализмов); д) по источнику (словари отдельных авторов).

С точки зрения раскрытия отдельных аспектов слова ученые-филологи и лингвисты выделяют этимологические, грамматические, орфографические, орфоэпические словари, словари служебных слов и т. п.

С точки зрения раскрытия системных отношений между словами выделяются гнездовые, словообразовательные, омонимические, паронимические словари; синонимические, антонимические словари.

С точки зрения выбора единицы описания выделяются: а) словари морфем, корней; б) словари словосочетаний, фразеологизмов, цитат и т.п.

С точки зрения описания определенного диахронического среза выделяются исторические словари, словари разных эпох современного языка.

С точки зрения функционального аспекта слова отмечают: а) по частотности - частотные словари, словари редких слов; б) по стилистическому использованию - словари метафор, эпитетов, сравнений, экспрессивной лексики; в) по нормативной характеристике - словари трудностей, правильностей.

По направлению изложения материала выделяются: а) исходя из формы, обратные словари, словари рифм; б) исходя из содержания, идеографические, тематические словари. Каждый тип словаря, имеющий свою первостепенную задачу, предлагает свою совокупность лексикографических решений [5].

Попытка построения универсальной, глубинной и перспективной классификационной схемы словарей сделана А. М. Цывиным [7]. Каждый объект классификации предлагается определять по восьми признакам, в связи, с чем строится восемь классификационных схем. Элементарными признаками, на которых основана классификация словаря, являются заглавный словарный блок и разработка заглавного словарного блока. Их сочетание формирует словарную статью.

Первая классификационная схема основана на соотношении правой и левой стороны словаря. Все словари делятся на односторонние (имеющие только левую часть, например, орфографические, обратные) и двусторонние. Двусторонние (имеющие левую и правую часть) делятся на переводные и непереводные. Двусторонние непереводные словари или объясняют значение слова, или поясняют его форму и функцию, причем левая и правая части выполнены на одном языке. Объяснительные словари — это все толковые словари. Пояснительные делятся на функциональные (частотные, стилистические, словари трудностей и т. п.) и формопоясняющие, дающие полную грамматическую характеристику слова (грамматические словари).

Следует не забывать, что чисто объяснительных толковых словарей не существует, они обязательно содержат сведения поясняющего характера (о произношении, стилистическом употреблении, грамматических характеристиках).

Вторая классификационная схема основана на способе расположения заглавного словарного блока. По этому признаку все словари делятся на алфавитные и

неалфавитные. Алфавитные словари делятся на строго алфавитные (прямые и обратные) и гнездовые [3]. Неалфавитные словари разграничиваются на тематические (слова в них расположены по понятийным группам, обозначающим те или иные фрагменты лингвистической картины мира) и статистические (слова в них расположены по убывающей или возрастающей частоте).

Третья классификационная схема основана на признаке состава заглавного словарного блока. В ней противопоставляются лексикон (в левой части словаря представлены слова или части слов) и фразарий (в правой части словаря представлены словосочетания или предложения). Лексиконы делятся на глоссарии (заглавный словарный блок равен слову) и морфемарии (заглавный словарный блок равен морфеме).

Четвертая классификационная схема основана на характере отбора заглавного словарного блока. Противопоставляются в этой схеме тезаурусы и атезаурусы. Тезаурусы отражают всю лексику определенного объекта без всякого отбора. При этом общие тезаурусы регистрируют вообще все слова данного языка, отраслевые тезаурусы регистрируют без отбора слова определенной системы. Атезаурусы основаны на определенной последовательной системе отбора.

Пятая классификационная схема. В ней основным отличительным признаком является объект отображения. С этой точки зрения все словари делятся на общие и частные. Общие словари делятся на словари национального языка и словари литературного языка, однако в отечественной лексикографии четкого разграничения этих двух типов нет. Частные словари, подразделяясь, в свою очередь, на словари книжного языка и словари не книжного языка, представлены словарями языка газеты, словарями языка отдельных писателей и отдельных произведений, областными словарями.

Шестая классификационная схема основана на отражении в словаре исторических процессов. С этой точки зрения все словари делятся на синхронные и диахронные. В синхронных словарях лексика рассматривается вне движения словарного состава. Диахронный словарь отражает динамику лексики определенного временного среза. Диахронные словари делятся на перспективные, отмечающие новые слова и значения, и ретроспективные, которые, в свою очередь, делятся на этимологические и исторические.

Седьмая классификационная схема строится по признакам цели и назначения словаря. Основная антитеза здесь - противопоставление учебных словарей и словарей-справочников. Учебные словари, одноязычные и двуязычные, предназначены для лиц, изучающих язык. Словарь-справочник рассматривается как такой тип словаря, где читатель может найти справку о любых словах, значение или употребление которых неясно для него. Словари-справочники подразделяются на нормативные, определяющие образцовое употребление языковых средств, и описательные, по возможности, полно описывающие существующее словоупотребление всего языка или его фрагмента.

Восьмая классификационная схема связана с тем, какие слова представлены в левой части словаря - имена собственные или нарицательные. Основное противопоставление здесь: Ономастиконы - апеллятивы. Ономастиконы делятся на антропонимические и неантропонимические (топонимические) словари.

Представленная классификация позволяет дать объемную характеристику всем словарям русского языка, сопоставить их по однотипным дифференциальным признакам. Например, "Толковый словарь русского языка" Д. Н. Ушакова характеризуется как объяснительный прямой строго алфавитный обычный глоссарий атезаурус литературного языка синхронного типа и научно-нормативный словарь-справочник (апеллятив). Такая характеристика каждого словаря точно определяет

его место в системе лексикографических изданий, адекватно и четко отражает специфику его структуры, информационный потенциал. Очевидны и прогнозирующие возможности предложенной классификации.

Многоаспектность и многоярусность представленных научных типологий лексикографических изданий не до конца позволяет воспользоваться ими в целях практического расположения материала.

Чисто практический характер носит типология филологических словарей, разработанная в издательстве "Русский язык"[7]. В ее основу положены тематика, адресат словаря и объем словника:

I. Словари, описывающие лексическую систему русского языка. 1. Толковые словари различного объема для различных категорий читателей. 2. Словари новых слов. 3. Словари иноязычных слов. 4. Словари, отражающие системность связей между словами: словари синонимов, антонимов, омонимов, паронимов. 5. Словари по фразеологии и паремии. 6. Словари по ономастике и топонимике. II. Словари, описывающие грамматическую систему русского языка. III. Словари сочетаемости. IV. Словари по словообразованию. V. Словари по орфоэпии. VI. Словари по орфографии. VII. Словари трудностей. VIII. Словари по этимологии. IX. Исторические словари. X. Словари языка писателей. XI. Справочники по словарной литературе. XII. Словари терминов по языкознанию. XIII. Памятники русской лексикографии. XIV. Словари по лингвостатистике.

Таким образом, создание объемного лексикографического портрета слова или группы слов необходимо обращение к словарям различных типов, к различным базам данных, что бывает нелегко осуществить на практике. Компьютерная лексикография XXI в. должна изменить эту ситуацию: "Возможности компьютерной лексикографии должны привести к тому, что в будущем различие между словарной картотекой и готовым словарем должно уменьшиться и, в конечном счете, исчезнуть: бесчисленное количество различных типов словарей должно программно порождаться из лексикографически обработанной автоматизированной словарной картотеки. [4] Наверняка, появятся новые, неизведанные типы словарей, которые будут по своей структуре отвечать всем возрастающим запросам пользователей, любителей и профессионалов в целом.

Литература

1. Бельчиков Ю.А., Солганник Г.А. О лексикографических изданиях адресной направленности//Облик слова.1997.-С.41-47.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования.-М.: Школа Языка русской культуры,1998.-768 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.-М.: Славянский дом книги,2011.-1024 с.
4. Елистратов В.С. Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь.-М.: «Русские словари»,1997.-703 с.
5. Какалуцкая Л.П. Орфографический словарь-справочник.-М.: Русский язык,1998.-944 с.
6. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич;- Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974.-427 с.
- 7.<http://it-claim.ru/Education/Course/Lingvistika/Lecture/Lecture8.pdf>

References:

1. Belchikov J. A.,G. A. Solganik On lexicographic publications targeted//Form the words.1997.-P.41-47.
2. Gak V. G. Language transformations.-M.: School of Languages of Russian culture,1998.-768 p.
3. Dal V. I. Explanatory dictionary of living great Russian language.-M.: Slavic house of book,2011.-1024 p.
4. Elistratov, V. S. the Language of old Moscow. Linguistic encyclopedic dictionary.-M.: "Russian dictionaries",1997.-703 p.
5. Kalakutsky L. P. Spelling dictionary.-M.: Russian language,1998.-944 p.
6. Scherba L. V. the Language system and speech activity / Ed. L. R. Zinder, M. I. Matusevich;- L.: Nauka. Leningrad. office, 1974.-427 p.

КОНЦЕПЦИЯ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Сахарова Римма Федоровна

аспирант

УО «Минский государственный лингвистический университет»
Минск, Республика Беларусь / *rf.sakharova@gmail.com*

Аннотация

Целью настоящей статьи является представление концепции электронного словаря эмоций на материале немецкого и белорусского языков. Внедрение современных информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека обусловило бурное развитие компьютерной лексикографии. Таким образом, актуальность разработки такого словаря является требованием времени. Словарь позволит не только повысить качество обучения иностранному языку за счёт наглядного представления языкового материала, но также благодаря содержащейся в словарной статье этимологической информации о становлении того или иного способа языковой репрезентации эмоций повысит объяснительную силу приводимых примеров и комментариев. В словаре планируется представление как универсальных, так и культурно-специфических способов и механизмов репрезентации эмоций в немецком и белорусском языках, что облегчит изучающим данные языки как иностранные находить эквиваленты и позволит правильно подбирать единицы для описания переживаемой эмоции на соответствующем языке.

Ключевые слова: компьютерная лексикография, электронный словарь, эмоции, способы и механизмы языковой репрезентации эмоций.

CONCEPTION OF ELECTRONIC DICTIONARY OF EMOTIONS (ON THE BASIS OF GERMAN AND BELARUSSIAN)

Rimma Sakharova

Postgraduate student

Minsk State Linguistic University

Minsk, Republic of Belarus / *rf.sakharova@gmail.com*

Abstract

The purpose of this article is to present the concept of electronic dictionary of emotions on the material of German and Belarusian languages. The introduction of modern information technologies in all spheres of human activity led to the rapid development of computer lexicography. So, the development of such a dictionary is a requirement of the time. The dictionary will give opportunity not only to improve the quality of foreign language teaching at the expense of visual presentation of language material, but also because of etymological information that contains in the dictionary. The etymological information about the different ways formation of language representation of emotions will improve the explanatory effect of the examples and comments. The dictionary plans to present both as universal and so culture-specific ways and mechanisms of representation of emotions in the German and Belarusian languages, which will contribute to the studying of given foreign languages and find equivalents and will give opportunity to select a unit properly to describe the emotions experienced by the appropriate language.

Keywords: computer lexicography, electronic dictionary, emotions, ways and mechanisms of language representation of emotions

Жизнь современного человека невозможно представить без достижений информационных технологий. Информационные системы, существенно расширив свою функциональность (компьютеры, смартфоны, планшеты, многочисленные приложения и т.д.), проникли буквально во все сферы жизнедеятельности общества. Стремительное развитие информационных технологий предопределило и бурное развитие компьютерной лексикографии. Использование электронных учебных словарей и других современных информационных технологий в преподавании иностранных языков является на сегодняшний день требованием

времени. Кроме того, открываются возможности расширения методологии обучения иностранным языкам за счет увеличения наглядности материала, а также многочисленных способов его представления и организации работы с ним.

Целью нашего исследования является разработка и создание электронного словаря эмоций на материале немецкого и белорусского языков, описанию концепции которого и посвящена настоящая статья. Работа над созданием подобного словаря представляется сегодня достаточно перспективной. Белорусская компьютерная лексикография находится у истоков своего развития, а немецкий язык в качестве иностранного является в Республике Беларусь вторым после английского по количеству его изучающих. В этой связи электронный словарь на материале немецкого и белорусского языков представляет проект, заслуживающий внимания со стороны лингвистов.

Выбор в пользу данной области исследования – лингвистики эмоций – был также сделан не случайно. Эмоции, являясь скрытыми от непосредственного наблюдения феноменами, возникают в процессе практически любой активности человека и выступают, таким образом, одним из главных регуляторов его психической жизни. Однако, несмотря на важность эмоций для жизнедеятельности человека, долгое время ученые расходились во мнении, являются ли эмоции объектом изучения лингвистики. Некоторые ученые главной признавали когнитивную функцию языка и при этом исключали изучение эмоционального компонента из исследований о языке (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом). Другие, наоборот, выражение эмоций считали центральной функцией языка (Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль). Сегодня же проблема языкового выражения эмоций находится в центре исследовательского интереса. Язык «является ключом к изучению человеческих эмоций, поскольку он номинирует их, выражает, описывает, имитирует, симулирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры» [1; 25].

В этой связи сопоставительные исследования представляют для лингвистов особый интерес. Эмоции являются универсальной психологической категорией, и все люди независимо от пола, расы, национальности на физиологическом уровне эмоции переживают одинаково. Что же касается языковой репрезентации эмоций, то привлеченный к исследованию материал демонстрирует как общие, так и культурно-специфические способы её.

Например, физиологическим проявлением печали является самопроизвольное опускание вниз рук, головы и т. д. И в немецком, и в белорусском языках данное переживание эмоции фиксируется языковыми единицами: нем. *die Flügel hängen lassen* 'букв. опустить крылья' [4] и бел. *апускаць крылы* 'букв. опускать крылья' [2]. В данном случае способ репрезентации печали совпадает в сопоставляемых языках и при описании данного эмоционального состояния изучающими немецкий или белорусский языки как иностранные проблем не возникнет.

Но существуют примеры, когда в основе языковой репрезентации лежит сходное физиологическое переживание эмоции, однако языковые единицы различаются, что культурно обусловлено и приводит к появлению безэквивалентных сочетаний в сопоставляемых языках. В качестве примера можно привести белорусский фразеологизм *вешаць (апускаць) нос на квінту* 'букв. повесить (опустить) нос на квинту' [2] имеет значение *даходзіць да адчаю*,

тужыць, маркоціцца 'букв. доходить до отчаяния, тосковать, унывать'. В данном случае изучающим белорусский язык как иностранный для понимания и усвоения данной языковой единицы необходимо знать способ и механизм её образования.

С одной стороны, единица возникла на основе действия механизма преобразования по смежности: нос и голова находятся в отношении смежности, а также эмоция описывается через ее конкретное физиологическое проявление – опускание части тела вниз, что следует также трактовать как преобразование по смежности. С другой стороны, для объяснения образования данной единицы целесообразным видится привлечение этимологической информации. Квинта – это название пятой ступени диатонического звукоряда, а также самая высокая по тону струна у некоторых музыкальных струнных инструментов. Жалобный и однообразный звук квинты использовался композиторами в музыкальных характеристиках для описания подавленности человека, "повесившего нос" [4]. Данный фразеологизм имеется в русском, белорусском и польском языках. Через аналогию, зафиксированную в похожем польском фразеологизме *spuścił bas na kwintę* 'спуститься с баса на квинту', в котором описывается переход от высокого, резкого тона к совершенно низкому, можно объяснить аналогию во фразеологизме *повесить нос на квинту*: подразумевается переход от излишней уверенности в себе к страху или печали. Кроме того, можно предположить, что музыкант не только опускался в тоне, когда играл, но также для большей наглядности и убедительности использовал язык телодвижений, т.е. опускал нос во время игры. Следовательно, данная языковая единица образована путем действия механизма преобразования по аналогии.

Таким образом, наличие данной информации в словаре предоставит пользователям возможность правильно понять способ образования данной фразеологической единицы, т.е. на когнитивном уровне осмыслить способ ее образования, сделать ее мотивированной и облегчить в будущем использование ее в речи на иностранном языке для описания переживаемой эмоции.

Кроме фразеологических средств номинации эмоций значительную часть словаря составят коллокации и узуальные сочетания со значением эмоций. Например, для описания интенсивности переживаемого эмоционального состояния в немецком языке используются наречия *wahnsinnig* 'безумно', *unbändig* 'бурно', которые не являются общеупотребительными для белорусского языка в конструкции с глаголом *радоваться*. Указывая на качество переживаемой эмоции, в немецком языке используется наречие *herzlich* 'сердечно', а в белорусском – *душэўна* 'душевно'. Следовательно, для адекватной передачи значения с немецкого языка на белорусский и обратно следует знать и учитывать эти различия. Имея в распоряжении в электронном словаре перечень единиц, которыми описываются эмоциональные состояния в сопоставляемых языках, пользователи смогут правильно подобрать единицу для описания переживаемой эмоции на иностранном языке. Следует отметить также, что в привычных словарях подобные сочетания приводятся в качестве примера и не отражают полный корпус возможных языковых единиц, служащих для номинации эмоций.

Таким образом, можно выделить следующие основные характеристики планируемого словаря:

1. Электронный формат словаря, который позволит доступ к материалу в online-режиме, что является на сегодняшний день очень удобным для всех пользователей информационных технологий. Кроме того, электронный формат

создаст возможность оперативно пополнять словарь новыми единицами, т.е. постоянно актуализировать словарь.

2. Содержание материала двух языков, что позволит отобразить универсальные и культурно-специфические способы языковой репрезентации эмоций в сопоставляемых языках.

3. Прикладной аспект словаря: в процессе освоения иностранного языка (немецкого как иностранного или белорусского как иностранного) соотносить названия конкретных объектов намного проще, чем соотнести систему эмоций и их наименований в разных языках. Последняя задача труднее, но решить её можно, наряду с другими способами, изучая коллокации, узуальные сочетания, которыми эмоции описываются. Собрать их и предоставить в распоряжение пользователей и есть цель словаря.

4. Частью словаря станет этимологическая информация о становлении того или иного способа номинации эмоции, что повысит объяснительную силу приводимой информации и комментариев. Если изучающие иностранный язык понимают, ПОЧЕМУ так говорят об эмоциях в изучаемом им языке, он будет успешно использовать сложившиеся языковые сочетания. Не случайно когнитивную лингвистику, в рамках которой выполняется данное исследование, именуют ПОЧЕМУ-лингвистикой.

5. Планируется представление языкового материала в виде рисунков, схем, таблиц и т.п., что, задействуя ряд каналов восприятия, повышает эффективность освоения изучаемого иностранного языка.

В качестве перспектив можно выделить возможность в дальнейшем расширить материал электронного словаря, содержащего информацию о способах номинации эмоций в немецком и белорусском языках, за счет привлечения данных других языков, что позволит создать комплексную систему универсальных и культурно-специфических способов номинации эмоций, а также будет способствовать увеличению количества пользователей словаря.

Литература

1. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград: ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. – 94 с.
2. Лепешаў І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008 – . Т. 1 : А-Л. – 672 с.
3. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. – Herder: Freiburg, Basel, Wien: Herder, 1995. – В. 1-5.
4. Правильно ли мы говорим? URL: http://uknigi.ru/frazeologia/veshat_nos.html (дата обращения: 30.03.2016)

References

1. Shakhovskii V.I. Emotive component of value and methods of his description: the manual for a special course. – Volgograd: VGPI im. A.S. Serefimovicha, 1983. – 94 p.
2. Lepeshev I. Ya. Dictionary of phraseological units of Belarusian– Minsk: Belorusskaya enciklopediya imeni P.Brovki, 2008 – . Т. 1 : A-L. – 672 p.
3. Roehrich, L. Encyclopaedia of the proverbial expressions. –Freiburg, Basel, Wien: Herder, 1995. – V. 1-5.
4. Are we speaking correctly? URL: http://uknigi.ru/frazeologia/veshat_nos.html (date of the address: 30.03.2016)

АНАЛИЗ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МЕТОДОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО И КОНЦЕПТУАЛЬНО- РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО АНАЛИЗА СРЕДСТВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КОЛИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Степаненко Светлана Николаевна

доцент кафедры английского языка и методики преподавания, кандидат филологических наук
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *SStepanenko@bsu.edu.ru*

Аннотация

Статья посвящена изучению процесса концептуализации количества в современном английском языке. Автор описывает методику анализа словарных дефиниций лексических средств, задействованных в процессе концептуализации количества, рассматривая его как составную часть концептуального и концептуально-репрезентативного анализа, применяемых в когнитивной лингвистике. В работе показано, каким образом существительные количественной семантики участвуют в процессе языковой концептуализации количества, какие когнитивные механизмы задействованы в этом процессе, и какие дополнительные лингвистические факторы влияют на формирование количественных смыслов в рамках предложения-высказывания.

Ключевые слова: концепт, концептуальная характеристика, языковой механизм концептуализации, когнитивный механизм концептуализации, лингвистический фактор концептуализации, концептуальный анализ, концептуально-репрезентативный анализ.

ANALYSIS OF DICTIONARY DEFINITIONS AS A PART OF METHODS OF CONCEPTUAL AND CONCEPTUAL-REPRESENTATIVE ANALYSIS OF QUANTITY CONCEPTUALIZATION MEANS IN MODERN ENGLISH

Svetlana Stepanenko

Associate Professor of Department of English Language and Methods of Teaching, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
SStepanenko@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the process of quantity conceptualization in modern English. The author describes the methodology of analysis of dictionary definitions of the lexical units involved in the process of quantity conceptualization, considering it as a part of the conceptual and the conceptual and representational analysis used in cognitive linguistics. The paper shows how the nouns having the quantitative semantics are involved in the process of language conceptualization of quantity, what cognitive mechanisms are involved in this process, and what additional linguistic factors influence the formation of the quantitative meanings within the sentence-utterance.

Key words: concept, conceptual characteristics, language mechanism of conceptualization, cognitive the mechanism of conceptualization, language factor of conceptualization, conceptual analysis, conceptual-representative analysis.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики её научные изыскания ведутся в рамках направлений, изучающих вопросы деятельности человеческого сознания в преломлении к языку, то есть того, как человек воспринимает и осмысливает окружающий мир, и как его опыт познания реализуется в значениях языковых выражений [Болдырев 2014: 33]. Одним из ключевых познавательных процессов, связанных с осмыслением мира и закреплением результатов познания в виде концептов, является концептуализация.

Концепты разного уровня сложности и абстракции, формируемые различными способами, образуют концептуальную систему человека.

Несмотря на индивидуальность и специфичность знаний о мире у каждого человека, процесс концептуализации имеет общие закономерности, находящие своё отражение в системе языка [Болдырев 2011: 5]. Знание о количестве в языке структурируется и осмысливается как понятие о количестве вообще и как понятие о количественных характеристиках группы предметов, количественных характеристиках статических и динамических признаков и количественных характеристиках событий. Другими словами, в языке представлено количество, “пропущенное через человеческое восприятие, т.е. концептуализированное средствами того или иного языка” [Беседина 2006: 165].

Процесс языковой концептуализации количества приводит к формированию концепта КОЛИЧЕСТВО, содержание которого представлено совокупностью его базовых характеристик (“дискретность” и “недискретность”) и целого ряда дополнительных, частных характеристик, уточняющих базовые (см. [Беседина, Степаненко 2010]). КОЛИЧЕСТВО в языке, получает грамматическое и лексическое оформление, что свидетельствует о его фундаментальной значимости как для концептуальной системы, так и для формирования концептуального пространства языка, так как “чем значимее определенный концепт для человеческого мышления, тем более сложной системой языковых средств и языковых форм он может быть выражен” [Кубрякова 2004: 313]. На каждом языковом уровне концептуализация количества имеет свою специфику, что позволяет нам рассматривать процесс концептуализации количества как лексическую концептуализацию и грамматическую концептуализацию.

Изучение роли языковых форм и категорий обозначенных уровней в процессе концептуализации количества предполагает использование методов, адекватных характеру предпринимаемого исследования. Методы, разрабатываемые в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, позволяют выявить соотношение ментальных и языковых структур, принципов их организации и представления, т.е. они являются методами “исследования когнитивной функции языка во всех его проявлениях” [Болдырев 2006: 34].

Метод концептуального анализа позволяет определить структуру знания, которая стоит за репрезентирующими его языковыми средствами. Исследовать корреляции между знаниями о мире и знаниями о языке возможно через выявление структуры сознания и структуры знания, исследуя языковые данные, и, ориентируясь на познание структур языка, через их анализ в концептуальном плане [Кубрякова 1992: 26].

Для настоящего исследования в качестве основного принимается первое направление концептуального анализа – через значения языковых единиц, репрезентирующих концепт КОЛИЧЕСТВО, их словарные толкования и реальные контексты их употребления к содержанию изучаемого концепта и уточнению его характеристик.

Метод концептуально-репрезентативного анализа является последовательным продолжением и углублением концептуального анализа (см. [Беседина 2006: 129-132]). Глубинным принципом данного метода является принцип причинно-следственного взаимодействия концептуализации и репрезентации в процессе функционирования языка как динамической системы. Этот метод позволяет выявить не только содержание концепта, но и то, как это содержание,

формируемое совокупностью концептуальных характеристик, представлено в языке, какие уровни в каждом конкретном случае задействованы в его репрезентации. Концептуально-репрезентативный анализ направлен, с одной стороны, на выявление концептуального содержания через значения языковых единиц и, с другой стороны, на соотнесение выявленного концептуального содержания с различными уровнями его репрезентации и установление соответствий между концептуальными характеристиками и репрезентирующими их смыслами на разных языковых уровнях.

Применение вышеназванных методов анализа позволило сделать ряд выводов относительно процесса концептуализации количества в современном английском языке. В рамках данной работы остановимся подробнее на особенностях лексической концептуализации количества посредством существительных, обнаруживающих количественную семантику.

Вообще, специфика концептуализации количества на уровне лексики заключается в том, что человек осмысливает количественные характеристики мира в его единичных объектах и понятиях. Процесс концептуализации количества на лексическом уровне связан с формированием представлений и знаний о количественных признаках естественных объектов и объектов внутреннего мира. Отмеченная специфика лексической концептуализации позволяет рассматривать в качестве языкового механизма концептуализации количества номинацию самого количества и количественных характеристик различных объектов, признаков и действий, предполагающую использование лексических единиц разной частеречной принадлежности.

Когнитивными механизмами формирования количественных смыслов на уровне лексики являются профилирование, как процесс выделения главного и второстепенного (см. [Langacker 1991]) и фокусирование, определяющееся выделенностью того или иного участка когнитивного контекста независимо от его значимости [Болдырев 2004: 30].

Наличие в языке существительных *quantity*, *amount*, *number* свидетельствует о способности языка благодаря его кодирующей функции символически фиксировать концепт КОЛИЧЕСТВО в концептуальной системе. В рамках предложения-высказывания они выражают идею количества в самом обобщенном виде, т.е. только номинируют количество. Поэтому обобщенный смысл “количество”, требует дальнейшего уточнения на уровне предложения-высказывания при участии дополнительных лингвистических факторов. Ведущая роль в формировании смыслов, конкретизирующих обобщенный смысл “количество”, принадлежит контекстуальному фактору. В частности, в рамках предложения-высказывания под влиянием контекстуального фактора существительное *quantity* может формировать количественный смысл “неопределенное количество объектов”. Формирование этого смысла происходит, когда существительное *quantity* употребляется в качестве первого элемента в сочетании *quantity of N*, где *N* – существительное предметной семантики, обозначающее одушевленные / неодушевленные объекты: *This was a new scene to us mountaineers; the majestic oaks, **the quantity of game**, and the herds of stately deer were all novelties to us [Shelley: 140]*. В рамках данного предложения-высказывания сочетание *quantity of game* передает смысл “неопределенное количество диких животных или птиц”. В основе рассматриваемого количественного смысла лежит концептуальная характеристика “дискретность”, которая носит неточный характер

и выделяется в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО в результате действия когнитивного механизма профилирования.

Смысл “неопределенное количество вещества”, например, формируется, когда в сочетании *quantity of N*, позицию *N* занимает существительное вещественной семантики: *But she drank a large **quantity of beer** anyway...* [Carver 1996: 218]. В данном примере сочетание *quantity of beer* передает смысл “неопределенное количество пива”. Существительное *beer* имеет вещественную семантику, следовательно, в основе формирования смысла “неопределенное количество вещества” лежит базовая характеристика “недискретность”, которая выделяется в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО в результате действия когнитивного механизма профилирования.

Предпринятый анализ реальных примеров употребления существительных, номинирующих количество (типа *quantity*), показал, что они участвуют в формировании количественных смыслов, которые передают идею количества в обобщенном виде. Это дает основание утверждать, что концептуальные характеристики, лежащие в основе формирования выделенных выше смыслов, составляют лишь часть содержания концепта КОЛИЧЕСТВО. Выявить содержание концепта КОЛИЧЕСТВО более детально позволяет анализ смыслов, формируемых посредством других существительных количественной семантики. Их можно условно разделить на три группы. К первой группе относятся, так называемые, счетные существительные типа *pair, couple, duet, etc.* Вторая группа представлена существительными, обозначающими период времени, например, *a week, a fortnight, a month, a year, etc.* В третью группу входят существительные, которые обозначают условные единицы измерения различных величин типа *mile, yard, pound, degree, etc.* Для уточнения семантики, например, счетных существительных обратимся к их словарным дефинициям:

Quartet(te) / Quintet(te) – ЛСВ₁: a group of four / five people who play musical instruments or sing together; ЛСВ₂: a piece of music for four / five instruments or four singers; ЛСВ₃: a group of four / five people or things [COBUILD 1990: 1176 / 1179].

Приведенные дефиниции выявляют количественную семантику данных существительных. В рамках предложения-высказывания существительные этой группы формируют смысл “точное количество объектов” и “суммарное количество объектов”. Смысл “суммарное количество объектов”, например, формируется посредством счетных существительных под влиянием контекстуального фактора. Последний подразумевает употребление счетного существительного в качестве первого элемента сочетания, образованного по модели *N₁ of N₂*, где *N₂* – существительное, обозначающее одушевленный / неодушевленный объект. Например, *At twelve thirty a **quartette** of excited young things burst in, babbling madly* [Brush 1996: 208]. В данном примере количество участников ситуаций осмысливается как в сумме равное четырем. В основу формирования данного смысла ложится частная характеристика “суммарность”, фокусируемая в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО, и, по сути, уточняющая базовую характеристику “дискретность”.

Существительные, обозначающие период времени, относятся к средствам лексической концептуализации, которые в рамках предложения-высказывания формируют смысл “точное количество”, что отражено в их словарных дефинициях. Например, *Decade – a period of ten years* [OALDCE 1992, V.1: 323]. Приведенная словарная дефиниция иллюстрирует, что существительные этой группы обозначают период определенной временной протяженности, т.е. временной

отрезок, имеющий точную длительность. Так в примере ... Bishop Aringarosa had spent the last **decade** of his life spreading the message of “God’s Work” [Brown 2003: 28] действие, выраженное глаголом-сказуемым, занимает временной отрезок равный десяти дням. Такое осмысление количества обеспечивается за счет профилирования в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО базовой характеристики “дискретность”, которая носит точный характер.

Под влиянием контекстуального фактора существительные, обозначающие период времени, формируют ряд смыслов: “суммарная длительность временного отрезка”, “период протекания действия”, “частотность совершения действия”. Количественный смысл “частотность совершения действия”, например, формируется под влиянием контекстуального фактора, предусматривающего употребление существительного, обозначающего период времени в сочетаниях, образованных по моделям Num times a N; every Num N_{pl}. Позицию N и N_{pl} занимает существительное, обозначающее период времени, например, Go to gym three times a week not merely to buy sandwich [Fielding 2001: 4]. В данном случае, действие, выраженное глаголом-сказуемым, совершается с частотностью три раза в неделю. В основе формирования данного смысла лежит частная характеристика “частотность”, которая выделяется в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО в результате фокусирования под влиянием контекстуального фактора, и уточняет базовую характеристику “дискретность”, которая в данном случае носит точный характер.

Изучение существительных количественной семантики с применением методов анализа, используемых в когнитивно-дикурсивной парадигме научного знания, позволил определить, что данные единицы лексического уровня задействованы в формировании целого ряда количественных смыслов, реализующихся в рамках предложения-высказывания под влиянием контекстуального фактора. Основу формирования выделенных в ходе анализа количественных смыслов создают частные характеристики, которые фокусируются в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО на фоне базовых характеристик.

Литература

1. Беседина, Н.А. Морфологически передаваемые концепты: Монография. - М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. - 214 с.
2. Беседина, Н.А., Степаненко, С.Н. Концептуализации количества в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2010. - № 4. - С. 20-29.
3. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 18-36.
4. Болдырев, Н.Н. Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. - Тамбов, 2006. - С. 34-39.
5. Болдырев, Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2011. - № 1. - С. 5-14.
6. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, ТГУ им. Г.Р. Державина, РАЛК. Изд-е 4-е, испр. и доп. Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. - 236 с.
7. Кубрякова, Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. - М., 1992. - С. 4-38.
8. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. - М.: Языки славянской культуры, 2004.
9. Brown, D. The da Vinci Code / D. Brown. - N.Y.: Doubleday Random House Inc., 2003. - 454 p.
10. Brush, K. Night Club. / Brush, K. // American Story. - М.: «Менеджер», 1996. - P. 194-211.
11. Carver, R. Whoever Was Using This Bed / Carver R. // American Story. - М.: «Менеджер», 1996. - P. 212-232.
12. Fielding, H. Bridget Johnes’s Diary / H. Fielding. - London: Picador, 2001. - 310 p.
13. Langacker, R.W. Concept, Image, and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar. - Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

14. Shelley - Shelley, M.W. Frankenstein // Electronic Text Center, University of Virginia Library. - <http://etext.lib.virginia.edu/modeng0.browss.html>
15. OALDCE – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current Dictionary / A.S. Hornby - Oxford: Oxford University Press, 1992. - V. I.
16. COBUILD – Collins Cobuild English Dictionary. William Collins Sons & Co Ltd., 1990.

References

1. Besedina, N.A. Morphologically Represented Concepts: Monograph. - Moscow; Tambov: PH of TSU; Belgorod: PH BelSU, 2006. - 214 p.
2. Besedina, N.A., Stepanenko, S.N. Conceptualization of Quantity in Modern English // Questions of Cognitive Linguistics. - 2010. - № 4. - Pp. 20-29.
3. Boldyrev, N.N. Conceptual Space of Cognitive Linguistics // Questions of Cognitive Linguistics. - 2004. - № 1. - Pp. 18-36.
4. Boldyrev, N.N. Prototypical Approach: The Problem of the Method // International Congress on Cognitive Linguistics. - Tambov, 2006. - Pp. 34-39.
5. Boldyrev, N.N. Conceptualization of Function of Negation as a Basis of the Category Formation // Questions of Cognitive Linguistics. - 2011. - № 1. - Pp. 5-14.
6. Boldyrev, N.N. Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: Course of Lectures / N.N. Boldyrev; Ministry of Education and Science of RF, TSU n.a. G.R. Derzhavin, RALC. Ed. 4, revised and enlarged. Tambov: PH of TSU n.a. G.R. Derzhavin, 2014. - 236 p.
7. Кубрякова, Е.С. Problems of Representation of Knowledge in Modern Science and the Role of Linguistics in Solving of these Problems // Language and Structure of Knowledge Representation. - М., 1992. - Pp. 4-38.
8. Кубрякова, Е.С. Language and Knowledge: On the Way of gaining the the Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Cognition of the World. - Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kulturi, 2004.
9. Brown, D. The da Vinci Code / D. Brown. - N.Y.: Doubleday Random House Inc., 2003. - 454 p.
10. Brush, K. Night Club. / Brush, K. // American Story. - Moscow: «Meneger», 1996. - Pp. 194-211.
11. Carver, R. Whoever Was Using This Bed / Carver R. // American Story. - Moscow: «Meneger», 1996. - Pp. 212-232.
12. Fielding, H. Bridget Johnes's Diary / H. Fielding. - London: Picador, 2001. - 310 p.
13. Langacker, R.W. Concept, Image, and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar. - Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
14. Shelley, M.W. Frankenstein // Electronic Text Center, University of Virginia Library. - <http://etext.lib.virginia.edu/modeng0.browss.html>
15. OALDCE – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current Dictionary / A.S. Hornby - Oxford: Oxford University Press, 1992. - V. I.
16. COBUILD – Collins Cobuild English Dictionary. William Collins Sons & Co Ltd., 1990.

УДК 821.111-31

ТАНЕЦ КАК СИМВОЛ ПРОЯВЛЕНИЯ СТРАХА В РОМАНЕ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА *ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ*

Тимошилова Тамара Михайловна

кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / timoshilova@yandex.ru

Вальчук Тамара Георгиевна

старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / valchuk@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья представляет собой размышления автора о символике танца в романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух». На примере главы 9 «Лицо смерти» этого произведения проводится анализ компонентов, составляющих танец: круг, ритм, маска и способствующих глубокому прочтению образов героев. Автор полагает, что символика Голдинга может быть рассмотрена и с точки зрения синтеза искусств.

Ключевые слова: символика танца, синтез искусств, Уильям Голдинг, «Повелитель мух».

14. Shelley - Shelley, M.W. *Frankenstein* // Electronic Text Center, University of Virginia Library. - <http://etext.lib.virginia.edu/modeng0.browss.html>
15. OALDCE – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current Dictionary / A.S. Hornby - Oxford: Oxford University Press, 1992. - V. I.
16. COBUILD – Collins Cobuild English Dictionary. William Collins Sons & Co Ltd., 1990.

References

1. Besedina, N.A. *Morphologically Represented Concepts: Monograph*. - Moscow; Tambov: PH of TSU; Belgorod: PH BelSU, 2006. - 214 p.
2. Besedina, N.A., Stepanenko, S.N. *Conceptualization of Quantity in Modern English* // *Questions of Cognitive Linguistics*. - 2010. - № 4. - Pp. 20-29.
3. Boldyrev, N.N. *Conceptual Space of Cognitive Linguistics* // *Questions of Cognitive Linguistics*. - 2004. - № 1. - Pp. 18-36.
4. Boldyrev, N.N. *Prototypical Approach: The Problem of the Method* // *International Congress on Cognitive Linguistics*. - Tambov, 2006. - Pp. 34-39.
5. Boldyrev, N.N. *Conceptualization of Function of Negation as a Basis of the Category Formation* // *Questions of Cognitive Linguistics*. - 2011. - № 1. - Pp. 5-14.
6. Boldyrev, N.N. *Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: Course of Lectures* / N.N. Boldyrev; Ministry of Education and Science of RF, TSU n.a. G.R. Derzhavin, RALC. Ed. 4, revised and enlarged. Tambov: PH of TSU n.a. G.R. Derzhavin, 2014. - 236 p.
7. Кубрякова, Е.С. *Problems of Representation of Knowledge in Modern Science and the Role of Linguistics in Solving of these Problems* // *Language and Structure of Knowledge Representation*. - М., 1992. - Pp. 4-38.
8. Кубрякова, Е.С. *Language and Knowledge: On the Way of gaining the the Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Cognition of the World*. - Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kulturi, 2004.
9. Brown, D. *The da Vinci Code* / D. Brown. - N.Y.: Doubleday Random House Inc., 2003. - 454 p.
10. Brush, K. *Night Club*. / Brush, K. // *American Story*. - Moscow: «Meneger», 1996. - Pp. 194-211.
11. Carver, R. *Whoever Was Using This Bed* / Carver R. // *American Story*. - Moscow: «Meneger», 1996. - Pp. 212-232.
12. Fielding, H. *Bridget Johnes's Diary* / H. Fielding. - London: Picador, 2001. - 310 p.
13. Langacker, R.W. *Concept, Image, and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar*. - Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
14. Shelley, M.W. *Frankenstein* // Electronic Text Center, University of Virginia Library. - <http://etext.lib.virginia.edu/modeng0.browss.html>
15. OALDCE – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current Dictionary / A.S. Hornby - Oxford: Oxford University Press, 1992. - V. I.
16. COBUILD – Collins Cobuild English Dictionary. William Collins Sons & Co Ltd., 1990.

УДК 821.111-31

ТАНЕЦ КАК СИМВОЛ ПРОЯВЛЕНИЯ СТРАХА В РОМАНЕ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА *ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ*

Тимошилова Тамара Михайловна

кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / timoshilova@yandex.ru

Вальчук Тамара Георгиевна

старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / valchuk@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья представляет собой размышления автора о символике танца в романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух». На примере главы 9 «Лицо смерти» этого произведения проводится анализ компонентов, составляющих танец: круг, ритм, маска и способствующих глубокому прочтению образов героев. Автор полагает, что символика Голдинга может быть рассмотрена и с точки зрения синтеза искусств.

Ключевые слова: символика танца, синтез искусств, Уильям Голдинг, «Повелитель мух».

DANCE AS A SYMBOL AND MANIFESTATION OF FEAR IN WILLIAM GOLDING'S NOVEL *THE LORD OF FLIES*

Tamara Timoshilova

Associate Professor of Department of English Language and Methods of Teaching, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / timoshilova@yandex.ru

Tamara Valchuk

Senior Lecturer of Department of English Language and Methods of Teaching
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / valchuk@bsu.edu.ru

Abstract

The article shows the authors impressions of the symbolism of dance in William Golding's novel *The Lord of flies*. Dance symbols are treated from the point of view of their role in creating the characters. Component parts of dance: circle, rhythm, mask find their realization in chapter 9 *A view to a death* and usher the readers into the fictional world of different symbols. The author supposes Golding resorts to symbolism thus underlining the interrelations between literature and art of dance (synthesis of arts).

Keywords: symbolism of dance, synthesis of arts, William Golding, *The Lord of Flies*.

The interrelations between literature and art of dance are discussed in contemporary scientific works. The philosopher Robin Collingwood said that all kinds of language had a relation to bodily gesture – painting, drawing and music, for instance, imply the movements of the artist's or musician's hand – and that “in this sense it may be said that the dance is the mother of all languages” [Collingwood 1958: 244].

Dance is a visual art form. The body language of dance not only resembles verbal language, but also influences literature. Dance communicates ideas, stories, emotions and moods, much like prose and poetry. Literature often inspires dance, and dance in turn inspires literature. Verbal language is used when one is teaching, learning, or creating dance, and writers often use dance imagery in their metaphors and other literary devices [Hagendoorn 2010: 221]. The motive of dance can be found on different levels of the novel: plot, composition, rhythmical organization and it can help to create the synthetic style of the work. It provides a deep insight into the content of the text.

By definition dance is just an organized set of steps performed in sequence preferably to a beat of music. But dance means much more than organized steps and music. It involves emotion, energy and is essentially a non-verbal conversation between the people. It is one of the oldest forms of expression and communication. Recent research underscores the power of non-verbal communication, showing that it is sometimes more compelling than verbal communication. Moreover, while speech and gesture convey different information, researchers find that gesture plays a larger role in affecting message that listeners receive, gestures that convey a different message diminish a listener's ability to understand a spoken message.

Dance has been used for a variety of reasons, from the earliest times, in rituals such as war dances, spiritual dances, and others. The values, beliefs and traditions of culture are reflected in dances and passed down through generations.

The body language of dance is universal. The patterns of dance are a cultural code for reading them. They are included in a communication (transmission of the artistic message from author to recipient). These symbolic signs are a specific form of communication, they have been created in order to pass information from man to man [Borev 2002: 276]. It is one of the most informational systems in the universe.

The passage under analysis presents a literary text from William Golding's novel *The Lord of flies* (1954) in which dance is one of the essential characteristics of his style. Golding conveys many of his ideas and themes through symbolic characters and objects. And art of dance is among them.

In chapter 9 *A view to a death* Ralph finally loses his leadership over the other boys, who succumb to Jack's increasing charisma and the opportunity he gives them to indulge their violent and childish interests. We see Jack and his hunters dancing.

The hunters were looking uneasily at the sky, flinching from the stroke of the drops. A wave of restlessness set the boys swaying and moving aimlessly. The flickering light became brighter and the blows of the thunder were only just bearable. The littluns began to run about, screaming.

Jack leapt on to the sand.

"Do our dance! Come on! Dance!" [p. 33].

The first dance form is known as a primitive dance. It appears as a person's attempt to express his emotional inner state, understanding of the world and wish to join this world. Their dance adds something to the portrayal of the main characters. The dance is the key moment of the book because it shows the depth of the conflict between civilization and savagery; the level of the degradation of Jack, who represents savagery and the desire for power and Ralph, who represents order and leadership. The dance reflects their changing perception of the world.

We can define their dance as the dance of hunters or the dance of darkness. *The hunters took their spears, the cooks took spits, and the rest clubs of firewood.* [p. 33] The dance is often accompanied by a few musical instruments like the drums, to sustain the rhythm, and woodwind instruments like the flute. Instead of musical instruments the boys use their voices and chants which organize their dance and give it rhythm. The alteration of the strong and weak beat is fundamental to the ancient language of poetry, dance and music. Rhythm depends upon repetition of a pattern that is short enough to memorize. *Kill the beast! Cut his throat! Spill his blood!* [p. 33] The boys repeat these exclamatory sentences four times and it makes their movements regular, rhythmical. These movements produce a great influence on the participants, their sub-consciousness and consciousness, give the sense of unity *The movement became regular while the chant lost its first superficial excitement and began to beat like a steady pulse.<...> There was the throb and stamp of a single organism.* [p. 33] Rhythm plays a meaningful, significant role in any dance. The hunters are in a trance-like state from their ritual dancing and they are ready to do anything. Dance is a kind of thinking, an ability to solve problems through control of one's bodily motions. Dance remains at the basic level of human expression. Movement is our mother tongue and primordial thought. It allows to grasp the essence of the events.

The main figure of their dance is a circle. Dancing in a circle (other terms: the round dance, the circular dance) is an ancient tradition common to many cultures for marking special occasions, strengthening community and encouraging togetherness. The circle is probably the oldest known dance formation. It explains how individuals come together and in the circle learn to move and be as one, create universal spirit, how dance brings a feeling of power in ancient warrior dances. *A circling movement developed and a chant.* The circle itself is a very powerful symbol of wholeness and completeness. Everybody is important in that circle, everyone is equal. The circle dance can be considered a universal ritual and symbol, as it is performed in different cultures and religions around the world. Circle dances can be energetic and lively. Something is

placed in the centre of the circle to help focus the dancers and maintain the circular shape. In our case *Roger became the pig, grunting and charging at Jack, who side-stepped.* [p. 33] Then *Roger ceased to be a pig and became a hunter, so that the center of the ring yawned emptily.* [p.33] They form their own rows so that everybody and anybody can participate in the dance. *Some of the littluns started a ring on their own; and the complementary circles went round and round as though repetition would achieve safety of itself.* [p. 33] And we feel that their movements become focused, concentrated and power is brought into the centre of the circle. Thus *Piggy and Ralph, under the threat of the sky, found themselves eager to take a place in this demented but partly secure society. They were glad to touch the brown backs of the fence that hemmed in the terror and made it governable.* [p. 33] It was rather difficult for them not to join this primitive dance and save themselves from vulgarity, savagery. Viewing and understanding these rhythmic patterns opens our awareness of the structural essence of dance.

The dance finishes where it had begun – in the centre. *The sticks fell and the mouth of the new circle crunched and screamed. The beast was on its knees in the center, its arms folded over its face. It was crying out against the abominable noise something about a body on the hill. The beast struggled forward, broke the ring and fell over the steep edge of the rock to the sand by the water.* [p. 33] As the grand finale of dance, it ends dramatically. *At once the crowd surged after it, poured down the rock, leapt on to the beast, screamed, struck, bit, tore. There were no words, and no movements but the tearing of teeth and claws.* [p. 33] The primal instinct of savagery exists within all human beings. As their dance becomes quicker, their belief in the beast grows stronger. They behave themselves as if the Devil claims sacrifice. And Simon becomes their victim, Simon, who represents natural human goodness. They killed not only him, they killed themselves, all their human innocence. The more savagely the boys act, the more real the beast seems to become. And we understand that it is the dance of the beast, of the Devil who lives in each human being and evokes the beast within human being. The dance of hunters transforms into the dance of darkness. Now they are bloodthirsty hunters who have no desire to return to civilization, they lose the sense of innocence. The murder of Simon represents the culmination of the violent tendencies prevalent among Jack's band of hunters, who finally move from brutality against animals to brutality against each other.

And one more component of ritual is represented by Jack's make-up and adornments. He signifies his power over his tribe with his painted body and garlands. He is the idol. This distinctly pagan image is at odds with the ordered society from which Jack came and is the final manifestation of his rejection of civilization.

The boys start to paint their faces which remind the reader of savages. The action becomes ritual and gives them the chance to hide their "real" faces and personalities behind a mask and even to change their characters temporary.

Primitive people used three colours – white, black and red. It shows the specific role of these colours in their life. Blood has red colour thus symbolic meaning of it is power. Jack was eager to get it. Warriors painted their faces in red colour in order to get strength, bravery and to bully their enemies. Two colours red and white symbolize power, richness and honour. Green has negative meanings and among them devil's temptation (there is a legend that devil has green eyes).

The effect of dancing on the hunters is intensified by the logical reiteration of words denoting the power of nature where all the elements (skies, thunder, rain, storm, wind) increase in ferocity and power threatening fearful littluns to death. *All at once the*

thunder struck. Instead of the dull boom there was a point of impact in the explosion. <...> There was a blink of bright light beyond the forest and the thunder exploded again so that a littlun started to whine. Big drops of rain fell among them <...> The hunters were looking uneasily at the sky, flinching from the stroke of the drops. <....> The flickering light became brighter and the blows of the thunder were only just bearable. <...> Between the flashes of lightning the air was dark and terrible; <...> under the threat of the sky <...> The dark sky was shattered by a blue-white scar. An instant later the noise was on them like the blow of a gigantic whip. <....> Again the blue-white scar jagged above them and the sulphurous explosion beat down. <....> The blue-white scar was constant, the noise unendurable. <...> Then the clouds opened and let down the rain like a waterfall. [p. 33] Negative connotations are abundant within rather small space.

Thus, I honestly believe that the more we read and discuss this novel the more interesting it seems to become. On the one hand Golding's work is the superb use of symbolism and symbols of dance are among them. His symbolism works. On the other hand dance symbols may be defined as an example of interrelations between literature and art of dance (synthesis of arts). We have at least two language systems (verbal and visual). What is unique about the work of Golding is the way he has combined and synthesized all of the characteristically twentieth-century methods of analysis of the human being and human society and used this unified knowledge.

References

1. Borev, U.B. Aesthetics: Textbook / U.B. Borev. – M: Visshaya shkola., 2002. – 511 p.
2. Collingwood, R.G. The Principles of Art. London, UK: Oxford University Press, 1958.
3. Hagendoorn, I.G. Dance, language and the brain. Journal Arts and Technology, Vol. 3, Nos. 2/3, 2010. – p. 221-234.
4. rulit.net/author/.../lord-of-the-flies-download-free

УДК 811.17

ОНИМНАЯ ГУЛЬНЯ ЯК МАСТАЦКІ ПРЫЁМ У ТВОРАХ ЛІТАРАТУРЫ: НА МАТЭРЫЯЛЕ СЛОЎНІКАЎ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Шур Васіль Васільевіч

прафесар кафедры беларускай і рускай філалогіі
доктар філалагічных навук, прафесар

Установа адукацыі

«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт
імя І.П. Шамякіна», Мазыр, Рэспубліка Беларусь / text2005@mail.ru

Abstract

Language game as an expressive component of the system of proper names is studied in this article with examples from the dictionaries of the Belarusian language and Belarusian literature.

Keywords: proper name, onomasticon, context, language game, dictionary.

Нярэдка ў творах мастацкай літаратуры, фальклору можна выявіць прыклады ўмелай “моўнай гульні” сродкамі фанетыкі, графікі, арфаграфіі, марфалогіі, лексікі, сінтаксісу. Звычайна такая гульня ўспрымаецца як пэўнае адхіленне ад усталяванай нормы, як “анамалія”, як пэўны спосаб самавыражэння, пры якім праяўляецца моўная асоба, яе ўяўленні пра рэчаіснасць, пэўныя схільнасці і творчы патэнцыял.

thunder struck. Instead of the dull boom there was a point of impact in the explosion. <...> There was a blink of bright light beyond the forest and the thunder exploded again so that a littlun started to whine. Big drops of rain fell among them <...> The hunters were looking uneasily at the sky, flinching from the stroke of the drops. <....> The flickering light became brighter and the blows of the thunder were only just bearable. <...> Between the flashes of lightning the air was dark and terrible; <...> under the threat of the sky <...> The dark sky was shattered by a blue-white scar. An instant later the noise was on them like the blow of a gigantic whip. <....> Again the blue-white scar jagged above them and the sulphurous explosion beat down. <....> The blue-white scar was constant, the noise unendurable. <...> Then the clouds opened and let down the rain like a waterfall. [p. 33] Negative connotations are abundant within rather small space.

Thus, I honestly believe that the more we read and discuss this novel the more interesting it seems to become. On the one hand Golding's work is the superb use of symbolism and symbols of dance are among them. His symbolism works. On the other hand dance symbols may be defined as an example of interrelations between literature and art of dance (synthesis of arts). We have at least two language systems (verbal and visual). What is unique about the work of Golding is the way he has combined and synthesized all of the characteristically twentieth-century methods of analysis of the human being and human society and used this unified knowledge.

References

1. Borev, U.B. Aesthetics: Textbook / U.B. Borev. – M: Visshaya shkola., 2002. – 511 p.
2. Collingwood, R.G. The Principles of Art. London, UK: Oxford University Press, 1958.
3. Hagendoorn, I.G. Dance, language and the brain. Journal Arts and Technology, Vol. 3, Nos. 2/3, 2010. – p. 221-234.
4. rulit.net/author/.../lord-of-the-flies-download-free

УДК 811.17

ОНИМНАЯ ГУЛЬНЯ ЯК МАСТАЦКІ ПРЫЁМ У ТВОРАХ ЛІТАРАТУРЫ: НА МАТЭРЫЯЛЕ СЛОЎНІКАЎ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Шур Васіль Васільевіч

прафесар кафедры беларускай і рускай філалогіі
доктар філалагічных навук, прафесар

Установа адукацыі

«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт

імя І.П. Шамякіна», Мазыр, Рэспубліка Беларусь / text2005@mail.ru

Abstract

Language game as an expressive component of the system of proper names is studied in this article with examples from the dictionaries of the Belarusian language and Belarusian literature.

Keywords: proper name, onomasticon, context, language game, dictionary.

Нярэдка ў творах мастацкай літаратуры, фальклору можна выявіць прыклады ўмелай “моўнай гульні” сродкамі фанетыкі, графікі, арфаграфіі, марфалогіі, лексікі, сінтаксісу. Звычайна такая гульня ўспрымаецца як пэўнае адхіленне ад усталяванай нормы, як “анамалія”, як пэўны спосаб самавыражэння, пры якім праяўляецца моўная асоба, яе ўяўленні пра рэчаіснасць, пэўныя схільнасці і творчы патэнцыял.

Звычайна такая моватворчасць арыентавана на дасягненне нейкага нестандартнага эфекту і ўздзеянне на адрасата з пэўным эмацыйным праяўленнем.

Онімная гульня спецыялістамі кваліфікуецца як выразны кампанент вобразнай сістэмы ўласных імёнаў у мастацкім творы. Яна адзін з эфектыўных спосабаў стварэння выразнага стылёвага эфекту ў мастацкім тэксце. У лінгвістыцы сфарміравана некалькі арыгінальных падыходаў да яе вывучэння і апісання. Так, у рускім мовазнаўстве з'явіліся даследаванні, прысвечаныя аналізу гэтай з'явы (гульні) на матэрыялах мовы сродкаў масавай інфармацыі, фальклору, асобных мастацкіх твораў (гл. публікацыі даследчыкаў Данецкай анамастычнай школы: працы В. Калінкіна, Н. Мудровай, а таксама Т. Грыдзінай, Э. Краўчанка, Р. Шэбалава і інш.). На наш погляд, моўную гульню паслядоўна ў творах беларускай драматургіі ўмела выяўляў і даследаваў прафесар В. Рагаўцоў, не ўжываючы гэтак тэрміналагічнае спалучэнне, у тым ліку і на шматлікіх антрапонімах і тапонімах, выкарыстаных як мастацкі сродак у творах Янкі Купалы, Якуба Коласа, Кандрата Крапівы, Андрэя Макаёнка і інш. Б. Норман у сваёй арыгінальнай кнізе "Язык: знакомый незнакомец" (Мн., 1987) у заключнай частцы тлумачыць сутнасць тэрміна "гульня", ужываючы яго ў больш вузкім сэнсе: "занятка, што значыць забаўляцца, весяліцца словамі, гукамі". "Іншымі словамі, моўная гульня (у максімальна шырокім разуменні гэтага тэрміна) – гэта нетрадыцыйнае, некананічнае выкарыстанне мовы, гэта творчасць у мове, гэта арыентацыя на схаваныя эстэтычныя магчымасці моўнага знака)" [8, с. 168]. Даследчык тлумачыць, што з дзяцінства ўсім знаёма своеасаблівая гульня пра сапсаваны тэлефон і падобныя вольнасці. У больш дарослым узросце забаўляюцца рэбусамі, шарадамі, красвордамі і чайнвордамі, паліндронамі. Усе падобныя гульні, несумненна, карысныя: яны развіваюць моўную памяць, фантазію, іншыя моўныя здольнасці. Для лінгвіста гэта даволі цікавы аб'ект назірання і роздуму (с. 194) А ўпершыню тэрмін *моўная гульня* выкарыстаў аўстрыйскі філосаф і логік Людвіг Вітгенштэйн.

У сучасных лінгвістычных тэорыях і канцэпцыях ёсць самыя розныя вызначэнні феномену моўнай гульні. Так, пад гэтай моўнай з'явай некаторыя даследчыкі разумеюць факты, калі гаворачая асоба вольна абыходзіцца з формай маўлення, каб павялічыць яго выразнасць або стварыць камічны эфект, калі пэўныя адхіленні, *"свабодныя, вольныя адносіны да асобных слоў, да формы маўлення і яе рэалізацыі атрымліваюць эстэтычную зададзенасць, нават самую сціпную"* (Т. Грыдзіна, Е. Земская, В. Саннікаў). Н. Аруцюнава разглядае яе як *"анамалію", усвядомленую на фоне нормы*", Б. Норман яе кваліфікуе як *"рэалізацыю асіметрыі моўнага знака і парушэнне сістэмных адносін паміж знакамі"*, Р. Якабсон *"як праяўленне функцыі мовы пры мадэляванні эфекту балакання і вастраслоўя, а таксама тропавых кампанентаў мастацкага тэксту"*. У якасці рэалізацыі моўнай гульні ў творах літаратуры, фальклору найчасцей выступаюць жарт, каламбур, вострае нечаканае выказванне, розныя віды тропы (параўнанні, метафары, перыфразы і г.д.) [7].

Онімная гульня ўласціва шматлікім фальклорным творам. У займальнай форме, у народных прыпеўках, запісаных Максімам Лужаніным на радзіме Я. Коласа, абыгрываюцца імёны першых уладальнікаў Нясвіжа: каламбурна супастаўляюцца іх прозвішчы і сугучныя ім апелятывы — аманімічныя агульныя назоўнікі: *Калі правілі Кішкі, / Выдзіралі нам кішкі, / А прыйшлі Радзівілы – / Рвуць і*

кішкі і жылы./ Не даваліся Кішку/ Мы ў шырокую кішку, / А князь Радзівіл цішкам / Нас глынуў разам з Кішкам [5, с. 63].

У зборніку “Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы”, які склаў Ф. Янкоўскі, ёсць нават асобны раздзел “Добрачытлівыя і жартоўныя пажаданні. Жарты. Каламбуры”. Пададзены там і прыклады абыгрывання анімаў з мэтай дасціпнага і часам нечаканага супастаўлення іх з агульнымі лексічнымі адзінкамі або іх формамі:--*Як завуць?--А як за Вуць, дык і Церахоўка; Падкузьміў Кузьма Дзяміда; Паддзямідзіў Кузьма Дзяміда; Дзядзька Піліп, ці ты да лаўкі прыліп? Ішоў Тодар з Тадораю, знайшоў лапаць з абораю. – Ой ты Тодар, я Тадора, табе лапаць, мне – абора.* Паходжанне некаторых каламбураў растлумачыў Ф. Янкоўскі: *рэчка Вуць, а за рэчкаю Церахоўка.* Каламбур заснаваны на сугучнасці *завуць* і *за Вуць*; *Шляхам, шляхам, да самай Гразі* – каламбур з Меціслаўшчыны, заснаваны на супадзенні слоў: *гразь* – бруд і *Гразь* – назва вёскі. На гасцінцы з Меціслава на Смаленск вясною, восенню многа гразі. Звычайна каламбуры ствараюцца ў межах з некалькіх радкоў, у якіх рыфмуюцца самыя разнастайныя лексічныя, фразеалагічныя і іншыя моўныя адзінкі. Сярод стылістычных фігур, заснаваных на моўнай гульні, якая выкарыстоўваецца ў мастацкай літаратуры, як лічыць В. Рагаўцоў, адной з самых старажытных, пашыраных і ўжывальных з’яўляецца каламбур, што тлумачыцца асаблівасцямі яго пабудовы (свядома выбіраюцца розныя лексічныя сродкі – полісеманты, амонімы, паранамазы, антонімы, фразеалагізмы і інш.).

Прыкладамі рэалізацыі ўмелай фанетычнай моўнай гульні ў словах з’яўляюцца разнастайныя *алітэрацыі*. Так, у вершах Р. Барадуліна – гэта эстэтычна вывераныя паўтарэнні аднолькавых або блізкіх зычных для ўзмацнення гукавой выразнасці паэтычнай мовы, што дасягаецца прадуманым падборам метафар, каламбурных слоў. Самыя розныя алітэрацыі ў паэзіі Р. Барадуліна – неад’емны кампанент яго гульні – выразных нечаканых метафар, частых каламбураў. Імі ствараюцца разнастайныя зрокавыя і слыхавыя вобразы і іншыя “паэтычныя вольнасці”, у якіх паэт-наватар – “*нявольнік і ўладар адначасова, віртуоз і майстра*” (В. Быкаў). Напрыклад, І. Лепешаў, каменціруючы майстэрства паэта, прыводзіць яго верш “Матылёк”. У ім усяго 66 слоў (разам з 15-ю службовымі), гук л паўтараецца 58 разоў [4, с. 76]. У гэтым арыгінальным вершы гульня рэалізуецца, гаворачы словамі Б.Нормана, “празмерным ужываннем адзінак любога моўнага ўзроўню – фанемнага, марфемнага і г.д. – вядзе да стварэння пэўнаганадмоўнага (эстэтычнага, мастацкага) эфекту”.

Як прыём анімнай гульні можна разглядаць ужыванне апісальных выразаў, спецыфічных перыфраз замест канкрэтных анімаў. У некаторых мастацкіх творах уласнае імя персанажа не называецца па самых розных прычынах, але аўтар, указаўшы ў тэксе характэрныя прыкметы або нейкія іншыя асаблівасці літаратурнага героя, намякае, падказвае, пра каго вядзецца гаворка. Так, у паэме “Тарас на Парнасе”, як звярнуў на гэта ўвагу І. Лепешаў, упамінаюцца амаль усе багі з рымскай міфалогіі, безыменны толькі *Кунідон* – Бог кахання, якога чытач уяўляе як юнака з залатымі крыламі, лукам, стрэламі. Іменна гэтыя атрыбуты падказваюць чытачу расшыфроўку імя безыменнага Бога: *Хлапчына нейкі круглалікі,/ Увесь кудравы, як баран,/ І за плячмі ў яго вялікі/ Прычэплен лук быў і каўчан.../ На скрыдлах шпарка паляцеў... Яшчэ да прачытання тэксту паэмы такія імёны ўводзяць чытача ў асяроддзе алімпійскага Парнасу. Дарэчы, імёны багоў у паэме – гэта імёны-алюзіі, якія выконваюць спецыфічную мастацкую функцыю.*

Яны (імёны багоў), як і належаць, старажытнагрэцкія альбо старажытнарымскія. Аднак простыя паводзіны, сялянскі побыт і выгляд багоў, як піша З. Тычына, ніяк не стасуюцца з важкімі і гучнымі *зеўсамі, марсамі, венерам*. Багі толькі імёнамі, а не ладам жыцця нагадваюць жыхароў *Алімна*. Імёны герояў ёсць іх маскі, якім яны спрабуюць адпавядаць: селянін *Зеўс*, як і належыць яму, кіруе, сялянка *Венера* занятая сваёй красой, сялянка *Геба* ўсіх корміць і г.д. (Роднае слова. – 2007. – № 4. – С.10-11.).

Як своеасаблівы аўтарскі прыём гульні слоў трэба разглядаць ужыванне ў тэксце замест уласнага імя або прозвішча апісальнага выразу. У літаратурнай мове, асабліва ў публіцыстыцы, часта ўжываюцца метанімічныя перыфразы, якімі апісальна называюць прадстаўнікоў пэўнай прафесіі, занятку, імі падкрэсліваюцца прыметы знешняга выгляду асобы і інш., але свядома не называюцца імя або прозвішча літаратурнага персанажа: *людзі ў белых халатах, чалавек у бесказырцы*. Г. Малажай прыводзіць пераканальны прыклад з рамана З. Бядулі “Язэп Крушынскі”, у якім пісьменнік знаёміць чытача з новым персанажам: *Цярэшка ззяе вачыма. Перад ім адзін з “тых” – з Еўропы. Чорная вопратка, белы каўнер, бліскучая лысіна, рудая бародка, вочы сфінкса...* Далей з усіх прымет гэтай асобы выбіраецца адна – *вочы сфінкса*, і на старонках рамана, дзе з’яўляецца гэты персанаж, ён усюды называецца *чалавекам з вачамі сфінкса*. Гэтая перыфраза паслядоўна ўжываецца замест прозвішча або імя, якое пісьменнік так і не назваў [4, с. 45].

У вершы Я. Коласа “Міжнародныя піраты”, які быў напісаны ў 1937 г. у сувязі з нападам італьянскіх ваенных караблёў на савецкія гандлёвыя судны “Тимирязев” і “Благоев”, паэт дае выкрывальна-зневажальную характарыстыку тагачаснаму “міжнароднаму пірату” Беніта Мусаліні, які быў ініцыятарам і выканаўцам шматлікіх міжнародных разбояў, правакацый і канфліктаў. Я. Колас у вершы ні разу не называе імя і прозвішча дыктатара фашысцкай Італіі, аднак канатацыйная сутнасць гэтых рэальных онімаў, за якімі ў мастацкай літаратуры і грамадстве назапашана шматлікая негатыўная інфармацыя, выяўляецца наступнымі мастацка-выяўленчымі сродкамі, насычанымі пеярэтыўнай экспрэсіяй – аўтарскімі перыфразамі: *цэзар лінавы, гною куча, майстар ад фашызму, бурбалка пустая*; кантэкстуальнымі сінонімамі да імя і прозвішча дыктатара: *пірат, бандыт*; яго ўчынкі і намаганні характарызуюцца наступнымі экспрэсіўна-маркіраванымі дзеясловамі-выказнікамі: *абнаглеў, лезе, шворыцца* і інш. Гэты ж прыём таксама выкарыстаў К. Крапіва ў вершы “*Гебельс брэша – вецер носіць*”, каб не паўтараць часта адыёзнае прозвішча бліжэйшага паплечніка *Гітлера*. Чытач, унікшы ў сутнасць перыфразы (*плюгавы доктар прапаганды*), лёгка здагадаецца, пра каго такія знішчальна-саркастычныя радкі: *Каб прыкрасіць крыху справы,/ Гітлераўскай банды,/ У Берліне ёсць плюгавы/ Доктар прапаганды*. Такая метанімічная замена прозвішча апісальным выразам у спалучэнні з эпітэтам *плюгавы* прыцягвае ўвагу чытача, засяроджвае яго на выразна пеярэтыўнай мастацкай дэталі. Даследчык мовы твораў К. Крапівы І. Лепешаў прыводзіць арыгінальны прыклад з верша, дзе сатырык умела абыгрывае прозвішча міністра прапаганды фашысцкай Германіі доктара *Гебельса*. Дзеля гэтага К. Крапіва выкарыстаў, а потым удала змяніў прыказку “*Сабака брэша – вецер носіць*”. З’яўленню абноўленай прыказкі ў тэксце верша, як слушна пераконвае даследчык, папярэднічаюць параўнанні *Гебельса з сабакам* (“*Не збрахаць, як карлік, столькі дзесяці сабакам*”, “*брэша з захапленнем*”), а потым ідзе: “*Нам ужо абрыдлі*

досыць байкі прайдзісвета: – Гебельс брэша – вецер носіць, – кажам мы на гэта”. Сатырычны эффект і дасціпнасць гэтага перафразавання становяцца яшчэ больш відавочнымі, калі прыняць пад увагу, што ў нямецкай мове прозвішча гітлераўскага міністра прапаганды супадае са словам *Gebells* (родны склон) – брэх, гаўканне. Такім чынам, адсутнасць імя канкрэтнай гістарычнай асобы ў вершаваных радках кампенсуецца спецыфічным аўтарскім прыёмам – канцэнтраваным ужываннем у творы апісальных выразаў, эматыўнай лексікі, якія вызначаюцца заніжанай экспрэсіўнай афарбоўкай, што садзейнічае выяўленню павышанай асацыятыўнасці онімаў, якія, становячыся гіпатэтычна маркіраванымі, рэальна ўспрымаюцца чытачом, але па задуме паэта не называюцца ў творы.

Дарэчы тут адзначыць, што ў рускай літаратуры падобныя па семантыцы апелятываў прозвішчы рэальных персанажаў (белагвардзейскіх генералаў *Юдзеніча* і *Шкуро*) умела абагрываў у сатырычных творах Дзям’ян Бедны, ствараючы з гэтымі онімамі каламбурныя спалучэнні і ператвараючы іх (онімы) у з’едлівыя мянушкі: *Юдзеніч* → *Іудзеніч*; *Шкуро* → *Шкура*, пра што пераканальна пісала тагачасная літаратурная крытыка.

У іншых вершах Якуб Колас, надварот, свядома ў параўнальна невялікім кантэксце стварае канцэнтрацыю адрозных рэальных імёнаў для перадачы адмоўнай экспрэсіі: *Гінуць Гітлер, Гімлер, Герынг, Гебельс, Гес./ Шле за іх літанне папа да нябес*. Памацняе такую моўную гульню экспрэсіўнасць, выразнасць паэтычных радкоў, ампліфікацыя онімаў, а таксама гукавая алітэрацыя, створаная паўторам спалучэнняў *Гі, Ге* ў імёнах кіраўнікоў фашысцкай Германіі. Выяўляецца ў такім свядомым наборы онімаў з пачатковым *Г* і мастацкая *алюзія* – саркастычны намёк на тое, што гэтым гукам пачынаюцца словы, якія выклікаюць самыя адмоўныя асацыяцыі: *гад, гніда, гной, ганьба, гора, гібель, галеча* і інш.

Гэты ж прыём Я. Колас выкарыстоўваў і ў вершы “Пахаванне Гейдрыха”: *Кат Гейдрых ляжаў у труне,/ Кат Гімлер аплакваў яго./ Кат Гітлер стаяў, як у сне,/ Над падлаю друга свайго*. Узмацняе эмацыйную арганізацыю гэтых радкоў лексіка-стылістычны паўтор, пабудаваны паралельным размяшчэннем онімаў у спалучэнні са словам-рэфрэнам *кат*, якія такім чынам фіксуюць увагу чытача (слухача), інтэнсіфікуючы канатацыйны бок онімаў і мэтанакіравана падкрэсліваюць іх пеяратыўнае адценне і эмацыйнае ўздзеянне ў кантэксце. Анафара ў гэтых радках таксама выразны і эфектыўны прыём узмацнення гульні і рытма-інтанацыйнай выразнасці верша, дзе дамінантную ролю ў выражэнні пеяратыўнай экспрэсіі выконваюць онімы. Прысутнічае ў гэтых паэтычных радках і *аксюмаран* (*падла – друг*) – спалучэнне супрацьлеглых па семантыцы характарыстычных назоўнікаў, якія лагічна выключаюць адзін другога, ствараючы такім ужываннем дасціпна-бязглуздае ўяўленне пра носьбіта оніма.

Гульня слоў можа выяўляцца і ў “пераклічцы” онімаў-загалоўкаў мастацкіх тэкстаў, іх паўторах у вершаваных радках, якія каламбурна ствараюць эффект павышанай увагі да такой творчасці. Так, у вершы У. Верамейчыка “*Таполі юнацтва*”, прысвечаным народнаму пісьменніку *Івану Навуменку* – ураджэнцу Палесся з мястэчка Васілевічы, дзе, дарэчы, у дзіцячым доме ў галодныя пасляваенныя гады выхоўваўся і хлопчык-сірата Валодзя Верамейчык, паэт Уладзімір Верамейчык, выкарыстоўваючы аплікацыю *бібліонімаў* – назваў-загалоўкаў асноўных мастацкіх твораў пісьменніка-земляка Івана Навуменкі, стварае спецыфічную “гульню слоў” – каламбур, пабудаваны на амафаніі, калі фрагменты верша-прысвячэння “пераклікаюцца” з назвамі-загалоўкамі або іх

фрагментамі з твораў Івана Навуменкі. У паэтычных радках Верамейчыка такія словы ўтрымліваюць павышаны эмацыйны патэнцыял, становячыся кульмінацыйным цэнтрам паэтычнага паслання і прызнання павагі да творчай спадчыны юбіляра, да асобы пісьменніка: *“Вы сталі народным./ Высокае званне./ Ля Цітавай копанкі – мір./ Лятуць з Васілевіч да Вас віншаванні,/ Бо Вы і змяляк і кумір./ Хоць хлопцы-равеснікі моцна ссівелі,/ Таполі юнацтва шумяць./ Ды Вы, летуценнік, не пастарэлі,/ Мы просім пісаць і пісаць./ Няхай не паўторыцца той сорака трэці./ Хай бульба раскошна цвіце, / Няхай на планеце не ведаюць смерці,/ Дзяцінства хай шчасна расце./ Не быць Вам ніколі у зморы і скрусе, Часцей к землякам прыезджаць,/ Бо ў Васілевічах і ў Беларусі /Таполі юнацтва шумяць”*.

У вершы “Васілевічы” У. Верамейчык, ужываючы перыфразы, зноў успамінае свайго знакамітага земляка: *“Гарадок у жыццё пазірае./ Бо жыты ходзяць жоўтаю лаваю.../ Адначыць генерал прыезджае/ Ці членкор, абцяжараны славаю”*. Не без гумару, не ўпамінаючы прозвішча пісьменніка і акадэміка, выразнымі мастацкімі сродкамі – індывідуальна-аўтарскімі перыфразамі: *членкор, абцяжараны славаю*, алагічнымі спалучэннямі: *“горад вясковы”* – пра мястэчка Васілевічы; параўнаннямі, традыцыйнымі метафарычнымі апісаннямі, паэт стварае выразны рэтрамалюнак былога мястэчка – раённага цэнтра Васілевічаў, *“горада вясковага”*, дзе, *“як у Індыі, ходзяць каровы / Па даўжэзнай цэнтральнай вуліцы”*... / *Толькі глуха шумяць таполі, / Цёплым пухам па вулачках сцелючы. / Што тут ёсць – не даўмецца ніколі! – / Ад былое райцэнтраўскай велічы?”* [2, с. 152]. Параўнаем у гэтай сувязі, што тэкст верша надзвычай асацыятыўны: вобраз таполяў у апавяданнях І. Навуменкі, як піша А. Бельскі, утрымлівае сімволіка-абагульняльны сэнс. Гэтыя дрэвы ўвасабляюць радзіму, з імі звязана дзяцінства і юнацтва: *“Я заўсёды любіў станцыю, – пісаў І. Навуменка, – любіў разложыстыя стогадовыя таполі, якія яе ахінаюць...”* Пастаянны зварот да гэтых дрэў (скразны лейтматыў) сведчыць пра глыбокую духоўную сувязь герояў пісьменніка з радзімай, іх трывалую памяць. З таполямі звязаны аўтарскія ўспаміны і думкі, важныя жыццёвыя падзеі, лёсы герояў. Вобраз таполяў – гэта і своеасаблівая алегорыя маладога жыцця, сімвал юнацтва” [1, с. 122]. Памацняюць паэтычную гульню, вобразнасць гэтага верша іншыя мастацкія сродкі, напрыклад, арыгінальна свежы аксюмаран-перыфраза *“горад вясковы”* – пра былое мястэчка Васілевічы. Такое ўжыванне заснавана на свядомым алагізме – наўмысным сутыкненні кантэкстуальна несумяшчальных слоў, якія ў такім спалучэнні па волі аўтара не без лёгкага гумару перадаюць якасна новае паняцце, прыносячы элемент нечаканасці, а гумарыстычны вобраз мястэчка *“былое райцэнтраўскай велічы”* становіцца выразна запамінальным. Выдзеленыя словы ў вершы У. Верамейчыка з’яўляюцца онімамі-загалоўкамі або іх фрагментамі самых значных праявітых твораў Івана Навуменкі.

Некаторыя загалоўкі як алюзійны кампанент усяго тэксту паўторна выкарыстоўваецца і абыгрываюцца ў новым тэксце для стварэння пэўнага культурна-гістарычнага каларыту, які засноўваецца на кампетэнцыі стваральніка новага тэксту (пісьменніка) і інтэлектуальна дасведчанага чытача. Алюзійны кампанент, г. зн. паўтор вядомага чытачу, у новым тэксце, напрыклад, у вершы С. Чыгрына “Васілю Быкаву”) уяўляе сабой тэкставы фрагмент з твораў В. Быкава, які адрозніваецца ад звычайных тым, што ён здольны ўскладняць новы вершаваны тэкст дзякуючы магчымасці сумяшчаць, спалучаць у адным азначэнні два, з іх адно належыць іншай семіятычнай прасторы. Такім чынам, алюзійны кампанент, у

нашым выпадку – гэта загалюкі або іх кампаненты з твораў В. Быкава, набывае выразна акрэсленую мастацка-эстэтычную напоўненасць, якая абыгрываецца, паўтараецца і актуалізуецца ў наступных вершаваных радках паэта С. Чыгрына: *Вайна – гэта знак бяды, / яе немагчыма забыць. / А мёртвым не трэба вады, / А мёртвым ужо не баліць. // Праз порах і дым вайны, / Праз пасткі / І праз вышыні / Ішлі батальёна сыны / І воўчую зграю крушылі. // Абеліскі вітаюць зару, / Жураўліныя крыкі ачнуцца... / Праз Альпы ў Беларусь / Пайсці, дажыць і вярнуцца.* (С. Чыгрын “Васілю Быкаву”). Алюзійнае выкарыстанне онімнай гульні ў тэкстаўтварэнні, актыўнае ўздзеянне іх на ўяўленне, эмоцыі, падсвядомасць чытача пры дапамозе самых розных анамастычных, тэматычных, вобразных, гукавых асацыяцый уяўляе сабой спецыфічны тып мастацкай семантыкі слова, які ў наш час набывае павышаную ўвагу і паглыбленае вывучэнне.

У канве вершаў рускамоўных паэтаў, якія пішуць пра Беларусь, нярэдка сустракаюцца беларусізмы, у тым ліку і онімы, якія творцы свядома этымалагізуюць, выкарыстоўваючы такое тлумачэнне ў вершаваным тэксце як мастацкі прыём, пакладзены ў аснову ўсяго ідэйна-мастацкага стрыжня твора. Так, аналізуючы верш Б. Спрынчана «Беларускія месяцы», А. Гіруцкі звярнуў увагу, што ў гэтага паэта назвы ўсіх дванаццаці месяцаў разглядаюцца як уласныя моўныя адзінкі, а этымалагічныя падказкі да онімаў вельмі выразныя, пабудаваныя з выкарыстаннем таўталогіі і каламбураў. У яго паэтычных радках назвы месяцаў празрыстыя і лёгка тлумачацца, а мастацкія вобразы, створаныя спецыфічнай гульнівай аднакаранёвых слоў, вядомых у рускай і беларускай мовах, становяцца падкрэслена семантычна выразнымі і зразумелымі чытачу: *...следом травы из-под листьев ржавых В мир несут красу Красавика. И запахнет цветом липы Липень, И Зарей нальётся в соты мёд. И летит на землю снегом Снежань. Стынет бор в спящей белизне... Запахом березового сока Из лесу сочится Сакавик...* Народныя этымалогіі назваў месяцаў, умела выкарыстаныя паэтам, даволі пераканальныя і выразныя, у іх трапна адлюстраваны не толькі векавыя назіранні сялян за станам прыроды ў канкрэтную пару года, а і асаблівасці сялянскага побыту [3, с. 183].

Літаратура

1. Бельскі А.І. Функцыі пейзажу ў прозе Івана Навуменкі // Творчая асоба І. Навуменкі і праблемы беларускай філалогіі і адукацыі. Мінск, 2006. – 336 с.
2. Верамейчык У. Клянуся Прыпяццю. – Мінск, 1988. –191 с.
3. Гируцкий А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Минск, 1990. – 175. с.
4. Лепешаў І.Я. Лінгвістычны аналіз літаратурнага твора. У 2 ч. Ч. 2. Гродна, 2000. – 122 с.
5. Лужанін Максім. Колас раскавае пра сябе. Мн.: Маст.літ. 1997 – 462 с.
6. Малажай Г.М. Сучасная беларуская мова. Пэрыфраза. Мінск: Выш. шк., 1980. – 96 с.
7. Мудрова Н.В. Поэтика онимной игры. Киев , 2012. – 144 с.
8. Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. – Мінск, 1987. – 222 с.

References

1. Belski A.I. Functions of landscape in the prose of Ivan Navumenka // The creative personality of I. Navumenka and the problems of philology and education. Minsk, 2006. – 336 p.
2. Veramejchuk U. I swear to Prypyat. Minsk, 1988. –191 p.
3. Girutskij A.A. Belarusian-Russian art bilingualism: typology and history, language processes. Minsk, 1990. – 175 p.
4. Lepeshau I. Y. Linguistic analysis of a literary work. In 2 parts. Part 2. Grodna, 2000. – 122 p.
5. Luzhanin Maksim. Kolas talks about himself. Minsk, 1997. – 462 p.
6. Malazhaj G.M. Modern Belarusian. Periphrase. Minsk, 1980. – 96 p.
7. Mudrova N.V. Poetics of onyma game. Kiev , 2012. – 144 p.
8. Norman B.U. Language: the familiar stranger. Minsk, 1987. – 222 p.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОКАБУЛЯРА БИБЛЕИЗМОВ В РЕКЛАМЕ

Ягуткина Екатерина Сергеевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет / *eyagutkina@list.ru*
Науч. рук. д.филол.н., профессор **Седых А.П.**

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности использования вокабуляра библеизмов в рекламе и их классификация, а также изменение их стилистических функций в зависимости от использования в том или ином виде рекламы.

Ключевые слова: библеизмы, библейская фразеология, реклама

USING VOCABULARY OF BIBLICAL EXPRESSIONS IN ADVERTISING

Ekaterina Yagutkina

graduate student of the Department of German and French
Belgorod State National Research University / *eyagutkina@list.ru*
scientific director Professor **Sedykh A.P.**

Abstract

This article describes the features of using vocabulary of biblical expressions in advertising area, their classification, and stylistic features changes depending on their applying in different forms of advertising.

Keywords: biblical expressions, biblical phraseology, advertising

Термин «библеизм» был впервые представлен в словаре лексических терминов О. С. Ахмановой, в начале двадцатого века. Ахманова определяет его как: «англ. biblical expression. Библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык». [1] Современные словари дают более широкое определение и называя его «фразеологическими сочетаниями и библейскими афоризмами». Также авторы выделяют несколько видов фразеологизмов:

- 1) образованные от библейских имен и географических названий (ирод, иуда, содом и гоморра);
- 2) основанные на каком-либо библейском сюжете (вавилонское столпотворение, избиение младенцев);
- 3) основанные на традициях и быту древних иудеев (фарисей, мытарь, бросить камень, внести лепту);
- 4) взятые из проповедей Иисуса (Блаженны миротворцы; не судите, да и не судимы будите).

Однако в современной науке не существует однозначного взгляда на определение понятия «Библеизм». К примеру, по мнению Русской Православной Церкви библеизмом будет являться любое слово или выражение, взятое из текста Священного Писания, вне зависимости от языка или перевода данного текста. Тем ни менее, некоторые ученые утверждают, что к библеизмам также относятся выражения пришедшие к нам из текстов молитв, а также обозначающие предметы церковного обихода. Е.М. Верещагин под библеизмами понимает «отдельные слова, устойчивые словосочетания, целые выражения и даже фразы, восходящие по своему происхождению к Библии, которые или заимствованы из Библии, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с ней в современном языковом сознании». Он отмечает, что библеизмы обладают

переносным значением, повышенной экспрессивностью, принадлежностью к книжному стилю [3].

Слова-библейзмы первоначально были использованы в библейских контекстах и приобрели образные значения через эти контексты, например, рай (heaven), ад (hell), крест (cross), Голгофа (Golgotha), пророк (prophet), Рождество (Christmas), Воскресение (Resurrection)

Среди библеизмов-слов есть много личных имен: Адам (Adam), Ева (Eve), Каин (Cain), Ной (Noah), Соломон (Solomon), Ирод (Herod), Иуда (Judas) и топонимы (названия мест): Вавилон (Babylon), Иерусалим (Jerusalem), Вифлеем (Bethlehem), Назарет (Nazareth), Иордания (Jordan) и так далее.

Библеизмы-слова имеют способность образовывать свои собственные устойчивые выражения в переносном значении, они по-прежнему могут быть частью библейских фразеологических единиц. Например, рай на земле (A paradise on Earth), потерянный рай (paradise lost), суший ад (sheer hell), взойти на Голгофу (to ascend Golgotha), наряд Адама (Adam's garment), ветхий Адам (the old Adam), проклятье Каина (curse of Cain), Ноев ковчег (Noah's ark), Иуда-предатель (Judas -the traitor), Новый Вавилон (The New Babylon), Иерехонская труба (trumpet of Jericho), Вифлеемская Звезда (star of Bethlehem)

Многие западные компании используют библейские фразеологизмы или просто цитаты из Библии в своих маркетинговых целях. К примеру, большое количество деловых людей в Южной Калифорнии провозглашая свою религиозную позицию, для того чтобы способствовать продвижению малоизвестных брендов на рынке, и попросту используют христианских потребителей. При этом, маркетингологи утверждают, что рекламодатели, обращаясь подобным образом к христианам, пускают в ход простой маркетинговый ход чтобы повысить рейтинг своих услуг среди конкурентов. Некоторые "новоиспеченные" христиане ссылаются на свои религиозные убеждения в названиях компаний. Другие включают отрывки из Священного Писания в объявления. Третьи используют различную христианскую символику на своих продуктах.

Одним из примеров использования такого рода рекламы является сеть закусочных «In-N-Out Burger», основанная Харри Снайдером в 1948 в Южной Калифорнии. С 1980 они стали печатать ссылки на известные библейские цитаты (ставшие афоризмами) на товарных чеках и в незаметных с первого взгляда частях упаковки.

- Надпись на обертке гамбургеров и чизбургеров:

John 3:16—"For God so loved the world that he gave his only begotten Son, that whosoever believeth in him should not perish, but have everlasting life

- Employee paychecks." Надпись на товарном чеке:

Matthew 6:19—"Do not store up for yourselves treasures on earth, where moth and rust destroy, and where thieves break in and steal."

- Надпись на стаканах для молочных коктейлей:

Proverbs 3:5—"Trust in the LORD with all thine heart; and lean not unto thine own understanding."

- Надпись на двухсторонней бумаге:

Nahum 1:7—"The LORD is good, a strong hold in the day of trouble; and he knoweth them that trust in him."

- Надпись на бумажных стаканчиках:

John 14:6 —"Jesus saith unto him, I am the way, the truth, and the life: no man cometh unto the Father, but by Me."

- Надпись на номерном брелке:

1 Corinthians 13:13 — "And now these three remain: faith, hope and love. But the greatest of these is love."

- Надпись на коробке для картошки фри:

Proverbs 24:16—"For though a righteous man falls seven times, he rises again, but the wicked are brought down by calamity."

Но не все библеизмы используются в рекламе для привлечения внимания христиан. В Америке существует множество различных ночных заведений, имеющих в своем названии такие библеизмы как «Sin», «Devil», и «hell». Например, в одном только в Сан-Диего существует как минимум 3 заведения частью названия которых является библеизм «Devil» («Devil's Dozen Donut Shop», «Deville Tattoo», «Deville Events and Productions»). В данном случае использование библеизмов-слов может иметь как прямое библейское значение «Sin Nightclub», так и переносное «Devil's Dozen Donut Shop», где слово «Devil» означает не самого дьявола, а скорее нечто большое, огромное выходящее за рамки человеческого понимания. Название сети магазинов одежды «Adam & Eve» вызывает ассоциацию не с библейскими персонажами, а скорее с мужчиной и женщиной. Практически все библеизмы использованные в рекламе так или иначе предстают перед нами переосмысленными, отличными от библейского контекста.

Также в англоговорящих странах, для лучшего продвижения товара используют различные библеизмы для создания рекламных слоганов. Слоган может существовать изолировано от других рекламных продуктов и представлять собой свернутое содержание рекламной кампании. Как правило, слоган состоит из одного предложения, которое находится в стилистической и семантической зависимости с товарным знаком и отличается от заголовка.

Для создания того или иного рекламного слогана при помощи библеизма, авторы прибегают к помощи аллюзий. Аллюзией называют стилистическую фигуру, содержащую явное указание или намёк на какой-либо литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый как в текстовой культуре, так и в разговорной речи.

В рекламе употребление аллюзий сопряжено с некоторой долей риска, так как, во многом понимание таких предложений будет зависеть от эрудиции рекламной аудитории. В рекламном бизнесе в роли аллюзий выступают самые известные вещи (в данном случае библеизмы). Такое заведение как «Oregano's Pizza Bistro» использует слоган «May the *Forks* be with you». В оригинале это выражение звучит как «May *God* be with you», и используется при обращении к Богу за милостью и защитой. Здесь же этот библеизм приобретает совершенно иное значение. При замене слова «Бог», словом «Вилка», происходит комический эффект, и получается, что человеку не нужен «Бог» для удовлетворения своих духовных потребностей, а нужна «Вилка», для удовлетворения потребностей своего желудка.

Также для рекламы своих тостеров компания «General Electric» разместила следующий слоган: «Man does not live for *toast* alone». Этот слоган преобразован при помощи пословицы «Man does not live for *bread* alone». В данном контексте под «тостом» подразумевается готовый продукт, а под «хлебом» сырьё для их производства. Тосты представляются как полная и улучшенная замена хлебу, при которой сам хлеб как таковой уходит на второй план.

Отличительной особенностью библеизмов является возможность их использования в том или ином контакте. Поскольку к библеизмам относятся не только слова и словосочетания, взятые из Библии, но и крылатые выражения и цитаты самого писания это дает возможность выделить 3 основные группы использования вокабуляра библеизмов в рекламе (библеизмы-слова, библеизмы-фразеологизмы и

цитаты из Библии). Среди библеизмов-слов, используемых в рекламе можно также выделить 3 основные подгруппы:

1) Библеизм используется в своем библейском контексте, например, «Gates of Heaven» в рекламе похоронного бюро в Нью-Йорке.

2) Библеизм частично сохраняет свое первоначальное библейское значение: «Lords of the Fallen» - название игры, где мы видим не единственного библейского Бога, а богов, которые подвели людей и от решения персонажей зависит судьба вымышленного мира. В данном случае слово «lord» также означает «бог», но не имеет ничего общего с Богом, описанным в Библии.

3) Библеизм полностью изменяет свое первоначальное значение – «Ray's Hell Burger» - сеть ресторанов фастфуда в США. В данном случае слово «hell» полностью меняет свою стилистическую окраску с негативной на позитивную, и мы воспринимаем данный библеизм не как что-то ужасное, а наоборот, как прекрасное и в то же время особенное.

Библеизмы-фразеологизмы, используемые в рекламе также можно разделить на 2 подвида: с сохраненной морфологической структурой и изменённой морфологической структурой. Библеизмами с сохраненной морфологической структурой можно назвать фразеологические единицы библейского происхождения, компоненты которых не были изменены или заменены в ходе рекламной трансформации. Библеизм «Be an angel for smb», ставший слоганом компании PETA «Be an angel for animals» не претерпел особых изменений, в отличие от библеизма «May God be with you», используемого в слогане «May Fork be with you», где было изменено самое главное слово «God».

Библеизмы занимают широкий лексический пласт не то только в английском языке, но и практически во всех языках мира, чьи носители были или являются также носителями христианской культуры. Реклама призвана играть на наших чувствах и вызывать различные эмоции, библеизмы как нельзя лучше помогают справиться с этой задачей.

Таким образом, использование различных библеизмов в рекламе так или иначе влечет за собой коммерческий успех и дело не только в популярности данных слов и выражений среди всех слоев населения, но и в достаточной вариативности значений данных слов и выражений. Различные приемы и способы использования библеизмов помогают рекламодателям воззвать к нашим чувствам или вызвать смех. Однако библеизмы являются частью самого Писания, и некорректное их использование может вызвать гнев и отвращение большого количества потенциальных покупателей.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов – М.: Советская энциклопедия, 1966. –608с
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С англ. изд. 1909 г. М., 1988. – 2500 с.
3. Верещагин Е. М. Библейская стихия русского языка. – М.: Русская речь. - 1993. - №1. С. 169–177.
4. Дубровина В.Г. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. – М.: Наука, 2012. – 312 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка /Под ред. Н. Ю. Шевцовой. – М: Рус.яз., 2009. – 921 с.
6. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 2005. – 632 с.

References

1. Akhmanova O. Glossary of linguistic terms. – М.: Sovietskaya encyclopediya, 1966. 608p.
2. The Bible Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament Canonical. – М.: 1988. 2500p.
3. Vereshchagin E. Bible verses Russian language. – М.: Russkaya rech, 177p.
4. Dubrovina V. Biblical idioms in Russian and European culture. – М.: Nauka, 2012. 312 p.
5. Ozhegov S. Russian dictionary. – М.: Russkiy yazyk, 2009. 921 p.
6. Rosenthal D.E. Dictionary of linguistic terms. М.: Prosvyashchenie, 2005. 632p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОМАНСКИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АФФИКСОВ

Янутик Стелла Яновна

старший преподаватель
кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *yanutik@bsu.edu.ru*

Аматов Александр Михайлович

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *amatov@bsu.edu.ru*

Кривчикова Нэля Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *krivchikova@bsu.edu.ru*

Аннотация

В статье представлено семантическое описание романских словообразовательных аффиксов в английском языке с целью определения основных признаков в их толковании для лексикографической репрезентации. Рассматриваются наиболее продуктивные модели в современном английском языке. Основное внимание авторы акцентируют на анализе употребления префиксов и суффиксов, заимствованных из латинского языка, зафиксированных в лексикографических источниках Webster's Revised Unabridged English Dictionary. В статье исследуется префиксация и суффиксация как один из путей создания новых слов в английском языке. Предпринимаются попытки проследить адаптацию заимствованных морфем из романских языков, а также использование полученных данных при изучении иностранного языка.

Ключевые слова: словообразование, аффиксация, префикс, суффикс, морфема, адаптация, заимствования, трансформация.

LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION OF ROMAN DERIVATIONAL AFFIXES

Stella Yanutik

Senior Lecturer
of Department of English Language and Methods of Teaching
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *yanutik@bsu.edu.ru*

Alexander Amatov

Professor of Department of English Language
and Methods of Teaching
Doctor of Philology, Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *amatov@bsu.edu.ru*

Nelya Krivchikova

Associate Professor, Department of German and French Languages
PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *krivchikova@bsu.edu.ru*

Abstract

The authors attempt to give a semantic description of the roman derivational affixes in English to identify the main traits in their interpretation for the lexicographical representation. The most productive models in English are shown in the article. The authors focus on the analysis of the use of prefixes and suffixes, borrowed from Latin, inscribed in Webster's Revised Unabridged English Dictionary. It is attempted to trace the adaptation of the morphemes borrowed from the roman languages and the use of data received in the educational process.

Keywords: word-formation, affixation, prefix, suffix, morpheme, adaptation, borrowings, model of word-formation, transformation.

Введение. Известно, что английский язык на разных этапах развития испытал на себе ошутимое влияние других языков, к числу которых в первую очередь, следует отнести романские языки: латинский и французский. Результаты этого влияния особенно сказались на лексическом фонде английского языка, состоящего, по оценке ряда лингвистов, на 60-70% из заимствованных слов. Такой значительный процент заимствованного материала в лексике современного английского языка позволяет некоторым лингвистам утверждать, что английский язык потерял национальную самобытность. Он представляет собой гибридный язык: частично романский и частично германский. Заимствование становится привычкой англичан.

Основная часть. Цель работы – дать описание префиксальных и суффиксальных образований, представленных в лексикографических источниках, описать деривационные возможности латинских словообразовательных элементов в английском языке, а также классифицировать и определить особенности их функционирования. Источниками материала явились следующие словари *Webster's Revised Unabridged English Dictionary* и *Online Etymology Dictionary [WRUED]*. В соответствии с поставленной целью в работе использовались методы сплошной выборки, контекстуальный, дефиниционный, структурного и морфологического анализа.

Как известно, «в определенный период истории тот язык оказывает наибольшее влияние на другие языки, чья страна на данный момент является экономически и / или в культурном отношении доминирующей, либо где происходят какие-либо исторически значимые события» [Готлан 2013: 6].

Заимствование – это процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (полнозначная морфема). Как правило, заимствования принимаются как средство обозначения новых явлений и выражений, до определенного момента не имеющих аналогов в принимающем языке. Также заимствованные слова могут накладываться на уже имеющиеся лексические единицы, обозначающие те или иные явления. Причиной тому, как правило, является иная семантика, придаваемая слову мотивации. Заимствование аффиксов происходило потому, что «словообразовательные элементы, часто встречающиеся в заимствованных словах, выделялись, осознавались, как аффиксы и приобретали в некоторых случаях большую продуктивность, становясь средством новых слов от английских корней [Иванов 2011: 23].

Суффиксация – словообразовательный процесс достаточно жизнеспособный и продуктивный в современном английском языке. Суффикс, присоединяясь к основе, способен модифицировать её значение и предопределять принадлежность производного слова к тому или иному лексико-грамматическому классу слов. Среди частотных суффиксов латинского происхождения можно выделить следующие:

-**ence** – coincidence – совпадение, preference – предпочтение;

-**ancy** – elegance – изящество, vigilancy – бдительность, independency – независимость, constancy – постоянство, clemency – милосердие;

-**ant** – defiant – открыто неповивающийся, дерзкий; radiant – сияющий, блестящий; clamant – вопиющий, vacant – свободный, вакантный; verdant – зеленеющий;

-**ent** – evident – очевидный; complacent – самодовольный. Этот суффикс встречается в отглагольных существительных французского и латинского

происхождения, обозначающих лицо или деятеля – rodent – грызун; student – студент.

-arian – Unitarian – унитариец, utilitarian – утилитарист, встречается в существительных и прилагательных латинского происхождения со значением (человек) с такими-то взглядами, убеждениями, поведением aauthoritarian – авторитарный, disciplinarian – сторонник строгой дисциплины, latitudinarian – веротерпимый.

-ary –1) встречается у существительных латинского и французского происхождения, обозначающих лицо или предмет, характеризующиеся некоторым свойством или исполняющие некоторую функцию; depositary – лицо, которому вверены вклады; 2) встречается в прилагательных латинского происхождения: ordinary – обычный, secondary – вторичный, plenipotentiary – полномочный, binary – бинарный, military – военный, imaginary – воображаемый;

-ese – образует прилагательные (и существительные) со значением: национальность, язык (от географических названий): Javanese – яванский (язык), яванец; Portuguese – португальский (язык), португалец;

-iana – образует от имён собственных существительные со значением совокупность материалов, картин, книг, связанных с таким-то лицом, местом: Burnsiana – Бернсиана, Pushkiniana – Пушкиниана;

-ible – invincible – непобедимый – встречается в прилагательных разного значения, не связанных с идеей возможности осуществления: defensible – оправданный, horrible – ужасный;

-ion – встречается в абстрактных существительных латинского происхождения: suspicion – подозрение, religion – религия, union – союз;

-ment – punishment – наказание, environment – окружающая среда [Webster's Revised Unabridged English Dictionary 2012].

Как показывает проведённый анализ, словообразовательные элементы латинского происхождения активно участвуют в образовании новых лексических единиц английского языка. Морфемы, функционировавшие ранее отличаются высокой активностью в создании новых общеупотребительных слов. Лексическая многозначность является своеобразной функцией, которая зависит от характера семантики слова.

Существительные, образованные с помощью латинских суффиксов, обычно связывают представление о конкретном объекте, имеющие чёткие пространственные границы. Имя прилагательное подразумевает ряд дескриптивных характеристик, находящиеся на одном уровне значимости. Семантика существительного отличает семантику прилагательного количественным образом, чем качественным.

Все потенциальные производные обладают зарядом экспрессии. Е.Н. Загрекова отмечает, что роль префикса сводится к уточнению и тем самым к дифференциации понятий, обозначаемых производящими терминами [Загрекова 2008].

Множество префиксов латинского происхождения, которые используются в языках для образования производных слов, прочно адаптировались и прижились в английском языке. Следовательно, префиксация является одним из наиболее распространённых способов образования новых слов. В литературном латинском языке префиксы передавали широкий спектр значений, куда входили, помимо

пространственного и временного, оценочное значение, отрицательное, целевое, значения, маркирующие отношения родства, субординации и другие.

В нашем исследовании были использованы следующие префиксы, восходящие к латинским источникам: *super-, in-, ex-, ob-, op-, co-, con-, de-, re-, per-, pro-, bi-, circum-, extra-, inter-, intra-, meta-, multi-, peri-, pre-, semi-, sub-, supra-, ultra-, post-, micro-, trans-, preter-, vice-, mini-, milli-, non-, dis.*

Super – образует слова, указывающие на: 1) расположение над чем-либо – *superimposition* – наложение, *suprarenal* – надпочечный, *superlunary* – надлунный, *superscribe* – делать надпись; 2) превосходство или преобладание в качестве, в размере, степени сверх-; *superfine* –сверхотличный, превосходный; *superlunary* – неземной, небесный, надлунный; *super-sensative* – супер-чувствительный, *super-irritation* – супер -раздражение; 3) положение над чем-либо: *superstructure* – надстройка, подоходный налог, налог на сверхприбыль 4) указывает на чрезмерное действие или проявление признака *superheat* – перегрев, *supersubtle* –слишком утонченный; 5) указывает на высшее качество: *super-film* –супербоевик, *superhighway* – автострада высшего класса. Префикс *super-* придаёт слову значение чрезмерности и превышения нормы того, что обозначено основой.

in – со значением нахождение внутри чего-либо, движения, введения внутрь чего-либо: *inflammе* – воспаляться, *inclusion* – вкрапление.

ex – со значением из вне; указывает на изъятие, выход, а также движение изнутри или наружу: *exterritorial* – экстерриториальный; *ex-president* – экс-президент;

ob – со значением перед, против: *obverse* – лицевая сторона, лицевой; *obviate* – устранять, устранить; *obsolete* – устаревшие, *opponent* – противник, оппонент, соперник, оппозиционер; *obstacle* – препятствие, преграда, препона, трудность, помеха, барьер;

op – встречное или враждебное действие : *oppose* – противостоять, сопротивляться, противиться, противопоставить; *oppress* – угнетать,

co – означает общность действий, совместность действий, взаимность: *coeducation* – совместное обучение, *coordinate* – координировать;

con – со значением совместности, соединения: *condominium* –кондоминиум;

de – со значением производить действие, обратное тому, которое обозначено производной основой, лишение: *devitalize* – лишать жизненной силы; *defrock* – расстричь;

re – со значением обратно: *recover* – обретать снова, возвращать себе, получать обратно; *recollect* – снова собирать, *reform* – заново формировать; *reimport* – ввозить обратно;

per – со значением через, в течение, в продолжение: *periodate* –перйодат, *peracid* – перкислота;

bi - со значением двойное дважды (в основном образует прилагательные и существительные): *bimanual* – пользующийся двумя руками, *bilateral* – двусторонний, *bicolored* – двухцветные, *bipolar* – биполярный;

circum – со значением не прямо, в обход: *circumvent* – обмануть, обойти; *circum-arctic* – циркумполярный, арктический; *circumglobal* – околосредней;

extra – со значением вне-, особо, сверх, экстра: *extra-natural* – сверхестественный, *extraordinary* – чрезвычайный ;

inter – со значением меж-, между, среди, внутри: *inter-active* – интерактивный; *interjacent* – промежуточный;

intra – со значением внутри: intracapsular – внутрикапсульный; intraocular – внутриглазной;

meta – обозначающее положение рядом или переход в другое качество, характеризует перемену состояния, превращение, промежуточность этапа (метаморфоз, метафаза), равенство или сходство каких-либо частей целого (метацентрическая хромосома, метамерия): metamorphosis – трансформация, метаморфоза, видоизменение; meta-anthracite – графит, meta-infective – метаинфекционный, metaphrase – метафраза, metaphysician – метафизик;

multi – со значением много: multiflorous – многоцветный, многоцветковый; multinuclear – многоядерный, полициклический;

peri – со значением около, вокруг: peripheral – периферийный; periscope – перископ;

pre – со значением перед, до, предварительное предшествование во времени: prehistoric – доисторический; pre-recorded – записанный заранее;

semi – со значением половинный, частичный: semidry – полусухое; semi-official – полуофициальный, semiannual – полугодовой;

sub – указывает на положение ниже чего-либо, или под чем-либо: submarine – подводная лодка, subangular – полуугловатый, subchronic – подострый;

supra – со значением расположение над чем-либо: supralunary – сверхлунный; superscribe – делать надпись сверху, suprarenal – надпочечник;

ultra – со значением крайний, сверх, ультра, сверхмодный: ultrafashionable – ультрамодная; ultraconservative – ультраконсервативный;

post – со значением по, после: postwar – послевоенный, post-Adamic – постадамическая, post-glacial – послеледниковое;

micro – со значением микро, маленький, необыкновенно маленького размера: micro-volt – микровольтный, micro-wave – микро-волна, micro-biology – микро-биология;

trans – со значением по ту сторону, указывает на изменение формы за, через: transplant – пересадка, трансплантация; transshape – преобразовать; trans-African – трансафриканский, transatlantic – трансатлантический;

preter – со значением сверх, за пределами чего-либо: preterhuman – сверхчеловеческий;

vice – со значением вице- в сложных словах имеет значение заместитель, помощник vice-president – вице-президент, vice-consul – вице-консул, vice-manager – вице-менеджер, vice-admiral – вице-адмирал;

mini – со значением малого размера, миниатюрное: miniprocessor – мипроцессор, minidisk – минидиск, minicomputer – мини-компьютер;

milli – придаёт значение тысячной доли какой-либо единицы измерения при основах заимствованных существительных, обозначающих соответствующие единицы: millimeter – миллиметр, milliwatt – милливатт; millimetre – миллиметр;

non – образует прилагательные и существительные со значением отрицания того, что выражено исходной основой: non-aggression – ненападение; non-belligerent – невоюющий; non-combatant – нестроевой; означает отрицание или отсутствие; non-ability – неспособность, non-alcoholic – безалкогольный, non-concur – не утверждать; образует прилагательные и существительные со значением отрицания того, что.

dis – придает слову отрицательное значение не-, дез-, бес(з)-: disobedient – непослушный, disorder – беспорядок, dishonest – бесчестный, to disorganize – дезорганизовывать [Webster's Revised Unabridged English Dictionary 2012].

Латинские приставки имеют немалый словообразовательный потенциал, служат новой базой для создания производных слов по определённым моделям языка.

Влияние латинского языка на становление и развитие словарного состава английского языка неоспоримо. Латынь является международным языком науки, техники, медицины, биологии, фармакологии.

Заключение. В нашей статье был рассмотрен вопрос о лексикографической представленности романских словообразовательных элементов в современном английском языке. Пересечение романской и германской языковых сред обосновано функциональной значимостью латинского языка, что требует специального рассмотрения рефлексии романских элементов (в частности латинских) в современном английском языке, зафиксированных в лексикографических источниках Webster's Revised Unabridged English Dictionary и Online Etymology Dictionary. Были рассмотрены способы репрезентации романских аффиксов в современной лексикографической практике, исследованы и описаны деривационные возможности наиболее употребительных латинских словообразовательных элементов в английском языке, а также классифицированы и определены особенности их функционирования. Таким образом, в нашем исследовании были сделаны следующие выводы: в результате языковых контактов и расширения под влиянием других языков, наиболее продуктивные заимствованные аффиксы представляют определённую экономию языковых усилий при порождении речи, так как для заполнения используются готовые единицы иностранного языка.

Подводя итог проведённому исследованию следует отметить продуктивность как префиксального, так и суффиксального словообразования на материале описанных источников.

Литература

1. Готлан Ю.А. Французские заимствования в немецкий язык со значением «чистый» // Язык и культура. 2013. № 4 (24). С. 5–13.
2. Загрекова Е.Н. Истоки и развитие медицинской терминологии: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2008. 197 с.
3. Иванов А.В. К проблеме статуса греко-латинских основ в морфологической структуре общеязыковых единиц и единиц специальной номинации // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. С. 193-198.
4. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] URL: <http://etymoline.com/> / (дата обращения 28.03.2016).
5. Webster's Revised Unabridged English Dictionary. Пересмотренный полный словарь английского языка. Webster. 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://slovar-vocab.com/english/websters-revised-dictionary/universal-8238465.html> (дата обращения 28.03.2016).

References

1. Gotland Y.A. French Borrowings in German Meaning "Pure" // Language and Culture 2013. № 4 (24). Pp. 5-13
2. Zagrekov E.N. The Origins and Development of Medical Terminology: dis. ... kand.filol.nauk. - Saratov, 2008. 197 p.
3. Ivanov A.V. On the Problem of the Status of the Greek Foundations in Latin Morphological Structure of General Language Units and Units of the Special Category // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevskiy. - Nizhny Novgorod, 2011. - Pp.193-198.
4. Online Etymology Dictionary [Electronic Resource]. URL: <http://etymoline.com/> / (date of access March 28, 2016).
5. Webster's Revised Unabridged English Dictionary. Revised full Webster Dictionary of the English Language. 2012 [Electronic resource].URL: <http://slovar-vocab.com/english/websters-revised-dictionary/universal-8238465.html> (date of access March 28, 2016).

Раздел 2. Текст, дискурс, коммуникация: категории описания

УДК 811.112.2

МЕТАРЕПРЕЗЕНТАЦИОННЫЕ ПРЕДИКАТЫ С ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале научного текста)

Балабаева Юлия Евгеньевна

ассистент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / balabaeva@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию категории эвиденциальности в современном немецком языке, а также анализу метареферентных предикатов с эвиденциальной семантикой в составе сложноподчиненных предложений с придаточным объектным, с разграничением прямой/ автореферентной и косвенной/косвеннореферентной эвиденциальности на материале научного текста.

Ключевые слова: эвиденциальность, прямая/автореферентная эвиденциальность, косвенная/косвеннореферентная эвиденциальность, метареферентные конструкции, метареферентные предикаты.

METAREPRESENTATIVE PREDICATES WITH EVIDENTIAL SEMANTIC IN THE PRESENT DAY GERMAN (in scientific literature)

Julia Balabaeva

Assistant Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / balabaeva@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the examination of category of evidentiality as well as to the analysis of the metarepresentative predicates with evidential semantic in complex sentences with complex object with dividing of direct and indirect evidentiality on the material in the German scientific literature.

Key words: evidentiality, direct/authors referentially and indirect/indirect referentially evidentiality, metarepresentative constructions, metarepresentative predicates, scientific literature.

На протяжении долгого времени категория эвиденциальности не привлекала к себе особого внимания лингвистов несмотря на то, что семантическая сфера эвиденциальности, которая связана с разновидностями источников информации в пропозиции, обсуждалась в лингвистике задолго до того как данный термин стал общеупотребительным.

Проблема категории эвиденциальности рассматривается в зарубежной лингвистике с середины 20 века и впервые была трактована зарубежным ученым Р.О. Якобсоном, согласно которому, термином «засвидетельствованность» необходимо называть глагольную категорию, учитывающую три факта: сообщаемый факт, факт сообщения и передаваемость факта сообщения, т.е. указание на источник сведений о сообщаемом факте [4: 101]. Данный подход позволил рассмотреть в изучаемых явлениях не только предикаты и объекты, но и членить конструкцию с точки зрения передачи информации и выделить факт сообщения, сообщаемый факт и способ получения информации.

В изучении категории эвиденциальности можно выделить два направления. Первое основано на том, что изучаются главным образом те или иные языковые средства, которые указывают на косвенный характер информации [4: 101]. В этом случае происходит либо передача чужой информации, либо, если хозяином является сам говорящий, фиксируется ненадежность канала информации (вывод, сны, догадка и подобные). Это обусловлено тем, что именно косвенный характер информации маркируется специальными грамматическими показателями в ряде языков.

Второе направление изучения категории эвиденциальности предложено Н.А. Козинцевой, которая рассматривает ее как функционально-семантическое поле. Она впервые описывает его на материале русского языка и характеризует эвиденциальность как понятийную категорию, базирующуюся на основной оппозиции прямой и косвенной засвидетельствованности (а не только косвенной, как в первом случае), определяя следующие дифференциальные признаки для характеристики значений поля эвиденциальности: «хозяин» исходной информации, способ ее получения (собственные наблюдения, сообщение другого лица, сны, догадки, логические умозаключения), а также полнота информации об описываемом положении дел [3: 93].

Рассматривая категорию эвиденциальность в виде поля, Н.А. Козинцева выделяет сферы пересказывательности, инференциальности и адмиративности, характеризуя состав языковых средств этих полей (средства выражения чужой речи, модальные частицы мол, дескать, де, якобы; конструкции с вводными словами; связочные конструкции с квазипассивным глаголом (считается, называется, представляется) и др.) [3: 93].

Предметом данной работы является анализ метареферентивных предикатов как средства выражения категории эвиденциальности в рамках сложноподчиненного предложения (СПП) с придаточными объектными в современном немецком языке на материале научного текста.

В современных индоевропейских языках широкое распространение получила репродуктивная эвиденциальная модель, представляющая собой СПП с главным предложением, выполняющим функцию эвиденциальной рамки и репрезентирующим носителя информации и «каналы» её обретения посредством глаголов или существительных чувственного восприятия (*hören, sehen*) или речемыслительной деятельности (*sagen, betonen, mitteilen, hervorheben, unterstreichen; Meinung, Mitteilung, Vorstellung, Ansicht*), вводящих придаточное предложение реферируемой информации посредством союза (*dass, that, что*).

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода данные СПП рассматриваются как метареферентивные конструкции с устойчивой грамматической структурой, призванные выразить вербально ментальные репрезентации, возникающие в сознании говорящего/пишущего при отражении некоторых событий, находящихся в поле его зрения [1: 34; 2: 278-279]. Под метареферентивностью понимается когнитивно-вербальный процесс представления одной денотативной ситуации (придаточное предложение = мысль авторизатора) сквозь призму другой денотативной ситуации (главное предложение = передача слов говорящим/пишущим). Основным значением данных лингвистических метареферентивных конструкций является значение эвиденциальности, т.е. сообщение «авторизованной» информации, которая может и не иметь модальной оценки со стороны говорящего. Эвиденциальная семантика данных метареферентивных

конструкций непосредственно зависит от семантики метареферентного предиката, который так же может иметь модальное и оценочное значение [2: 278-279], при этом эвиденциальность может быть как прямой/автореферентной, так и косвенной/косвеннореферентной.

Согласно нашим наблюдениям в современном немецком научном тексте наиболее часто встречаются следующие метареферентные предикаты с эвиденциальной семантикой:

1. глаголы речи/сообщения (*sagen, sprechen, erzählen, berichten, konstatieren, diskutieren, formulieren, eröffnen, mitteilen, andeute, hinweisen* и т.д.): *In diesem Zusammenhang sagte Kriton/Svarez, dass eine uneingeschränkte Monarchie nicht immer in diesem Zustand beharren müsse* [7: 159]; /Речь идёт о проведённых структурных анализах грудных тканей у женщин/ *Damit liefern diese Identifizierung und Charakterisierung von PhIP- und anderen HAA-DAN-Addukten – neben den epidemiologischen Indizien – Hinweise auf die Induktion von DAN-Schäden durch HAA in humanen Brustgewebe. Und weisen darauf hin, dass die bei der humanen Ernährungsgewohnheit entstehenden HAA DAN-Addukte in der humanen Brust induzieren können* [12: 91]; *Ich habe Ihnen eingangs gesagt, dass ich hinter der Idee von einer Verfassung eher eine Arglist vermute,...* [14: 8].

2. глаголы аргументации/доказательства (*zeigen, betrachten, erklären, aufstellen, begründen, unterstreichen, betonen, nachweisen, feststellen, unterscheiden* и т.д.): *Ellis (1997) erklärt in einem Modell, dass explizites L2-Wissen den Erwerb impliziten Wissens ermöglichen kann* [10: 396]; *Hayatsu wiesen nach, dass HAA und PAK durch Tetrapyrrolverbindungen inaktiviert werden und zu einer Reduktion der Genotoxizität dieser Substanzen führen* [13: 104]. *In meiner Diplomarbeit habe ich diesem Weg bestritten und festgestellt, dass eine 10-Punkt Gauß-Integration für die Berechnung des Kraftfeldes der in dieser Arbeit verwendeten BPA-PC-Parametrisierung ausreicht* [15: 20].

3. глаголы ментальной сферы (*meinen, glauben, denken, behaupten, halten für, finden, annehmen, gestehen* и т.д.) *Zwei der Studierenden meinten, dass der Linguistik- und der Sprachunterricht sich gegenseitig ergänzt* [7: 395]; *Skeptiker halten die ganze Wissenschaft vom künstlichen Treibhauseffekt freilich für Hokuspokus, zumal wenn diese Wissenschaft mit konstruierten Weltmodellen und Wahrscheinlichkeitskorridoren arbeiten. Sie glauben, dass immer noch die Natur und nicht der Mensch das Klima bestimmt* [17: 13]; /Автор излагает концепцию Т. Пайнео о конституционной политике в Северной Америке/ *Diese Vorteile malte Paine lebhaft aus und behauptete, dass die Republiken in Europa alle und immer in Frieden lebten, während monarchische Regierungen aus strukturellen Gründen nicht zur Ruhe kommen könnten* [7: 170]; *Der Amerikaner Edward O. Wilson, ein moderner Apostel der Artenvielfalt, ist überzeugt davon, dass in den Millionen von Arten dieser Erde noch wahre Schätze an hilfreichen Stoffen schlummern, die sie in einem Jahrhundertmillionen Jahre langen Wettrüsten gegen Feinde und Krankheiten erworben haben* [17: 18]; *Ich denke nicht, dass solche Berichte in irgendeiner Weise zu einer „besseren Welt“ beitragen,...* [8: 14]; *Und schließlich glaube ich auch, dass wir einen relativ systematischen Grammatikunterricht auch in der Schule brauchen...* [7:4]; *Wir glauben aber auch, dass trotz der vielen Differenzen im einzelnen sich im Grossen einigermassen zutreffend die Beziehung zwischen den vorgestellten Teildisziplin und Teiltheorien und damit die Grundstruktur der heutigen Sprachwissenschaft aufzeigen lässt* [13: 7]; ... *wir benutzen also andere Zeichen und behaupten damit, dass def und abc etwa dasselbe bedeuten* [13: 155]. Auf

die im deutschen Sprachraum kontrovers diskutierte Frage, ob auch das Studium des Deutschen als Fremdsprache (...) zur Germanistik zu rechnen ist, wollen wir hier nicht eingehen, sondern **wir gehen einfach davon aus**, dass das DaF-Studium im deutschen Sprachraum ein germanistisches Studium ist [8: 7]. **Wir nehmen an**, dass diese Veränderung zu Defizit führt, der sich im Bereich sportlicher Aktivität, zum Beispiel durch eine Verminderung der Schnellkraft, zeigt [6: 5].

В нашем материале были зафиксированы также случаи употребления конструкций с выше перечисленными глаголами в эвиденциальной рамке в форме процессуального или безличного пассива: *werden/sein + Partizip II* (личные и безличные конструкции). При этом источник информации чаще всего не упоминается, однако – в случае необходимости – источник информации репрезентируется посредством предложно-падежных сочетаний (*von+D, bei+D, durch+A* и др.): *Bei der Herleitung wird davon ausgegangen*, dass die einzelnen Kettenmonomere unkorreliert sind, so dass sie in der Schmelze des Verhalten eines RW zeigen und deshalb ihre Konturlänge mit N^2 anwächst [15: 8]. /Речь идёт о влиянии гидрокситолуола и гидроксисилола на организм человека/ *Daher wird angenommen*, dass die Induktion von Tumoren in Nagern auf entzündliche und nicht auf genotoxische Wirkungen beruht [12: 14]. *In Bezug auf die zweite Erklärung wurde argumentiert*, dass Indikatoren der Komplexität der behandelten Fälle und der Qualität in die Schätzgleichung integriert wurden [16: 127]; *S. ist davon überzeugt*, dass er mit Konzentration und Übung in Schule und Berufswelt alles **schaffen könne** [9: 63]. *Auch wenn unterschiedliche Positionen zu der Frage vertreten werden, ob es sich dabei um einen eigenständigen Status oder um einen Bestandteil des status negativus handelt, ist anerkannt*, dass die Verfahrensrechte der Vorverlagerung des Grundrechtsschutzes dienen [11: 35]. *Damit ist gemeint*, dass die Begriffe im ganzen Lehrwerk einheitlich gebraucht werden... [10: 545].

Как видим, в приведенных примерах метареферентные предикаты с косвеннореферентной эвиденциальностью являются нейтральными, т.е. несут в себе только эвиденциальное значение. Метареферентные предикаты с автореферентным эвиденциальным значением нередко сочетаются с оценкой или неуверенностью говорящего/пишущего в той или иной точки зрения.

В заключении необходимо отметить, что несмотря на то, что некоторые исследователи считают рассмотренные нами глаголы, собственно лексическими средствами выражения категории эвиденциальности, мы придерживаемся мнения, что ни главное, ни придаточное предложение не являются семантически достаточными сами по себе (... *dass er morgen komme; er sagte, dass...*). Данные иллюстративные материалы еще раз подтверждают тот факт, что СППО следует считать метареферентными конструкциями с устойчивой грамматической структурой, в которых семантика предиката главного предложения (метареферентного предиката) указывает на то, что в придаточном предложении констатируется факт, вводимый через призму говорящего/пишущего. За счет семантики метареферентного предиката главного предложения, подчеркивается косвенность всего высказывания, и его эвиденциальное значение.

Литература

1. Гуревич Л.С. Метакоммуникативные предикаты через призму коммуникативного пространства коммуниканта // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008, №2. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина. – С. 32-38

2. Клепикова Т.А. О доверии к сказанному, или эвиденциальная семантика метареферентивных предикатов Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей, посвященный юбилею гуманитарного факультета. Выпуск 4. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – С. 274 – 288.
3. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994, №3. – М.: Наука. – С. 94 – 104.
4. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
5. Abromeit T. Von der Grünen Liste zur Grünen Partei? Anmerkungen zu einer Dissertationsschrift von Anna Hallensleben. – 2007 http://www.tristan-abromeit.de/pdf/510_DISSERTATION_GRUENDUNGS.PDF. – 12 S.
6. Böhm D. Isokinetisches Muskeltraining in der postoperativen Frühphase nach arthroskopisch assistierter Kreuzband-Plastik: Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Medizin / die Medizinische Fakultät der Universität des Saarlandes. – Homburg/Saar, 2005. – 57 S.
7. Gallus A., Jesse E. Staatsformen von der Antike bis zur Gegenwart. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. – 415 S.
8. Deutsch als Fremdsprache. 2006 №1. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
9. Deutsch als Fremdsprache. 2007, №3. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
10. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.R. Studienbuch Linguistik. Ergänzt um ein Kapitel „Phonetik/Phonologie“ von Willi U. 5., erweiterte Auflage. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2004. – 544 S.
11. Weder D.J. Umwelt Bedrohung und Bewahrung. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2003. – 144 S.

References

1. Gurevich L.S. Metacomunications predicates in the light of communicative space of the communicant // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2008, №2. – Tambov: TSU im. G.R. Derzhavina. – p. 32-38.
2. Klepikova T.A. Typologie of the linguistics metarepresentations // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2008, №3. – Tambov: TSU im. G.R. Derzhavina. – p. 5-16.
3. Kozintseva N.A. The category of evidentially (a problem of typological analysis) // Voprosy jazykoznanija. 1994, №3. – М.: Nauka. – p. 94 – 104.
4. Jakobson R.O. Shifters, Verbal categories and The Russians verb // Prinzipy tipologicheskogo analiza jazykovogo stroja. – М.: Nauka, 1972. – p. 95-113.
5. Abromeit T. Von der Grünen Liste zur Grünen Partei? Anmerkungen zu einer Dissertationsschrift von Anna Hallensleben. – 2007 http://www.tristan-abromeit.de/pdf/510_DISSERTATION_GRUENDUNGS.PDF. – 12 S.
6. Böhm D. Isokinetisches Muskeltraining in der postoperativen Frühphase nach arthroskopisch assistierter Kreuzband-Plastik: Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Medizin / die Medizinische Fakultät der Universität des Saarlandes. – Homburg/Saar, 2005. – 57 S.
7. Gallus A., Jesse E. Staatsformen von der Antike bis zur Gegenwart. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. – 415 S.
8. Deutsch als Fremdsprache. 2006 №1. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
9. Deutsch als Fremdsprache. 2007, №3. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
10. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.R. Studienbuch Linguistik. Ergänzt um ein Kapitel „Phonetik/Phonologie“ von Willi U. 5., erweiterte Auflage. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2004. – 544 S.
11. Weder D.J. Umwelt Bedrohung und Bewahrung. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2003. – 144 S.

УДК 811.112.2 '373.611

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПРОЦЕССЕ ИНФЕРЕНЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Воронина Лариса Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / voronina@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье анализируются механизмы инференции производного слова в дискурсе. Производное слово рассматривается как динамическая смысловая структура, представляющая собой конструктор с определенным семантическим потенциалом. Отмечается, что к факторам понимания языковых единиц относятся знания генерирующего характера: моделей порождения смысла и когнитивных механизмов;

2. Клепикова Т.А. О доверии к сказанному, или эвиденциальная семантика метареферентивных предикатов Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей, посвященный юбилею гуманитарного факультета. Выпуск 4. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – С. 274 – 288.
3. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994, №3. – М.: Наука. – С. 94 – 104.
4. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
5. Abromeit T. Von der Grünen Liste zur Grünen Partei? Anmerkungen zu einer Dissertationsschrift von Anna Hallensleben. – 2007 http://www.tristan-abromeit.de/pdf/510_DISSERTATION_GRUENDUNGS.PDF. – 12 S.
6. Böhm D. Isokinetisches Muskeltraining in der postoperativen Frühphase nach arthroskopisch assistierter Kreuzband-Plastik: Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Medizin / die Medizinische Fakultät der Universität des Saarlandes. – Homburg/Saar, 2005. – 57 S.
7. Gallus A., Jesse E. Staatsformen von der Antike bis zur Gegenwart. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. – 415 S.
8. Deutsch als Fremdsprache. 2006 №1. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
9. Deutsch als Fremdsprache. 2007, №3. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
10. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.R. Studienbuch Linguistik. Ergänzt um ein Kapitel „Phonetik/Phonologie“ von Willi U. 5., erweiterte Auflage. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2004. – 544 S.
11. Weder D.J. Umwelt Bedrohung und Bewahrung. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2003. – 144 S.

References

1. Gurevich L.S. Metacomunications predicates in the light of communicative space of the communicant // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2008, №2. – Tambov: TSU im. G.R. Derzhavina. – p. 32-38.
2. Klepikova T.A. Typologie of the linguistics metarepresentations // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2008, №3. – Tambov: TSU im. G.R. Derzhavina. – p. 5-16.
3. Kozintseva N.A. The category of evidentially (a problem of typological analysis) // Voprosy jazykoznanija. 1994, №3. – М.: Nauka. – p. 94 – 104.
4. Jakobson R.O. Shifters, Verbal categories and The Russians verb // Prinzipy tipologicheskogo analiza jazykovogo stroja. – М.: Nauka, 1972. – p. 95-113.
5. Abromeit T. Von der Grünen Liste zur Grünen Partei? Anmerkungen zu einer Dissertationsschrift von Anna Hallensleben. – 2007 http://www.tristan-abromeit.de/pdf/510_DISSERTATION_GRUENDUNGS.PDF. – 12 S.
6. Böhm D. Isokinetisches Muskeltraining in der postoperativen Frühphase nach arthroskopisch assistierter Kreuzband-Plastik: Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Medizin / die Medizinische Fakultät der Universität des Saarlandes. – Homburg/Saar, 2005. – 57 S.
7. Gallus A., Jesse E. Staatsformen von der Antike bis zur Gegenwart. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. – 415 S.
8. Deutsch als Fremdsprache. 2006 №1. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
9. Deutsch als Fremdsprache. 2007, №3. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
10. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.R. Studienbuch Linguistik. Ergänzt um ein Kapitel „Phonetik/Phonologie“ von Willi U. 5., erweiterte Auflage. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2004. – 544 S.
11. Weder D.J. Umwelt Bedrohung und Bewahrung. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2003. – 144 S.

УДК 811.112.2 '373.611

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПРОЦЕССЕ ИНФЕРЕНЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Воронина Лариса Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / voronina@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье анализируются механизмы инференции производного слова в дискурсе. Производное слово рассматривается как динамическая смысловая структура, представляющая собой конструктор с определенным семантическим потенциалом. Отмечается, что к факторам понимания языковых единиц относятся знания генерирующего характера: моделей порождения смысла и когнитивных механизмов;

знания смысловых структур, объективируемых словообразовательными компонентами, система представлений о мире и др. Акцент в статье сделан на том, что языковые и неязыковые знания могут характеризоваться национально-культурным своеобразием. Национально-культурная специфика может обнаруживать себя как в выборе моделей порождения смысла производного, так и в смысловых нюансах формируемой структуры смысла. Знание национально-культурной специфики порождения слов, а также культурной самобытности элементов кодируемого смысла является опорой в процессе инферентного вывода, которая может способствовать адекватному извлечению смысла производной единицы.

Ключевые слова: производное, инференция, дискурс, знание, национально-культурная специфика.

A ROLE OF CULTURAL IDENTITY IN THE PROCESS OF DERIVATIVES INFERENCE IN GERMAN LANGUAGE

Larisa Voronina

Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / voronina@bsu.edu.ru

Abstract

The article gives the analysis of the derivative inferential mechanisms in the discourse. A derived word is regarded as a dynamic semantic structure, representing the construct with a certain semantic potential. It's noted that language comprehension factors include knowledge of generative character: sense generation models and cognitive mechanisms; knowledge of sense structures objectified by word building components, system of world vision etc. The focus of the article is made on the fact that the linguistic and non-linguistic knowledge can be characterized by cultural identity. Cultural identity can manifest itself in the choice of models generating the derivative sense, and in the semantic nuances of sense formed structure. Knowledge of cultural identity of words generation, as well as cultural identity of encoded sense elements is a base in the process of inferent conclusion, which can contribute to an adequate extraction of derived unit sense.

Key words: derivative, inference, discourse, knowledge, cultural identity.

В настоящее время невозможно найти этнические общности, которые не испытали бы на себе воздействие как со стороны культур отдельных народов, так и глобализационных процессов мирового сообщества в целом. Взаимообогащение и взаимопроникновение культур и языков делает особенно актуальным вопрос о том, какую роль в процессе межкультурной коммуникации играют универсальное и культурно самобытное. В аспекте поставленной нами проблемы важным является вопрос о том, в какой степени культурные различия, культурное своеобразие предопределяют процесс порождения и восприятия продуктов словопроизводства.

На старый спор о взаимосвязи языка и мышления современная наука не дает однозначного ответа. Дискуссия о том, оказывает ли система языка влияние на мышление и восприятие действительности или же, напротив, когнитивные процессы универсальны, врожденны и лишь манифестируются в языке, предопределяя развитие языковой системы, вызывает жаркие дебаты в научном мире.

Несмотря на появление уточненных эмпирических данных, новых экспериментальных психолингвистических методик, нередко констатируется диаметрально противоположное.

Так, обобщая сущность полемики двух различных подходов, Х. Хэртл констатирует: „Vertreter der Relativitätshypothese lehnen angeborene Universalien und kognitive Modularität meist ab, hier wird traditionell der Einfluß sozio-kultureller Größen beim Sprach- und Konzepterwerb betont. Die Logik dieser Argumentation stützt sich vielfach auf die überwältigende sprachliche und kulturelle Vielfalt der Menschen, die nahelege, dass sprachliche Strukturen nicht universell sein können. Vielmehr sei es der Fall, dass das Kind ausgerüstet sei, linguistische Varianz zu erwarten, s. Levinson

(2003). Und wenn sprachliche, d.h. grammatische und semantische Strukturen nicht universell sind, dann könnten wiederum – in Übereinstimmung mit der Relativitätshypothese – auch die zu Grunde liegenden konzeptuellen Strukturen, sprich die Strukturen des Denkens, nicht universell sein.

Ein umgekehrtes Bild ergibt sich aus nativistischer Perspektive. Da hier die Konzeptionen auf kognitiven Universalien fußen und Sprachen in ihrem Wesen demnach gar nicht verschieden sind, könnten also – auf atomarer Ebene – auch die Strukturen des Denkens nicht kulturell verschieden sein. Daneben werden den traditionellen Annahmen zufolge Sprache und Sprachfähigkeit meist als eigenständige Apparate, d.h. Module der Kognition angesehen, was seinerseits als unvereinbar mit der engen Zusammenarbeit zwischen Sprache und Denken aus relativistischer Sichtweise interpretiert wird (vgl. hinzu die Überlegungen in *Gethin* (1999)“ [3, С. 52].

При всей дискусионности вопроса бесспорным остается тот факт, что носитель языка воспринимает концепты другой культуры через призму национально специфической картины мира. Культурное своеобразие в мироощущении и восприятии действительности находит отражение в языке.

Й.Л. Вайсгербер в своей работе «Родной язык и формирование духа» справедливо задается вопросом: «*В какой мере своеобразие какого-либо народа создается его языком?* Если мы видим, рассматривая все исторически, в какой тесной взаимосвязи находится народ с его языком, как судьбы и своеобразие народа обуславливают характер (das Gepräge) языка, то в ходе исследования современных отношений между живым языком и носящим его сообществом должно прежде всего бросаться в глаза то, что общий язык передает всем членам языкового сообщества единообразное миропонимание. Мы приводили определение языка как памяти народа: а ведь память сохраняет не только прежние впечатления, она является основой дальнейшей работы» [1, С. 130].

По меткому замечанию М. Кукенбурга, язык обостряет, систематизирует и структурирует наше мышление, он помогает определить категорию многочисленных объектов мира, в котором мы живем. Ср.: „Die Sprache schärft, systematisiert und strukturiert unser Denken, sie hilft uns, die vielfältigen Erscheinungen der Welt, in der wir leben, sinnvoll zu gliedern und zu ordnen, indem wir uns von den einzelnen Dingen 'einen Begriff machen'“ [4, С. 40].

Обращаясь к проблеме универсального и культурно вариативного и их взаимосвязи в языке на примере метафоры Heuschrecke in der „Kapitalismus-Debatte“ (метафора САРАНЧА в дискуссии о капитализме, инципированной 19 апреля 2005 г. руководителем партии СДПГ Ф. Мюнтеферингом), А. Цим в работе „Universale Prägung und kulturelle Varianz“ приходит к заключению о том, что универсальный характер обнаруживают концептуальные структуры высокой степени абстракции, так называемые «Bildschemata», которые устанавливают когерентность между концептами, и собственно когнитивная способность человека, связывать языковые значения и интегрировать их. Все остальные элементы значения демонстрируют культурную вариативность: „Zusammenfassend bleibt festzuhalten, dass die universale Prägung sprachlicher Bedeutungen zum einen abstrakte konzeptuelle Strukturen betreffen, nämlich Bildschemata, die zwischen Konzepten Kohärenz stiften. Zum anderen hat ebenso die kognitive Fähigkeit, sprachliche Bedeutungen zueinander in Beziehung zu setzen und ineinander zu integrieren einen universalen Charakter. Konzeptuelle Integrationen stellen eine besonders komplexe und anspruchsvolle Ausprägungsform der menschlichen Kategorisierungskompetenz dar“ [5, С. 193].

Такого рода структуры обнаруживают лишь потому универсальный характер, что являются в высшей степени абстрактными и, видимо, онтогенетически формируются на исключительно раннем этапе. Ср.: „Einen universalen Charakter weisen diese Bildschemata deswegen auf, weil sie so abstrakt sind, dass sie sich zwar abhängig von Erfahrungen herausbilden, dennoch aber nicht je nach individueller Lebenswelt variieren, in der erlernt und benutzt wird. Es liegt empirische Evidenz dafür vor, dass sich Bildschemata ontogenetisch sehr früh herausbilden und neurophysiologisch verankert sind“ [5, С. 191].

При этом, А. Цим подчеркивает важную мысль о том, что все культурно вариативное динамично по своей сути, хотя и обнаруживает различную степень динамики: „Konventionelle Bedeutungsaspekte sind zumindest innerhalb einer bestimmten Sprachgemeinschaft und zu einem bestimmten Zeitpunkt stabiler als ko- und kontextuelle Bedeutungsaspekte, da sich letztere als ebenso flüchtig erweisen wie der Kommunikationszusammenhang, in dem sie auftreten. Universal geprägt, d.h. zeit- und sprach(gemeinschafts)übergreifend gültig, sind jedenfalls weder konventionelle, noch ko-/kontextuelle Bedeutungsaspekte“ [5, С. 190].

При этом, несмотря на существование континуума между универсальным и культурновариативным языковых значений, универсальное не может быть противопоставлено культурно вариативному, поскольку универсальные образные схемы максимальной степени абстракции являются только исходным пунктом процесса концептуализации, который предполагает обработку культурным знанием: „Abstrahiert man von den einzelnen präsentierten Beispielen, so lautet die zentrale These, dass abhängig vom Verfestigungs- bzw. Konventionalisierungsgrad von symbolischen Einheiten ein Kontinuum zwischen unversaler Prägung und kultureller Varianz sprachlicher Bedeutungen besteht. Generell gilt: Die Stabilität semantischen Wissens erhöht sich in dem Maße, wie der Abstraktionsgrad der in Frage stehenden konzeptuellen Struktur steigt. Universalität ist also deswegen ein Kennzeichen von Bildschemata, weil diese maximal abstrakt sind, und ko- bzw. kontextuelle sowie konventionelle Bedeutungselemente sind deswegen kulturell variabel, weil sie sehr viel der stärker der kommunikativen Dynamik entspringen. Der hier vertretenden Position zufolge steht Universalität nicht in Opposition zu Kulturalität, weil Bildschemata nur den Ausgangspunkt eines Konzeptualisierungsprozesses bilden, der ebenso die Verarbeitung kulturellen Wissens umfasst“ [5, С. 193].

В процессе межкультурного общения потенциально извлеченным может быть только тот общий смысл, которым обладают партнеры по коммуникации. По сути, этот процесс предполагает наличие значительного объема разделяемых участниками коммуникации знаний о мире, ситуации, механизмах языкового моделирования реальной действительности, а также знаний социокультурного характера.

В этой связи следует отметить, что производная лексика фиксирует результаты процесса категоризации и концептуализации мира человеком как носителем определенного опыта и знаний, встроенных в языковую картину мира.

Изучение деривационных процессов как процесса и как результата когнитивных операций позволяет выявить универсальное и особенное в восприятии и осмыслении действительности представителями разных культур.

В процессе порождения продуктов словопроизводства национально-культурную специфику могут обнаруживать собственно как количественные и качественные показатели словообразовательных моделей, закрепленные в языковом сознании носителей, сопряженные с реализацией тех или иных смыслов

словообразовательных категорий, так и сформированные концептуальные структуры производных.

Процесс восприятия и извлечения смысла проходит в опоре на знания лингвистического и нелингвистического характера, которые обнаруживают как универсальный, так и идиоэтнический характер. Как следствие, в межкультурной коммуникации, как процесс порождения, так и процесс восприятия смыслов детерминирован наличием или отсутствием знаний культурной самобытности и культурных различий.

Национально-культурное своеобразие языковой личности обусловлено наличием в языковом сознании набора собственных прототипов языковой репрезентации знания, релевантностью тех или иных категорий, что детерминирует богатство/ бедность языковых средств, её объективирующих, а также несовпадением объема смыслов, репрезентируемых аналогами языковых средств в языковых картинах мира.

Так, прототипом языковой репрезентации знания об объекте действительности, его связях с другими объектами, его основных характеристиках в немецком языке выступает детерминативный композит, сформированный на основе словообразовательной модели N+N.

В романских языках, напротив, детерминативные композиты, сформированные на основе такого рода модели, являются редкостью, как например, frz. *café-filtre*. Для вербализации схожих понятий носители французского языкового сознания активно прибегают к формированию фраз из двух субстантивов с предлогом frz. *pomme de terre*, досл. по-нем. 'Apfel von der Erde', то есть 'Erdapfel, Kartoffel'. Пример того, как калька из французского в меню ресторана вызвала неоднозначную реакцию автора немецких бестселлеров Франка Шетцлинга, содержится в работе Э. Доналис:

„Das sieht ja Hammer aus“, sagt Schätzling und meint nicht den skurillen Teppichboden des Restaurants, den er kurz darauf als „psychopatisch“ beschreibt, sondern die Vorspeise: Thunfischtatar mit geräucherter Perlhuhnbrust, Raviolo mit Thunfischcreme, Salat von Kartoffeln – man könnte auch Kartoffelsalat sagen... (essen/trinken 5/ 2005: 79) [2, С. 45 – 46].

Нехарактерная для немецкого языка калька 'Der Salat von Kartoffeln', обнаруженная писателем в меню немецкого ресторана, является сознательным реверансом, подчеркивающим преклонение представителей иной культуры перед изысканностью французской кухни. В целом, же предложные фразы, столь характерные для группы романских языков, возможны, но непривычны для восприятия носителем немецкого языкового сознания: „Der Salat von Kartoffeln ist natürlich küchenfrankophile Verbeugung vor dem französischen *salade de pomme de terre*. Auch spanische Sprecherschreiber sagen *ensalada de patatas*, portugiesische sagen *salada de potata*. Das ist im Deutschen zwar möglich, aber nicht üblich. Deutsche Sprecherschreiber sagen zwar mitunter *Faden der Ariadne* und *Schwert des Damokles*, aber lieber noch *Ariadnefaden* und *Damoklesschwert* [2, С. 45 – 46].

Не являются исключением предложные словосочетания и в славянских языках, таких как: русском, польском (poln. *salatka z kartofli*). Однако чаще для выражения схожих смыслов носитель использует атрибутивные словосочетания: русск. *картофельный салат*, slovak. *zemiakový šalát*, досл. по-нем. 'kartoffelner Salat'. Специфика проявляется и в том, что в отличие от славянских языков, в которых преобразование имени существительного в прилагательное не знает

ограничений, в немецком языке такого рода транспозиция мало продуктивна. „Das ist im Deutschen nicht üblich, obwohl im Prinzip durchaus Materialsubstantive zu Adjektiven abgeleitet werden können: *marmorne Statue, samtener Vorhang*“ [2, С. 46].

Знание национально-культурной специфики порождения слов, а также культурной самобытности элементов кодируемого смысла является опорой в процессе инферентного вывода, которая может способствовать адекватному извлечению смысла производной единицы.

Литература

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 232 с.
2. Donalies E. Basiswissen. Deutsche Wortbildung. – Tübingen, Basel: A.Francke Verlag, 2007. – 138 S.
3. Härtl H. Linguistische Relativität und die „Sprache-und-Denken“-Debatte: Implikationen, Probleme und mögliche Lösungen aus Sicht der kognitionswissenschaftlichen Linguistik // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. Heft 51. 2009. – Frankfurt/Main: Peter Lang GmbH. – S. 45 – 81.
4. Kuckenbun M. Wer sprach das erste Wort. Die Entstehung von Sprache und Schrift. – Stuttgart, 2004.
5. Ziem A. Universale Prägung und kulturelle Varianz // Literaturwissenschaft und Linguistik. Heft 151. – Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2008. – S. 185 – 196.

References

1. Weisgerber J. L. Native language and the formation of spirit. – Moscow: Kniznuj dom «Librokom», 2009. – 232 p.
2. Donalies E. Basiswissen. Deutsche Wortbildung. – Tübingen, Basel: A.Francke Verlag, 2007. – 138 S.
3. Härtl H. Linguistische Relativität und die „Sprache-und-Denken“-Debatte: Implikationen, Probleme und mögliche Lösungen aus Sicht der kognitionswissenschaftlichen Linguistik // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. Heft 51. 2009. – Frankfurt/Main: Peter Lang GmbH. – S. 45–81.
4. Kuckenbun M. Wer sprach das erste Wort. Die Entstehung von Sprache und Schrift. – Stuttgart, 2004.
5. Ziem A. Universale Prägung und kulturelle Varianz // Literaturwissenschaft und Linguistik. Heft 151. – Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2008. – S. 185–196.

УДК 81'1

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ РАССМОТРЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО И РОССИЙСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ

Каблучко Анастасия Олеговна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / stacy1987@mail.ru
науч. рук. доктор филол. наук, профессор **Седых А.П.**

Аннотация

Данная статья посвящена описанию вокабуляра российских и французских педагогов. Приводятся примеры лексики, выражений, аббревиатур, сокращений употребляемых учителями в процессе его общения с учениками и коллегами. Раскрывается не только схожесть лексики российских и французских педагогов, но и демонстрируются значительные различия в вокабуляре учителей России и Франции.

Ключевые слова: дискурс, языковая личность учителя, французский и русский учитель, педагогические термины, вокабуляр

ON A COMPARATIVE REVIEW OF RUSSIAN AND FRENCH PEDAGOGICAL DISCOURSES

Anastasia Kabluchko

Graduate student, Belgorod National Research University
Belgorod, Russia / stacy1987@mail.ru
scientific director Professor **Sedykh A.P.**

ограничений, в немецком языке такого рода транспозиция мало продуктивна. „Das ist im Deutschen nicht üblich, obwohl im Prinzip durchaus Materialsubstantive zu Adjektiven abgeleitet werden können: *marmorne Statue, samtener Vorhang*“ [2, С. 46].

Знание национально-культурной специфики порождения слов, а также культурной самобытности элементов кодируемого смысла является опорой в процессе инферентного вывода, которая может способствовать адекватному извлечению смысла производной единицы.

Литература

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 232 с.
2. Donalies E. Basiswissen. Deutsche Wortbildung. – Tübingen, Basel: A.Francke Verlag, 2007. – 138 S.
3. Härtl H. Linguistische Relativität und die „Sprache-und-Denken“-Debatte: Implikationen, Probleme und mögliche Lösungen aus Sicht der kognitionswissenschaftlichen Linguistik // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. Heft 51. 2009. – Frankfurt/Main: Peter Lang GmbH. – S. 45 – 81.
4. Kuckenbug M. Wer sprach das erste Wort. Die Entstehung von Sprache und Schrift. – Stuttgart, 2004.
5. Ziem A. Universale Prägung und kulturelle Varianz // Literaturwissenschaft und Linguistik. Heft 151. – Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2008. – S. 185 – 196.

References

1. Weisgerber J. L. Native language and the formation of spirit. – Moscow: Kniznuj dom «Librokom», 2009. – 232 p.
2. Donalies E. Basiswissen. Deutsche Wortbildung. – Tübingen, Basel: A.Francke Verlag, 2007. – 138 S.
3. Härtl H. Linguistische Relativität und die „Sprache-und-Denken“-Debatte: Implikationen, Probleme und mögliche Lösungen aus Sicht der kognitionswissenschaftlichen Linguistik // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. Heft 51. 2009. – Frankfurt/Main: Peter Lang GmbH. – S. 45–81.
4. Kuckenbug M. Wer sprach das erste Wort. Die Entstehung von Sprache und Schrift. – Stuttgart, 2004.
5. Ziem A. Universale Prägung und kulturelle Varianz // Literaturwissenschaft und Linguistik. Heft 151. – Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2008. – S. 185–196.

УДК 81'1

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ РАССМОТРЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО И РОССИЙСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ

Каблучко Анастасия Олеговна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / stacy1987@mail.ru
науч. рук. доктор филол. наук, профессор **Седых А.П.**

Аннотация

Данная статья посвящена описанию вокабуляра российских и французских педагогов. Приводятся примеры лексики, выражений, аббревиатур, сокращений употребляемых учителями в процессе его общения с учениками и коллегами. Раскрывается не только схожесть лексики российских и французских педагогов, но и демонстрируются значительные различия в вокабуляре учителей России и Франции.

Ключевые слова: дискурс, языковая личность учителя, французский и русский учитель, педагогические термины, вокабуляр

ON A COMPARATIVE REVIEW OF RUSSIAN AND FRENCH PEDAGOGICAL DISCOURSES

Anastasia Kabluchko

Graduate student, Belgorod National Research University
Belgorod, Russia / stacy1987@mail.ru
scientific director Professor **Sedykh A.P.**

Abstract

The present article is concerned with discourse of Russian and French teachers. Examples of words, stable expressions, abbreviations used during communication with students and colleagues are given here. It is demonstrated the similarity of vocabulary used by Russian and French teachers. At the same time the author shows significant differences in vocabulary of teachers in Russia and France.

Keywords: discourse, a Russian teacher, French teacher, terms, vocabulary

Речь учителя играет наиважнейшую роль в установлении контакта с учащимися и нахождении взаимопонимания. Она является для педагога единственным средством воздействия на учащихся и трансформации их мировоззрения. Слово - это его «инструмент». Именно этим и объясняется тот факт, что в современном научном мире повысился интерес к речи педагогов.

Вокабуляр, который ежедневно используют в своей работе педагоги разных стран, во многом схож в силу особенностей их профессии. Но при этом имеются и определенные различия, возникающие под влиянием культуры той страны, в которой живёт и работает учитель. В данной статье дается общее описание французского и российского педагогических дискурсов.

Как французский, так и российский педагогический дискурс характеризуются определенной «шаблонностью», строгой ограниченностью тематики и набора терминологии. Это объясняется общей тенденцией к точности изложения содержания материала в данной области человеческой деятельности. Вот некоторые примеры формулировок российской и французской лингводидактической коммуникации: *Нужно + инфинитив (il faut+ infinitif); ты должен (вы должны)/ tu dois(vous devez); Внимание!(Attention!), Возьмите тетради/учебники (Prenez vos cahiers/livres), запишите(écrivez)/ посмотрите (regardez).*

Сюда же относятся:

- инфинитив в качестве повелительного наклонения: *на дом: читать параграф 25, подготовиться к тексту (pour les devoir: lire le text)*

- отрицательные конструкции: *ничего не..., никто не... (ne...pas, nerien, ne....personne)*

Вежливость по-прежнему является важнейшей характеристикой учительской коммуникации. В этом можно убедиться, изучив набор этикетных формулировок, используемые педагогами в учебных заведениях России и Франции:

Формы приветствия: *Здравствуйте! Доброе утро! Добрый день! До свидания! До завтра! (Bonjours! Au revoir! A bientôt!)*

Формы вежливости: *пожалуйста, спасибо, извините (извини), будьте добры (будь добр) (merci, pardon, s'il vous plaît, excusez-moi)*

Французские педагоги в обращении друг к другу используют такие формы как *Madame, Mademoiselle, Monsieur*. В русском языке также существует множество форм обращений, но они не используются в повседневной жизни. Такие формы часто заменяются обращением по имени отчеству. При более дружеских отношениях и французские, и российские педагоги могут позволить себе обращаться друг к другу просто по имени. Однако, нормы служебного этикета не позволяют им обратиться к своему коллеге на «ты» в присутствии учеников. В российских школах при обращении к коллективу используется обращение «уважаемые коллеги», при обращении к ученикам «дети», «ребята». Что касается общения педагога и учащихся, то в школьной среде России и Франции наиболее распространена сниженная форма ты-общения. Наиболее часто используются фамилия + ты - форма, имя + ты-форма.

Лексико-семантический формат рассматриваемого дискурса обусловлен спецификой соответствующей профессиональной сферы и узкоспециальной терминологией, имеющей однозначную трактовку в конкретной области корпоративных отношений и, как правило, непрозрачный для представителей иных сфер деятельности: *окно (свободный урок в середине учебного дня)/ fourch*, нулевка (*подготовительный класс*)/*classe préparatoire*, началка (*начальная школа*)/*école primaire*, продлёнка (*группа продленного дня*)/ *école-promenade*, педсовет(*совещание учителей и администрации школы*)/*conseil des professeurs*. В отличие от России, во Франции нет понятия "Линейка" или "Последний звонок". Выпускной во Франции называется *bal de promo*

Для изучаемого вида дискурса французской и российской лингвокультурам свойственен набор определенных аббревиатур и сокращений. Приведем наиболее характерные и часто встречающиеся в обеих странах:

Ч.т.д. – что и требовалось доказать (*CQFD-ce qu'il fallait démontrer*)

См. далее – смотрите далее (*retournez, s'il vous plaît*)

Т.е. – то есть (*c.a.d.-c'est-à-dire*)

Физ-ра – физическая культура (*EPS- éducation physique et sportive*)

Есть также аббревиатуры и сокращения характерные только для российского педагогического дискурса

СОШ- средняя образовательная школа

ГИА-государственная итоговая аттестация

ЕГЭ-Единый государственный экзамен

Ин. яз. – иностранный язык

И характерных только для французской школьной среды: *DEUG: Diplôme d'Études Universitaires Générales*-диплом об общем университетском образовании (*выдаётся после двух лет учёбы*), *A.P.E.: Association de Parents d'Élèves* ассоциация родителей учеников, *R SP.C. : Professeur Certifié* имеющий [имеющая] диплом учителя средней школы (*C.A.P.E.S. или C.A.P.E.T.*) *FLAM: Français Langue Maternelle* французский как родной язык

В российском, как и во французском лингводидактическом дискурсе, используется ряд однозначных терминов для наименования должностей

le proviseur-директор лицея, *le principal* -директор коллежа, *le surveillant* главный надзиратель в среднем учебном заведении (*несуществующая должность в российских школах*), *conseiller principal d'éducation* -заведующий учебной частью, *assistant d'éducation* (*школ. Арго pion*) классный наставник, надзиратель; *воспитатель* (*несуществующая должность в российских школах*) *Le professeur principal*: Классный руководитель Завхоз (*заведующий учебной частью*)-*Несуществующая должность во французских школах*

Как видно, статусная терминология российского и французского учительского мира имеет существенные отличия. Это связано с различиями в системах образования в этих странах. Однако, она отличается точной соотнесённостью с занимаемой должностью. В основе наименований должностей лежат принципы точности, прагматичности и жесткой иерархичности. Названия должностей однозначно указывают на специфику функций ответственного работника. При этом в России педагоги находятся в постоянном контакте с начальством, решая вопросы поведения и успеваемости учащихся. Во французских школах общение с начальниками сведено к минимуму.

Следующие термины употребляются во всех сферах школьной жизни и отражают специфические пространственные параметры данного вида человеческой активности:

- служебные слова для передачи локальных и пространственных рамок: *здесь, там, у, в, внутри, вне, на, над, по, под, от, по, рядом, перед, за, вперед, назад, вверх, вниз, вправо, влево (ici, là, là-bas, chez, dans, dedans, dehors, à, sur, dans, au-dessus de, au-dessous de, en dessous de, à côté de, devant, derrière, en avant, en arrière, en haut, en bas, à droite, à gauche, prochain(e), l'endroit, le lieu, l'espace.)*

- термины отрезков школьной жизни: *звонок, каникулы, перемена, выход (la sonnerie, la récréation, la sortie, la rentrée, les vacances.)*

- микро термины школьного заведения: *парта, столовая, коридор, двор, лестницы, класс, мед.пункт, туалет, раздевалка (le BVS, le bureau, la cantine, le couloir, les escaliers, l'étude, le foyer, l'infirmerie, le réfectoire, la salle de classe, les toilettes.)*

- Учебный процесс: *контрольная работа (épreuve écrite de contrôle), лабораторная работа (travail pratique), диктант (la dictée), урок (le cours)*

- Номенклатура, относящаяся к содержанию образования: *учебный план, учебная программа, учебник, учебные пособия, журнал и др. (programme d'enseignement, manuel, journal de classe)*

В российском педагогическом мире отмечается активное использование английских заимствований. В особенности учителями экономики и информатики: *Факторинг; Маркетинг; Монитор; Браузер; Чат; И-мэйл*. Французские же педагоги стараются следовать рекомендациям Министерства Образования и в большинстве своём не используют английские заимствования. Вместо этого создаются специальные французские термины: *Affacturage (Factoring); Consumérisme (Consumerism); Marchéage ou Mercatique (Marketing); Publipostage (Mailing); Babillard (Chat); Blogeoisie*.

Таким образом, французский и российский педагогический дискурс имеют ряд общих черт. Общность лексики, используемой французскими и российскими учителями, является следствием того, что они трудятся в одной сфере деятельности и по этой причине ежедневно имеют дело с одними и теми же реалиями. В то же время, в дискурсе учителей разных стран можно выделить понятия и выражения, которые присутствуют в речи педагогов, живущих и работающих в одной стране, и отсутствуют в лексиконе педагогов другой страны. Данный факт объясняется особенностями национальной культуры соответствующей страны.

Литература:

1. Антонова, Н.А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке. Диссер. на соис. канд. фил. н.: 10.02.01 / Н.А. Антонова. – Саратов, 2008. – 158с
2. Le discours pédagogique : de l'idéologie à la pratique ...en passant par l'utopie. /Roger Monjo 2006.
3. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. - М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
4. Филиппова О.В. Профессиональная речь учителя. Интонация // Учебное пособие. – Москва: Флинта: Наука, 2001. – 192 с.

Интернет-источники:

1. Примеры профессиональных слов – список Источник: <http://smexota.net/all/10-2012/04255fb6b1.php>
2. Русский язык – профессиональный жаргон учителей. Источник: <http://forum.gramota.ru/forum/read.php?f=6&i=4101&t=4101>
- 3.[URL:<http://lamaisondesenseignants.com/index.php?action=afficher&rub=16&id=12>]
- 4.Формальное и неформальное межличностное общение. Источник:http://studopedia.ru/5_51800_formalnoe-i-neformalnoe-mezhlichnostnoe-obshchenie.html

5. Слова-профессионализмы <https://otvet.mail.ru/question/53243496>
6. Site officiel du Ministère de l'éducation nationale, de l'enseignement supérieur et de la recherche [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.education.gouv.fr/>

References:

1. Antonova N.A. The pedagogical discourse: verbal behavior of the teacher in the classroom: thesis for the degree of candidate of Philological Sciences 10.02.01 / Antonova N.A.- Saratov, 2008. – p.158
2. Le discours pédagogique : de l'idéologie à la pratique ...en passant par l'utopie. /Roger Monjo 2006.
3. Sedov K.F. Discourse and identity: the evolution of communicative competence. - М.: Labirint, 2004. - 320 p.
4. Filippova O.V. Professional speech of teacher. Intonation // Textbook. - Moscow: Flinta: Nauka, 2001. - 192 p.

Internet sources:

1. Examples of professional words - list <http://smexota.net/all/10-2012/04255fb6b1.php>
2. Russian language – jargon of teachers <http://forum.gramota.ru/forum/read.php?f=6&i=4101&t=4101>
- 3.[URL:<http://lamaisondesenseignants.com/index.php?action=afficher&rub=16&id=12>]
4. Formal and informal interpersonal communication http://studopedia.ru/5_51800_formalnoe-i-neformalnoe-mezhlichnostnoe-obshchenie.html
5. Professional words <https://otvet.mail.ru/question/53243496>
6. Site officiel du Ministère de l'éducation nationale, de l'enseignement supérieur et de la recherche [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.education.gouv.fr/>

УДК 81'373.49

НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭВФЕМИЗМОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Мельникова Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / awdejewa@mail.ru

Шигорева Елена Сергеевна

ассистент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / villivinki@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению роли эвфемизмов в выражении негативной оценки в публицистических текстах. Сохраняя семантическую связь с заменяемым понятием, эвфемизмы несут в себе большой негативно-оценочный потенциал. Негативная оценка, выраженная посредством эвфемизмов, слабее, чем негативная семантика изначального выражения, тем не менее, она в большей или меньшей степени прозрачна и ощутима для носителей языка.

Ключевые слова: публицистические тексты, эвфемизм, негативная оценка, манипуляция

NEGATIVE-EVALUATIVE POTENTIAL OF EUPHEMISMS IN MEDIA TEXTS (IN THE CONTEXT OF GERMAN-SPEAKING MEDIA)

Yuliya Melnikova

Ph. D. in Philology, Associate Professor

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / awdejewa@mail.ru

Elena Shigoreva

Assistant

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / villivinki@inbox.ru

5. Слова-профессионализмы <https://otvet.mail.ru/question/53243496>
6. Site officiel du Ministère de l'éducation nationale, de l'enseignement supérieur et de la recherche [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.education.gouv.fr/>

References:

1. Antonova N.A. The pedagogical discourse: verbal behavior of the teacher in the classroom: thesis for the degree of candidate of Philological Sciences 10.02.01 / Antonova N.A.- Saratov, 2008. – p.158
2. Le discours pédagogique : de l'idéologie à la pratique ...en passant par l'utopie. /Roger Monjo 2006.
3. Sedov K.F. Discourse and identity: the evolution of communicative competence. - М.: Labirint, 2004. - 320 p.
4. Filippova O.V. Professional speech of teacher. Intonation // Textbook. - Moscow: Flinta: Nauka, 2001. - 192 p.

Internet sources:

1. Examples of professional words - list <http://smexota.net/all/10-2012/04255fb6b1.php>
2. Russian language – jargon of teachers <http://forum.gramota.ru/forum/read.php?f=6&i=4101&t=4101>
- 3.[URL:<http://lamaisondesenseignants.com/index.php?action=afficher&rub=16&id=12>]
4. Formal and informal interpersonal communication http://studopedia.ru/5_51800_formalnoe-i-neformalnoe-mezhlichnostnoe-obshchenie.html
5. Professional words <https://otvet.mail.ru/question/53243496>
6. Site officiel du Ministère de l'éducation nationale, de l'enseignement supérieur et de la recherche [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.education.gouv.fr/>

УДК 81'373.49

НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭВФЕМИЗМОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Мельникова Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / awdejewa@mail.ru

Шигорева Елена Сергеевна

ассистент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / villivinki@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению роли эвфемизмов в выражении негативной оценки в публицистических текстах. Сохраняя семантическую связь с заменяемым понятием, эвфемизмы несут в себе большой негативно-оценочный потенциал. Негативная оценка, выраженная посредством эвфемизмов, слабее, чем негативная семантика изначального выражения, тем не менее, она в большей или меньшей степени прозрачна и ощутима для носителей языка.

Ключевые слова: публицистические тексты, эвфемизм, негативная оценка, манипуляция

NEGATIVE-EVALUATIVE POTENTIAL OF EUPHEMISMS IN MEDIA TEXTS (IN THE CONTEXT OF GERMAN-SPEAKING MEDIA)

Yuliya Melnikova

Ph. D. in Philology, Associate Professor

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / awdejewa@mail.ru

Elena Shigoreva

Assistant

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / villivinki@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to the studying of the role of euphemisms in terms of negative evaluation in journalistic texts. Keeping the semantic link with the concept of replaceable, euphemisms have a big negative-evaluative potential. Negative assessment expressed by euphemisms, weaker than the negative semantics of the original expression, however, it is more or less clear and evident for native speakers.

Keywords: media texts, euphemism, negative evaluation, manipulation

В последнее время можно отметить повышенный интерес лингвистов к публицистическим текстам. Это связано с тем, что язык публицистики подвержен постоянным изменениям. Очень часто изменения происходят в фонде эвфемизмов.

Использование эвфемизмов в текстах СМИ связано с необходимостью вуалирования тех понятий, которые могут вызвать у читателей негативные ассоциации. Чаще всего употребление эвфемизмов связано со стремлением журналистов к политкорректности. С.Г. Тер-Минасова отмечает, что «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса» [Тер-Минасова 2000: 453]. Особенно ярко это проявляется в текстах, которые затрагивают вопросы социальной и политической жизни общества, т.к. при освещении именно этих сфер журналисты вынуждены быть наиболее осторожными в выборе языковых средств. Л.П. Крысин считает, что процесс смягченного переименования осуществляется в двух больших областях жизнедеятельности человека – обиходно-бытовой и социально-политической. Эти области отличаются как по спектру смягчаемых тем, так и по причинам, обусловившим потребность в непрямом, маскирующем суть происходящего именовании, т.е. эвфемизации [Крысин 1998: 70-71].

Наравне с информационной функцией публицистическим текстам также присуща и манипулятивная. Манипулятивные процессы непосредственно связаны с коммуникативными, ведь при изложении той или иной информации автор не только представляет объективные факты, но и высказывает свою точку зрения, при этом во внимание берутся только те факты, которые эту точку зрения подкрепляют. В этом случае эвфемизмы выступают в роли средства замены одного понятия, имеющего негативную оценку в обществе, другим, имеющим позитивную оценку. Таким образом, эвфемизмы имеют большой манипулятивный потенциал, позволяя создать эффект неопределенности и двусмысленности. И.Г. Катенева отмечает, что эвфемизмы способствуют коррекции читательского мировоззрения и трансформации его системы ценностей [Катенева 2013: 106]. С помощью эвфемизмов журналисты часто смягчают информацию, создают положительную коннотацию, пытаются оказать положительное эмоциональное воздействие. Но не всегда авторы статей согласны со сложившейся ситуацией, все чаще в СМИ появляются критические статьи, которые дают отрицательную оценку происходящим событиям. Стремление к политкорректности приводит к использованию в таких статьях эвфемизмов как средства смягчения и вуалирования отрицательной оценки. Таким образом, журналисты получают возможность навязывать аудитории свою точку зрения, оставаясь политкорректными и избегая конфликтных ситуаций.

Важным признаком манипуляции является по мнению О.А. Коробейниковой скрытый характер воздействия. Но многие эвфемизмы постепенно становятся узнаваемыми, теряют свою эвфемистическую функцию и превращаются в

публицистические клише. Такие эвфемизмы используются как средство иронии, языковой игры, они несут в себе скорее негативную оценку, чем позитивную. Кроме того, нужно отметить, что эвфемизмы чаще всего встречаются не в информационных материалах, а в аналитических статьях, задачей которых является не столько изложение фактов, сколько оценка той или иной ситуации. Реципиентом таких статей является обычно опытный читатель, знакомый с темой и интересующийся подробностями и различными точками зрения на сложившуюся ситуацию. Отвлечь внимание такого читателя от сути проблемы с помощью эвфемистической замены непросто, в таком случае эвфемизмы выступают не в роли средства замены одного понятия другим, а в роли средства смягчения негативной семантики.

Несмотря на то, что эвфемизмы призваны скрывать номинации, которые в обществе имеют негативную оценку, они тем не менее сохраняют семантическую связь с заменяемыми единицами, и таким образом, несут в себе негативно-оценочный потенциал. Негативная оценка эвфемизмов слабее, чем у исходных единиц, но она тем не менее ощущается носителями языка [Торопкина 2015: 569]. Эта особенность эвфемизмов позволяет использовать их как средство создания негативной оценки.

Часто в немецкоязычных публицистических текстах в качестве эвфемизмов используются прилагательные с приставкой *un-*, т.к. они несут в себе меньший негативный потенциал, чем прилагательные, противоположные по значению заменяемым: *klug – dumm – unklug*

Es wäre „unklug und schädlich“ zu glauben, man könne Moskau auf diese Art so schwächen und unter Druck setzen, „um so alle eigenen politischen Zielsetzungen durchzusetzen“, sagte Fischer in einem APA-Jahresbilanz-Interview.

*Im übrigen ist das Handeln eines Betrunkenen zwar **unschön** und für andere Beteiligte **unangenehm**, per se aber strafrechtlich nicht zu ahnden.*

*Grünen-Chef Cem Özdemir hält das Abkommen zwischen der EU und der Türkei für völlig **unzureichend**.*

*Grünen-Chef Özdemir hält das EU-Türkei-Abkommen zur Flüchtlingskrise für **unausgegoren**.*

Из приведенных примеров видно, что, несмотря на использование эвфемистичных прилагательных, негативная оценка событий все же присутствует, хоть и в более мягкой форме.

Похожим средством смягчения негативной оценки является мейозис, т.е. преуменьшение интенсивности какого-либо действие. Это достигается с помощью таких слов и оборотов как: *kaum, weniger, überhaupt nicht, bei weitem nicht, gar nicht:*

*Flüchtlingszahlen ist ein zentraler Gedanke bei dem Pakt, die Geschäfte der Schlepper zu stören, die Flüchtlinge auf oft **kaum seetauglichen** Booten nach Griechenland bringen.*

*Die Stimmung beim Regierungschef in Großbritannien dürfte **weniger gut** sein.*

*Ein lustiger Song über Präsident Erdogan kam **überhaupt nicht gut** an.*

*Der Plan ist **bei weitem nicht ideal**. Unter anderem sieht er weder den Abzug der ukrainischen Truppen von den Ortschaften vor, geschweige denn vom Territorium der Gebiete Donbass und Lugansk. Über den künftigen Status der Region sagt der Plan kein einziges Wort.*

*Der ehemalige konservative Verteidigungsminister Liam Fox meinte, die Vorschläge würden den Willen der Briten **bei weitem nicht widerspiegeln**.*

*Die Anhänger einer indischen Sekte fanden die Witze eines Komikers über ihren Guru **gar nicht lustig**. Sie erstatteten Anzeige wegen verletzter religiöser Gefühle.*

Еще одним способом эвфемизации является употребление слов и выражений с более широкой, размытой семантикой, а также употребление многозначных слов и выражений, что делает смысл высказывания менее очевидным:

*„Werden sich die Menschen freiwillig aus den Lagern **abtransportieren** lassen? Werden wir sie in Handschellen legen müssen? Wird es zu Aufständen kommen? Und was tun wir dann?“*

*Nach Kritik aus Frankreich an den EU-Plänen für **eine Sonderbehandlung** Großbritanniens bei der Bankenregulierung schlagen auch die deutschen Banken Alarm.*

*Altmaier warnt vor **Sonderbehandlung** von straffälligen Flüchtlingen.*

*Außenminister Kurz verlangt angesichts **der dramatischen Lage** an der griechisch-mazedonischen Grenze **eine bessere Versorgung** der Flüchtlinge.*

*Die Nato nahm Kurs auf **eine Aufstockung des ukrainischen Militärpotenzials**, das, wie bekannt, gegen die Zivilbevölkerung zum Einsatz kommt.*

Часто отрицательные явления не называются напрямую. Но читатель выявляет значение выражений, исходя из своего коммуникативного опыта.

*Auch wenn die Regierung in Moskau weiter **destabilisierende Maßnahmen** wie **militärische Aktionen** auf der ukrainischen Halbinsel Krim unternahme, werde es zu einer weitreichenden **Veränderung der Beziehungen** zu Russland kommen.*

Из данного примера видно, что выражение „zu einer **Veränderung der Beziehungen** kommen“ (привести к изменению отношения) подразумевает ухудшение отношения, хотя автор этого не указывает.

Значение многих многозначных выражений реализуется только в определенном контексте:

*Die Nato-Führung unterstützt die Absicht seiner Mitgliedstaaten, die Versorgung der Ukraine mit **speziellen Mitteln** und Militärgerät zu intensivieren, die von den ukrainischen Behörden für **Repressalien** im Inland eingesetzt werden können.*

Мы видим, что выражение „**spezielle Mittel**“ (специальные средства) в данном контексте обозначает оружие.

Кроме того, в данном примере мы видим еще один способ эвфемизации, который часто применяется в публицистических текстах: употребление слов и выражений иностранного происхождения (*die Repressalien*). Иностранные номинации еще не до конца усвоены системой языка, носители языка зачастую не понимают всех оттенков значения этих слов, что мешает им обнаружить негативный подтекст высказывания.

*Ein Teil der Dschihadisten wurde während bewaffneter Zusammenstöße und durch Luftschläge der USA **liquidiert**, doch einige Kämpfer begingen Selbstmord, indem sie ihre Sprengsätze aktivierten.*

*Griechenland rutscht stärker in **die Rezession** als angenommen. Den aktuellen Daten der europäischen Statistikbehörde Eurostat zufolge ging die Wirtschaftsleistung im dritten Quartal im Vergleich zum Vorquartal um 0,9 Prozent zurück.*

*In vielen anderen Siedlungen der Metropole steht **die Pazifikation** noch bevor.*

*Politik der schleichenden Osterweiterung, wobei Russlands Anrainer in die Nato **involviert** werden.*

*Auch Russlands Chefdiplomat Sergej Lawrow kritisierte die „**destruktive** Rolle der Nato während der ganzen Ukraine-Krise“*

Использование заимствованных слов позволяет журналистам повысить статус своего издательства, а, следовательно, вызвать большее доверие читателей.

Таким образом, мы видим, что журналисты часто используют эвфемизмы для выражения негативной оценки. И, несмотря не на то, что эвфемизмы выполняют свою функцию, смягчая и вуалируя негативную сущность описываемого явления, читатель все же может ощутить отрицательную оценку событий.

Литература

1. Катенева И.Г. Манипулятивный потенциал эвфемизмов на страницах современных периодических изданий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. – № 6. Т. 12. С. 105–110.
2. Коробейникова О.А. Политические эвфемизмы как способ языковой манипуляции // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 10. – С. 157–161.
3. Крысин, Л.П. Иноязычное слово в роли эвфемизма // Русский язык в школе. 1998. № 2. – С. 70 – 71.
4. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово. – 2000. – 624 с.
5. Торопкина В.А. Эвфемизмы как средство выражения негативной оценки в СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Языкознание». 2015. № 2(2). – С. 569-573.

References

1. Kateneva I.G. Manipulative potential of euphemisms in modern periodicals // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija. 2013. – № 6. Т. 12. P. 105–110.
2. Korobejnikova O.A. Political euphemisms as a means of linguistic manipulation // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2010. № 10. – P. 157–161.
3. Krysin, L.P. Foreign words as a euphemism // Russkij jazyk v shkole. 1998. № 2. – P. 70 – 71.
4. Ter-Minasova, S.G. Language and Intercultural Communication / S.G. Ter-Minasova. – M.: Slovo. – 2000. – 624 P.
5. Toropkina V.A. Euphemisms as a means of expression of negative evaluation in the media // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija «Jazykoznanie». 2015. № 2(2). – P. 569-573.

УДК 81-22

МЕТАФОРА В ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «ВКУС»

Моисеева Софья Ахметовна

доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / moisseeva@bsu.edu.ru

Смирнова Екатерина Юрьевна

соискатель
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / katerinaus@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности номинативного поля категориального концепта «вкус» в русском, английском и французском языках, выявляются метафорические контексты производится классификация синестетических метафор вкуса, намечаются перспективы дальнейшего исследования средств вторичной номинации исследуемого концепта.

Ключевые слова: категориальный концепт, вкусовая перцепция, номинативное поле, метафорический перенос, синестезия, эмпирические прилагательные.

METAPHORS IN THE VERBALIZATION OF THE CATEGORIAL CONCEPT «TASTE»

Sofia Moiseeva

Doctor of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia / moisseeva@bsu.edu.ru

Ekaterina Smirnova

Applicant,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia / katerinaus@gmail.com

Таким образом, мы видим, что журналисты часто используют эвфемизмы для выражения негативной оценки. И, несмотря не на то, что эвфемизмы выполняют свою функцию, смягчая и вуалируя негативную сущность описываемого явления, читатель все же может ощутить отрицательную оценку событий.

Литература

1. Катенева И.Г. Манипулятивный потенциал эвфемизмов на страницах современных периодических изданий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. – № 6. Т. 12. С. 105–110.
2. Коробейникова О.А. Политические эвфемизмы как способ языковой манипуляции // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 10. – С. 157–161.
3. Крысин, Л.П. Иноязычное слово в роли эвфемизма // Русский язык в школе. 1998. № 2. – С. 70 – 71.
4. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово. – 2000. – 624 с.
5. Торопкина В.А. Эвфемизмы как средство выражения негативной оценки в СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Языкознание». 2015. № 2(2). – С. 569-573.

References

1. Kateneva I.G. Manipulative potential of euphemisms in modern periodicals // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija. 2013. – № 6. Т. 12. P. 105–110.
2. Korobejnikova O.A. Political euphemisms as a means of linguistic manipulation // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2010. № 10. – P. 157–161.
3. Krysin, L.P. Foreign words as a euphemism // Russkij jazyk v shkole. 1998. № 2. – P. 70 – 71.
4. Ter-Minasova, S.G. Language and Intercultural Communication / S.G. Ter-Minasova. – M.: Slovo. – 2000. – 624 P.
5. Toropkina V.A. Euphemisms as a means of expression of negative evaluation in the media // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija «Jazykoznanie». 2015. № 2(2). – P. 569-573.

УДК 81-22

МЕТАФОРА В ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «ВКУС»

Моисеева Софья Ахметовна

доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / moisseeva@bsu.edu.ru

Смирнова Екатерина Юрьевна

соискатель
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / katerinaus@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности номинативного поля категориального концепта «вкус» в русском, английском и французском языках, выявляются метафорические контексты производится классификация синестетических метафор вкуса, намечаются перспективы дальнейшего исследования средств вторичной номинации исследуемого концепта.

Ключевые слова: категориальный концепт, вкусовая перцепция, номинативное поле, метафорический перенос, синестезия, эмпирические прилагательные.

METAPHORS IN THE VERBALIZATION OF THE CATEGORIAL CONCEPT «TASTE»

Sofia Moiseeva

Doctor of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia / moisseeva@bsu.edu.ru

Ekaterina Smirnova

Applicant,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia / katerinaus@gmail.com

Abstract

The article deals with the specific features of the nominative field of the categorical concept "Taste" in the Russian, English and French languages. Authors determine metaphorical contexts of taste perception results, create the classification of the metaphorical transfers in the taste perception field, especially synesthetic transfers, and show prospects of continuous study of secondary nomination of the categorical concept «Taste».

Keywords: categorical concept, taste perception, nomination field, transfer, synesthesia, perceptual attributes.

При вербализации признаков, составляющих номинативное поле концепта «вкус» значимое место занимают метафорические переносы, представляющие собой «особый языковой механизм, позволяющий моделировать внутренний мир человека по образцу внешнего, материального» [Спиридонова 2004: 235]. Цель настоящего исследования – выявить на материале трёх разноструктурных языков (русского, английского и французского) национальную лингвокультурную специфику средств вербализации одного из базовых концептов категориального концепта «вкус». Актуальность исследования средств вторичной номинации при вербализации вкусового восприятия обусловлена тем, что в настоящее время в рамках лингвокогнитивного подхода наблюдается активное изучение метафоры как языкового явления, отображающего базовый когнитивный процесс естественной (первичной) и оценочной (вторичной) концептуализации и категоризации предметов и явлений внешнего и внутреннего мира человека [Матвеева 2005: 66]. С когнитивной точки зрения в этой семантической двуплановости заключается специфика метафоры: она используется не только для обозначения какого-либо предмета, но и для выражения субъектом восприятия оценки номинируемого явления [Лаенко 2005]. Материалом исследования стали данные наиболее авторитетных печатных и электронных лексикографических источников, исследуемых языков, энциклопедические и аналогические словари, произведения художественной литературы, Интернет-СМИ, национальные корпуса.

Лингвисты отмечают, что помимо традиционных функций, характерных для метафоры (когнитивной, коммуникативной, прагматической, эвфемистической и др.), перцептивные метафоры обладают специфическими функциями: редукционистской (сведение сложных денотатов к простым, данным в ощущениях) и синтетической [Сергеева 2013: 404]. Особенностью перцептивной метафоры является также фиксирование перцептивных признаков с одного чувственно воспринимаемого признака на другой через мыслительные процессы (синестезия, полирецепторная метафора), в рамках одной модальности на основе внешнего, наглядно воспринимаемого сходства (сенсорная метафора, например, *глубокое озеро – глубокий взгляд*), а при абстрагировании от чувственного восприятия признаков, при переносе от конкретного к абстрактному (эмоционально-рациональная метафора, в которой информация о чувственном компоненте значения в семантике эмпирических прилагательных нейтрализуется) [Мерзлякова 2003: 6].

Исследование метафор в сфере вкусовой перцепции позволило выделить следующие типы переносов:

1. Входящая метафора (перенос во вкусовую модальность):

а) сенсорная метафора – метафорические конструкции с неэмпирическими прилагательными и существительными вкусовой перцепции либо другими лексемами различных частей речи, относящимися по своей семантике к сферам жизнедеятельности, не связанным с восприятием.

В ходе исследования в русском, английском и французском языках были выявлены следующие модели сенсорной метафоры:

– конструкции «существительное вкуса + существительное-эталон, не связанное с едой»: вкусовые характеристики «приобретают» вещества, которые по своей природе не могут восприниматься перцептивными рецепторами, например, жизнь и смерть: *придать вкусу жизни объёмность; associate the smell of truffles with a taste of heaven* ‘ассоциировать запах трюфелей с небесным блаженством’; *le goût de la mort* ‘ощущение смерти’; эмоции и чувства человека: *я ощутила во рту этот тяжёлый вкус – вкус страха; the taste of happiness* ‘вкус счастья’; *la saveur âcre de la fatigue* ‘терпкий вкус усталости’;

– конструкции «существительное характеристики вкуса + существительное вкуса» являются национально-специфичными для русской концептосферы; в них отражено наличие у вкусового восприятия черт, свойственных человеку как субъекту восприятия: *показная смелость вкуса, механизм культурной заданности вкуса*;

– конструкции, наиболее многочисленные, «прилагательное + существительное вкуса». Всё разнообразие метафорических переносов у них сводится к двум основным подгруппам:

а) метафоры, отражающие «характер» вкуса: *воображаемые вкусы; the real taste* ‘настоящий вкус’; *un vrai goût* ‘настоящий вкус’., “возраста” вкуса: *старше вкуса вина... ровесник вкуса воды; le goût n’en est pourtant pas très ancien...* ‘его вкус при этом не такой уж старый’;

б) метафоры с параметрическими прилагательными, например, *сильный / strong / fort; слабый / poor / faible: кашу имеют слабый вкус, с сильным вкусом и нежным ароматом; the food is full of strong, earthy flavors* ‘еда полна сильного, землистого вкуса’; *affiche un fort goût* ‘проявляет крепкий вкус’;

– конструкции «существительное вкуса + предлог + существительное» формируют метафоры со значением «интерес, пристрастие, желание». Данное значение наиболее часто актуализируется с лексемами, номинирующими: науку, искусство, литературу: *вкус к живописи; taste for science* ‘вкус к науке’; *le goût de l’étude* ‘вкус к учёбе’; работу, бизнес: *un goût de travail d’équipe* ‘вкус к командной работе’; свободу, независимость: *вкус к свободе; taste for independence* ‘вкус к независимости’; *son goût de l’indépendance* ‘вкус к независимости’; риск, приключения: *le goût du risque décroît* ‘жажда риска уменьшается’; политику, успех, власть: *вкус к политической славе*.

– конструкция «существительное вкуса + предлог + глагол» свойственна для французской концептосферы и актуализирует сему «интерес, любовь»: *le goût de s’habiller* ‘любовь к красивой одежде

Физиологический синкретизм восприятия и ассоциации чувственных ощущений проявляются также в синестезии, которая как физиологическое явление обусловлена сложностью феномена вкусового восприятия, при котором участвует множество дополнительных раздражителей: вкусовых, обонятельных, температурных и др., возбуждение которых вызывает ощущения боли, прикосновения давления, температурные ощущения [Моисеева 2013: 118]. В лингвистике синестезия – это употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, относящемуся к другому органу чувств [там же 119]. Исследование синестезии поднимает важный вопрос о словесной кодировке вкусовых, обонятельных, осязательных феноменов и недостаточности терминологии, создающей препятствия для культурно-эстетической интеграции и осмысления данной сферы [Вологина 2010: 7]. Учитывая отсутствие жёстких границ между

модусами перцепции, лежащее в основе явления синестезии, учёные полагают, что должны существовать атрибуты, характеризующие одновременно несколько модусов:

1) интрамодальные: сфера приложения которых ограничивается лишь одним перцептивным модусом – *прочный, твёрдый, мягкий, жёсткий*;

2) полимодальные: объективно соотносимые одновременно с несколькими модусами – *гладкий, шероховатый, пушистый, ворсистый, круглый, жидкий, дряблый, плотный*;

3) кроссмодальные: принадлежащие одному перцептивному модусу, но употребляемые и для характеристики параметров другого, например, *мягкий голос* [Рузин 1995: 36].

Зрение, обоняние и слух относятся к дистантным модальностям перцепции, в традиционной ситуации вкусового акта человек сначала видит какой-либо продукт, затем чувствует его аромат, слышит звук продукта (например, хруст свежеспеченного хлеба) и, наконец, вкусовые и тактильные рецепторы ротовой полости передают мозгу сигналы, моделирующие вкусовое восприятие. Примечательно, что при взаимодействии запаха и вкуса достаточно сложно выявить направление воздействия, «провести грань между лексемами вкуса и обоняния, настолько тесно они переплелись» [Мерзлякова 2003: 32]. Поскольку обонятельные и вкусовые анализаторы расположены близко друг к другу, один и тот же объект зачастую воспринимается одновременно обоими типами рецепторов.

Осязание воздействует на вкус как при помощи тактильных рецепторов ротовой полости, так и через температурные факторы. Тесная взаимосвязь вкусового и тактильного модусов объясняется в значительной степени контактностью этих видов восприятия, и тем, что главный рецептор вкусового восприятия – язык, одновременно является и наиболее чувствительным органом осязания, воспринимающим «ощущения плотности, текучести, упругости, теплоты и прохлады» [Бубырева 2011: 49]. Это воздействие находит своё отражение в следующих метафорических переносах:

а) метафоры, отражающие степень приятности для вкусового восприятия признаков поверхности воспринимаемого объекта. Они могут иметь как положительную («приятно воздействующий на вкусовые рецепторы : *шелковистый, бархатистый, нежный / silky / soyeux, velouté, caressant*), так и отрицательную характеристику («неприятно раздражающий и повреждающий органы осязания и вкуса»: *резкий, острый, терпкий / sharp, keen, acute, tangy / râpeux, ardent, brulant, mordicant*);

б) метафоры, вербализующие степень лёгкости восприятия при помощи вкусовых рецепторов: *твёрдый, жёсткий, чёрствый / hard, tough / dur, durci, мягкий / soft, tender / tendre, souple, attendri*;

в) метафоры, характеризующие консистенцию воспринимаемого вкусовыми и осязательными рецепторами вещества: *густой / dense / dense; жирный / greasy / gras; вязкий / viscous / visqueux; сырой / moist / mou*

г) метафоры, номинирующие температуру воспринимаемого вещества: *тёплый, горячий / warm, hot / tiède, chaud, ; холодный, остывший / cold / froid*.

Исходящая метафора (перенос из вкусовой модальности):

а) эмоционально-рациональная метафора, или синкретический эпитет – эмпирические прилагательные вкуса контекстуально используются вне номинативного поля концепта «вкус», переходя в сферу абстрактного. Эти

метафоры основаны на коннотативных значениях прилагательных вкуса и базируются на имеющейся в сознании человека вкусовой культуре и соответствующим эмоциональным состояниям и рациональным суждениям. В семантике эмпирических прилагательных нейтрализуется информация о чувственном компоненте значения и актуализируются возникающие на ассоциативной основе потенциальные признаки, характеризующие качество по более абстрактным аспектам. В связи с этим В.К. Харченко отмечает, что «вкусовые слова «обслуживают» далеко не только процесс восприятия пищи и её оценку. *Сладкая жизнь, острота проблемы, кислая физиономия, вкусить от всех земных благ*, – в таких метафорах «вкус пищи», хотя и на заднем плане, но сохраняет свою отчётливость» [Харченко 2012: 47]. Метафоры этого типа традиционно характеризуются яркой оценочностью, причём знак оценки соответствует аксиологической семантике прилагательного в исходном, прототипическом значении, например: *кислый суп – кислая улыбка; sweet apple* ‘сладкое яблоко’ – *sweet smile* ‘сладкая улыбка’.

б) синестезия – эмпирические прилагательные вкуса, переходящие в другую перцептивную модальность. В данную подгруппу вошли переносы, характеризующие воздействие вкуса на другие перцептивные модальности.

Вкус активно воздействует на зрение, что проявляется в наличии значительного количества метафор, характеризующих:

– параметры воспринимаемого объекта, например, форму, размер (*округлый / round / rond; тонкий / thin / fin*);

– степень интенсивности вкусовых ощущений: *яркий / мрачный / блёклый вкус*.

– цвет объекта, может влиять на его вкусовые качества: так, у прилагательных *зелёный / green / vert* выделяется признак ‘незрелый’.

Воздействие вкуса на запах является взаимонаправленным: вкус часто рассматривается в паре с запахом, а у системы обоняния практически отсутствует собственная номенклатура, то есть более «низкая» система вкуса метафорически проецируется на иерархически более «высокую» систему обоняния [Рузин 1995: 23]. Для обозначения элементарных запахов используется терминология мономодальных вкусов: *горький, сладкий, кислый, солёный запах*, а сложные – номинируются либо с помощью вкусовых терминов (*терпкий, пряный запах*), либо через отсылку к эталону (*грибной запах, запах шоколада* и т.д.) [Котенева 2006].

Вкусовое восприятие может оказывать значительное влияние на слуховое. Прилагательные вкуса обладают достаточно широкой семантической сочетаемостью с существительными, обозначающими всё, что может восприниматься на слух, например, мелодию, музыку (*сладкий аккорд, sweet song* ‘сладкая песня’); голос, произношение (*сладкий голос, приторно-сладкий тон, сочный баритон, too-sweet voice* ‘приторный голос’, *juicy laugh* ‘сочный смех’; *un ton acerbe* ‘резкий тон’); музыкальные инструменты (метафора характерна только для английской концептосферы – *sweet bells* ‘сладкие колокольчики’).

Воздействие вкуса на тактильное восприятие довольно сложно определить, поэтому метафорические переносы из вкусовой перцепции в осязательную практически не встречаются. Немногочисленные контексты, такого переноса, выявленные в английском и французском вербализуют температурный признак в сочетании с существительными, обозначающими погодные явления, например: *bitter wind* ‘холодный ветер’, *un vent pourri* (фр. букв. *гнилой ветер*) ‘сырой ветер’.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что развитие переносных синестетических значений происходит на основе признака оценки, входящей в ядро значения прилагательных. Одним из наиболее частотных видов перцептивной метафоры является синестезия, в ходе анализа выявлено также значительное количество эмоционально-оценочных несинестетических метафор, участвующих в выражении психических состояний или поведенческой характеристики человека.

Изучение метафор в вербализации категориального концепта вкус показало, что в численном отношении наиболее богата метафорическими конструкциями французская концептосфера, тогда как в семантическом отношении существительные и прилагательные вкуса развивают практически идентичные метафорические значения в концептосферах трех исследуемых языков, за исключением незначительных лингвокультурологических особенностей, связанных отчасти с гастрономической традицией того или иного этноса.

Реализация оценочных метафорических значений вкусовыми прилагательными в анализируемых языках обладает национально-специфическими характеристиками: при наибольшем абстрагировании вкусовых признаков от прототипического значения, они показывают также тенденцию перехода в сферы чувств, и эмоций; номинируемый признак в этом случае зачастую носит не объективный, а национально-субъективный характер.

Литература

1. Бубырева Ж.А. Когнитивные основы номинаций осязательного восприятия (на материале русского, французского, английского языков): дисс. ... канд. филол. наук. Белгород: БелГУ, 2011. – 207 с.
2. Вологина О.В. Узуальные интермодальные сочетания и окказиональные синестетические образы в текстах о живописи и музыке // В мире научных открытий. Красноярск, 2010. № 4 (10). Ч. 2. – С. 7-9.
3. Котенева И.А. Номинация запаха во французском языке: дисс. ...канд. филол. наук. Белгород, 2006. – 181 с.
4. Матвеева Т.М. Перцептивная категория вкуса и лингвистические средства ее реализации: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. – 200 с.
5. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие». На материале английского, русского и французского языков. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 352 с.
6. Моисеева С.А. Синестезия и семантическая структура эмпирических прилагательных // Риторика – Лингвистика. Вып. 10. Смоленск: СмолГУ, 2013. – С. 117-124.
7. Рузин И.Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. – 199 с.
8. Сергеева Л.А. Когнитивные процессы и оценочные метафоры // Когнитивные исследования языка. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы. Вып. XIV. Тамбов, 2013. – С. 403-407.
9. Спиридонова Н.Ф. Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 235-241.
10. Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Либроком, 2012. – 216 с.

References

1. Bubyreva Zh.A. Cognitive basis of nomination of the tactile perception (as exemplified in the Russian, French and English languages): thesis ... cand. philol.sc. Belgorod: BelGU, 2011. 207 p.
2. Vologina O.V. Usual intermodal combinations and occasional synesthetic images in the texts about animals and music. In the world of scientific discoveries. Krasnoyarsk, 2010. № 4 (10). Part 2. P. 7-9.
3. Koteneva I.A. Nomination of the smell in the French language: thesis ...cand.philol.sc. Belgorod, 2006. 181 p.
4. Matveeva T.M. Perceptual category of the taste and linguistic ways of its realization: thesis ... cand.philol.sc. Chelyabinsk, 2005. 200 p.
5. Merzljakova A.H. Types of semantic variation of the attributes of the field “Perception”. As exemplified in the English, Russian and French languages. M.: Editorial URCC, 2003. 352 p.
6. Moiseeva S.A. Synesthesia and semantic structure of the perceptual attributes. Eloquence – Linguistic. Smolensk: SmolGU, 2013. Ed. 10. P. 117-124.
7. Ruzin I.G. Perceptual modalities (visual sense, auditory sense, tactual sense, olfactory sense, gustative sense) and their language realization: thesis ... cand.philol.sc. M., 1995. 199 p.

8. Sergeeva L.A. Cognitive processes and evaluation metaphors. Cognitive linguistic: summary and prospects. Issue XIV. Tambov, 2013. P. 403-407.
9. Spiridonova N.F. Plain, straight and smooth, or difficulties to describe the form of an object. Secret meanings: Word. Text. Culture. M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. P. 235-241.
10. Harchenko V.K. Sensory linguistic. Fundamental and applicable aspects. M.: Librokom, 2012. 216 p.

УДК 811.112.2

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД

Найденова Маргарита Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *naidenova@bsu.edu.ru*

Кудрявцева Наталья Борисовна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *nkud@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются немецкие сложные существительные, в составе которых в ранененоверхненемецкий период появляется соединительный элемент *-(e)s-*, *-(e)n-*, *-er-*. Морфемы *-(e)s-*, *-(e)n-*, *-er-* как маркеры родительного падежа единственного числа или множественного числа в именной парадигматике утрачивают своё формообразовательное значение в составе сложного слова и используются в качестве соединительного элемента – пограничного сигнала между корневыми морфемами.

Ключевые слова: сложное существительное, соединительный элемент, субстантивное словосложение, функциональный сдвиг.

STRUCTURAL FEATURES OF GERMAN COMPLEX NOUNS IN THE EARLY-NEW-HIGH-GERMAN PERIOD

Margarita Naydenova

Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod National Research University
Belgorod, Russia / *naidenova@bsu.edu.ru*

Natalia Kudryavtseva

Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod National Research University
Belgorod, Russia / *nkud@mail.ru*

Abstract

In this article are considered German compounds with connective morpheme *-(e)s-*, *-(e)n-*, *-er-* which appears in their structure in early-new-high-german period. Morphemes *-(e)s-*, *-(e)n-*, *-er-* as markers of genitive case singular or plural in the noun paradigmatic lose its form-building function in structure of a compound noun and are used as a connective element - border signal between root morphemes.

Key words: a compound noun, a connective element, the composition, a functional shift.

Несмотря на многие спорные предположения, относительно происхождения элементов, регулярно появляющихся на стыке сложных слов, время их интенсивного использования в этой роли прямо связано с редукцией древних соединительных гласных. Конец средневерхненемецкого (свн) периода знаменует собой начало вышеописанного процесса, который завершается только в конце ранененоверхненемецкого (рнвн) периода, вместе с завершением процесса

8. Sergeeva L.A. Cognitive processes and evaluation metaphors. Cognitive linguistic: summary and prospects. Issue XIV. Tambov, 2013. P. 403-407.
9. Spiridonova N.F. Plain, straight and smooth, or difficulties to describe the form of an object. Secret meanings: Word. Text. Culture. M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. P. 235-241.
10. Harchenko V.K. Sensory linguistic. Fundamental and applicable aspects. M.: Librokom, 2012. 216 p.

УДК 811.112.2

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД

Найденова Маргарита Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *naidenova@bsu.edu.ru*

Кудрявцева Наталья Борисовна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *nkud@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются немецкие сложные существительные, в составе которых в ранененовверхненемецкий период появляется соединительный элемент *-(e)s-*, *-(e)n-*, *-er-*. Морфемы *-(e)s-*, *-(e)n-*, *-er-* как маркеры родительного падежа единственного числа или множественного числа в именной парадигматике утрачивают своё формообразовательное значение в составе сложного слова и используются в качестве соединительного элемента – пограничного сигнала между корневыми морфемами.

Ключевые слова: сложное существительное, соединительный элемент, субстантивное словосложение, функциональный сдвиг.

STRUCTURAL FEATURES OF GERMAN COMPLEX NOUNS IN THE EARLY-NEW-HIGH-GERMAN PERIOD

Margarita Naydenova

Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod National Research University
Belgorod, Russia / *naidenova@bsu.edu.ru*

Natalia Kudryavtseva

Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod National Research University
Belgorod, Russia / *nkud@mail.ru*

Abstract

In this article are considered German compounds with connective morpheme *-(e)s-*, *-(e)n-*, *-er-* which appears in their structure in early-new-high-german period. Morphemes *-(e)s-*, *-(e)n-*, *-er-* as markers of genitive case singular or plural in the noun paradigmatic lose its form-building function in structure of a compound noun and are used as a connective element - border signal between root morphemes.

Key words: a compound noun, a connective element, the composition, a functional shift.

Несмотря на многие спорные предположения, относительно происхождения элементов, регулярно появляющихся на стыке сложных слов, время их интенсивного использования в этой роли прямо связано с редукцией древних соединительных гласных. Конец средневерхненемецкого (свн) периода знаменует собой начало вышеописанного процесса, который завершается только в конце ранененовверхненемецкого (рнвн) периода, вместе с завершением процесса

формирования современных норм употребления артикля и процесса перестройки порядка слов в атрибутивной группе с родительным падежом [Павлов 1958: 13].

Так, проводя сравнительный анализ сложений с одним и тем же именем существительным в качестве первого компонента второй половины 16 века и 12-15 веков (по словарю Лексера), мы выявили стойкую тенденцию к увеличению количества сложных слов с элементами -(e)n- или -(e)s между компонентами.

При словосложении активно используются формативы -(e)n- или -(e)s, которые не всегда выражают значение того падежа, маркерами которого они являются в парадигматике. Образование сложных слов с такой структурой, согласно утверждению Л. А. Жаворонковой, можно считать наиболее активным процессом в словообразовании данного периода.

В диахронии единственно надёжным средством анализа является процесс, а не тождество единицы, не её статус, как это имеет место в синхронии [Мигачёв 1991: 190].

К морфонологическим процессам в диахронии относятся как исследования самих чередований, так и их судьбы- процессы появления и исчезновения алломорфов. Анализ процессов свёртывания и развёртывания морфонологических рядов.

Использование данных словоизменяемых морфем в качестве соединения основ в составе сложного слова вместо утраченных в результате редукции соединительных гласных подтверждают соединения, зафиксированные ранее как полносложные.

Процесс формирования новой оппозиции\системы СЭ в словосложении приводит к сосредоточению различных форм соединения\стыка одного существительного в одинаковой функции и положении определительного члена сложного слова... Данное явление было исследовано Павловым в текстах 16 века. Языковой материал, который Павлов обнаружил, показывает многочисленные примеры «вслепую действующей конкуренции различных форм СЭ в конструкции сложного слова...».

Ср.: esel-treyber = eselen-drijuer
ei-koch = eier-clar

Исследования В.М. Павлова на материале субстантивных определительных композитов 17-18 веков являются ярким доказательством в пользу выдвинутой в данной работе теории. Подробно изучив количественное соотношение изменяемых и неизменяемых форм существительных в качестве первого компонента, автор приходит к выводу, что образование неполносложных композитов выходит в данный период «на передний план исторических процессов развития» [Павлов, 1973:126-127]. «Хотя неизменяемые формы всё ещё удерживают относительный перевес, их доля в общем материале снижается, в то время как доля изменяемых форм возрастает при выборочном отборе» (Павлов, указ. соч.). Общее разделение обеих видов форм, которое показывает таблица, демонстрирует отступление неизменяемых и продвижение изменяемых форм в сопоставленных основных частях материала.

Ранненововерхненемецкие варианты существительного könig в качестве первого компонента композита, формы könig- и königs- (küng-, kuniges-, kinges-), сменяются в ходе дальнейшего нормирования единой унифицированной неполносложной формой königs- (за исключением königreich). Первоначальную древнюю форму удерживают композиты Amtmann и Amtleute, в то время как

словарь Г. Варига приводит 53 сложения с *ants-*. Сложные слова с *eid-* в качестве первого компонента подчиняются «неполносложному» образцу с соединительным элементом *-es*, но композиты *Eidgenosse*, *Eidgenossenschaft* сохраняют образ, который они имеют начиная со средневерхненемецкого. В нововержненемецком преобладают формы *augen-*, *rats-*, *sonnen-*, *todes-* в роли первых компонентов сложений при сохраняющихся немногих «полносложных» композитах *Augapfel*, *Rathaus*, *Sonntag*, *Sonnabend*, *Todfeind* [Павлов 1973:85].

В 17-18 веках, как отмечает В. М. Павлов, действует тенденция к увеличению различных композитов в текстах за счёт возрастания количества композитов с определительными компонентами в изменяемой форме [Павлов 1973:126]. «Масса первых компонентов сложного слова, которые выступают только в изменяемых формах, быстрее возрастает, в большем объёме, чем те определительные существительные, которые появляются только в неизменяемой форме» (Павлов, указ. соч.).

Эти генитивные флексии как семантически и грамматически близкие морфы, используются морфологическим уровнем путем «конверсии их плана содержания» (Мигачев) в качестве новых маркеров оппозиции в системе определительного именного словосложения.

Следует отметить, что именно средневерхненемецкий генитивный ряд наиболее полно (количественно и качественно) представляет флексии, которые оформляют как средневерхненемецкие так и нововержненемецкие композиты. Об этом свидетельствует большое количество детерминативных субстантивных композитов современного немецкого языка, первый компонент которых образует свою генитивную форму, согласно словоизменительной парадигме средневерхненемецкого языка, не смотря на то, что многие ее ряды были к нововержненемецкому периоду эмминированы.

Например:

Свн. – *nasenloch* (*die nase:-en, en*)

Нвн. – *Nasenloch* (*die Nase = ; en*)

Особое внимание следует обратить на то, что флексии *-e-* и *-er-*, выступающие в качестве СЭ в композите, следует рассматривать как синтетические флексии, обозначающие одновременно множественное число и падеж – генитив. Эта тенденция, характерная для средневерхненемецкого периода, преобладает и в словосложении современного немецкого языка.

Таким образом, в системе определительного именного словосложения при активном участии морфологии формировалась новая оппозиция: с одной стороны нулевая морфема или архиморфема, возникшая путем выпадения и редукции «древних» соединительных гласных, с другой собственно оппозиция генитивных флексий, оформляющих первый компонент композита и выступающих в качестве СЭ. После редукции соединительных гласных композиционный шов в составе сложных слов в конце свн периода оказался без отчётливо выраженного грамматического маркера. Морфология ведет активный поиск новых наиболее выразительных средств маркирования оппозиции в данной подсистеме. Для восстановления целостности парадигмы именного словосложения морфологии необходимо было выбрать новые морфологические средства из уже имеющихся в языке, которые путём их символизации смогли бы стать новыми оппозиционными маркерами в данной микросистеме. Наличие морфологических опор в виде складывающейся новой системы склонения по родам и числам, способствовало

выбору морфологией наряду с другими такого средства, как: морфемы *-(e)s-*, *-(e)n-*, *-er-*, используемые в парадигматике как показатель генетива имён существительных. Данная морфема путём «конверсии» ее плана содержания была использована в качестве соединительной прокладки, пограничного сигнала, т. е. выполняла функции, которые ранее выполняли соединительные гласные. Под термином «конверсия» в данном контексте следует понимать процесс функционального сдвига: развитие нового словообразовательного значения у данной формообразовательной морфемы.

Литература

1. Жаворонкова Л. А. Сложные имена существительные в немецком языке второй половины XVI века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. А. Жаворонкова. - М., 1965. - 232 с.
2. Мигачёв В.А. Проблемы диахронической морфонологии германских языков: опыт реконструкции морфонологических процессов. – Белгород: БГПИ, 1991. – 224 с.
3. Павлов В. М. Развитие определительного сложного существительного (с первым компонентом - существительным) в немецком языке: Дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / В. М. Павлов. - Л., 1958. - 402 с.
4. Павлов В. М. Субстантивное словосложение в немецком языке: Дис. ... докт. фил. наук: 10.02.04 / В. М. Павлов. - Л., 1973. - 428 с.
5. Grimm J. Deutsche Grammatik / J. Grimm. - Berlin: Harrwitz und Gossmann, 1878. - Th. 2. - 991 S.
6. Lexers M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / M. Lexers. - Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1956. - Aufl. 28. - 343 S.
7. Paul H. Deutsche Grammatik / H. Paul - Halle (Salle): Niemeyer-Verlag, 1957.
8. Wilmanns W. Deutsche Grammatik Gottisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch / W. Wilmanns. - Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1899. - 671 S - Bd. 5. - 142 S.

References

1. Zhavoronkova L.A. Complex nouns in the German language of the second half of the XVI century: Dis. ... Cand. Philology. Sciences: 10.02.04 / LA Zhavoronkova. - M., 1965. - 232 p.
2. Migachev V.A. Problems of diachronic morphonology Germanic languages: experience of reconstruction morphonological processes. – Belgorod: BSPI, 1991. – 224 p.
3. Pavlov V.M. Development of complex attributive noun (with the first component - noun) in German: Dis. ... Cand. Phil. Sciences: 10.02.04 / V.M. Pavlov. - L., 1958. - 402 p.
4. Pavlov V.M. Substantive word composition in the German language: Dis. ... Doctor. Phil. Sciences: 10.02.04 / V.M. Pavlov. - L., 1973. - 428 p.
5. Grimm J. German grammar / J. Grimm. - Berlin: Harrwitz and Goss man, 1878. – Th. 2 - 991 p.
6. Lexer M. Middle High German Pocket Dictionary / M. Lexer. - Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1956. - Ed 28 – 343 p.
7. Paul H. German grammar / Paul H. Hall (Salle): Niemeyer Verlag, 1957.
8. Wilmann W. German grammar Gottisch, Old, Middle and New High German / W. Wilmann. - Strasbourg: Verlag Karl J. Trübner, 1899. - 671 S - Vol 5 – 142 p.

УДК 81'1

СТИЛИСТИКА ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Невенгловская Наталья Юрьевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков,
Белгородский государственный исследовательский университет
Белгород, Россия / nnevenglowskaya@mail.ru
Науч. рук. д.филол.н., профессор **Седых А.П.**

Аннотация

В статье рассмотрен спектр различных стилистических средств, используемых авторами медиатекстов для наибольшего эмоционального воздействия на аудиторию, а также создания коннотативно наполненного образа. Сделан упор на цель взаимодействия различных функциональных стилей внутри медиатекста, выявлена их роль в создании определенного настроения.

выбору морфологией наряду с другими такого средства, как: морфемы *-(e)s-*, *-(e)n-*, *-er-*, используемые в парадигматике как показатель генетива имён существительных. Данная морфема путём «конверсии» ее плана содержания была использована в качестве соединительной прокладки, пограничного сигнала, т. е. выполняла функции, которые ранее выполняли соединительные гласные. Под термином «конверсия» в данном контексте следует понимать процесс функционального сдвига: развитие нового словообразовательного значения у данной формообразовательной морфемы.

Литература

1. Жаворонкова Л. А. Сложные имена существительные в немецком языке второй половины XVI века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. А. Жаворонкова. - М., 1965. - 232 с.
2. Мигачёв В.А. Проблемы диахронической морфонологии германских языков: опыт реконструкции морфонологических процессов. – Белгород: БГПИ, 1991. – 224 с.
3. Павлов В. М. Развитие определительного сложного существительного (с первым компонентом - существительным) в немецком языке: Дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / В. М. Павлов. - Л., 1958. - 402 с.
4. Павлов В. М. Субстантивное словосложение в немецком языке: Дис. ... докт. фил. наук: 10.02.04 / В. М. Павлов. - Л., 1973. - 428 с.
5. Grimm J. Deutsche Grammatik / J. Grimm. - Berlin: Harrwitz und Gossmann, 1878. - Th. 2. - 991 S.
6. Lexers M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / M. Lexers. - Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1956. - Aufl. 28. - 343 S.
7. Paul H. Deutsche Grammatik / H. Paul - Halle (Salle): Niemeyer-Verlag, 1957.
8. Wilmanns W. Deutsche Grammatik Gottisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch / W. Wilmanns. - Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1899. - 671 S - Bd. 5. - 142 S.

References

1. Zhavoronkova L.A. Complex nouns in the German language of the second half of the XVI century: Dis. ... Cand. Philology. Sciences: 10.02.04 / LA Zhavoronkova. - M., 1965. - 232 p.
2. Migachev V.A. Problems of diachronic morphonology Germanic languages: experience of reconstruction morphonological processes. – Belgorod: BSPI, 1991. – 224 p.
3. Pavlov V.M. Development of complex attributive noun (with the first component - noun) in German: Dis. ... Cand. Phil. Sciences: 10.02.04 / V.M. Pavlov. - L., 1958. - 402 p.
4. Pavlov V.M. Substantive word composition in the German language: Dis. ... Doctor. Phil. Sciences: 10.02.04 / V.M. Pavlov. - L., 1973. - 428 p.
5. Grimm J. German grammar / J. Grimm. - Berlin: Harrwitz and Goss man, 1878. – Th. 2 - 991 p.
6. Lexer M. Middle High German Pocket Dictionary / M. Lexer. - Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1956. - Ed 28 – 343 p.
7. Paul H. German grammar / Paul H. Hall (Salle): Niemeyer Verlag, 1957.
8. Wilmann W. German grammar Gottisch, Old, Middle and New High German / W. Wilmann. - Strasbourg: Verlag Karl J. Trübner, 1899. - 671 S - Vol 5 – 142 p.

УДК 81'1

СТИЛИСТИКА ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Невенгловская Наталья Юрьевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков,
Белгородский государственный исследовательский университет
Белгород, Россия / nnevenglowskaya@mail.ru
Науч. рук. д.филол.н., профессор **Седых А.П.**

Аннотация

В статье рассмотрен спектр различных стилистических средств, используемых авторами медиатекстов для наибольшего эмоционального воздействия на аудиторию, а также создания коннотативно наполненного образа. Сделан упор на цель взаимодействия различных функциональных стилей внутри медиатекста, выявлена их роль в создании определенного настроения.

Медиа́текст – есть реализация диалоговых стратегий с публикой, вобравший в себя элементы различных функциональных стилей, с целью создания определенного сообщения, формирующего общественное мнение и сознание, и имеющего своей целью побуждение к действию или выявление проблемных вопросов в обществе.

Ключевые слова: функциональный стиль, медиа́текст, ассоциативный образ, диалоговые стратегии общения с публикой.

STYLISTICS OF NEWSPAPER DISCOURSE IN LINGUOCULTURAL ASPECT

Natalia Nevenglovskaya

Master's Degree Student,
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *nnevenglovskaya@mail.ru*
Scientific Director, Professor **Sedykh A.P.**

Abstract

The article deals with the range of diverse stylistic means, used by the authors of the mediatexts for the great emotional influence on the audience and creation of the connotative image. The article aimed to discover the interaction of different functional styles in mediatexts and their functioning role in creation of the certain text mood. Mediatext is considered as the realization of the dialogue strategies with the public that include the elements of different functional styles forming the public conscience and aimed to discover problematic social issues and rouse to action.

Keywords: functional style, mediatext, associative image, dialogue strategies of communication with public

СМИ стали настолько неотъемлемой частью нашей жизни, что невозможно представить ее без наличия новостей, телепередач и радиовещания, изливающих разнообразную информацию на слушателей. Ни для кого не секрет, что масс медиа давно являются еще одной ветвью власти, формирующей общественное мнение и влияющей на сознание общественности. Конечно, выполнение этой функции невозможно без использования языка и определенного стиля речи. Ведь для воздействия на читателя необходимо говорить не только на понятном ему языке, но и затрагивать его душевное состояние, чувства и эмоции, определенную концептосферу, а также играть на ассоциативных связях, создавая аналогии. Все это являет собой тесную связь языка с мышлением, с психологией и, в конечном счете, с культурой и ее развитием. В данной статье мы попробуем выделить определенные стилистические средства в прессе, воздействующие на читателя наибольшим образом.

Для начала стоит определить понятие функциональный стиль. Согласно определению лингвистического энциклопедического словаря, функциональный стиль – это разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере [10]. Академик В.В. Виноградов рассматривает стиль как «общественно осознанную, функционально обусловленную, внутренне объединённую совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств общения в сфере того или иного общенационального языка, соотносительную с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [2]. На наш взгляд, наиболее полно охватывает все аспекты функционального стиля определение, данное Г.Я. Солганик. Она понимает функциональный стиль как разновидность литературного языка, выполняющую определенную функцию в общении, что устанавливает определенную манеру изложения, в соответствии с которой функциональный стиль

отбирает из литературного языка те слова и выражения, те формы и конструкции, которые могут наилучшим образом выполнять внутреннюю задачу данного стиля. За каждым стилем закреплен свой круг тем, и свое содержание [12]. В нашей работе мы будем придерживаться данной точки зрения.

Функциональный стиль публицистики вобрал в себя элементы различных стилей. В нем присутствуют элементы научного и официально-делового стиля, который прослеживается в узкоспециализированных и аналитических статьях, и элементы художественного стиля, призванные заинтересовать читателя и раскрыть суть сообщения через апеллирование к стилистическим тропам и фигурам речи, а также разговорная и, порой, жаргонная лексика, позволяющая остро выразить отношение журналиста к какой-либо злободневной проблеме. Благодаря использованию данных средств, а также умелому сочетанию различных стилей в повествовании возникает ощущение непосредственного диалога с публикой – именно так происходит реализация диалоговых стратегий. Ирина Владимировна Ерофеева подмечает наличие двух линий в общении: обращение к чувствам и разуму аудитории. Как правило, чувственная апелляция занимает большую часть информационного сообщения. Она передается сквозь повествовательный текст сообщения, за счет определенной лексики и грамматических конструкций, использованных автором, его комментариев, аллюзий и аналогий и стилистического настроения в целом. Диалоговые стратегии в СМИ также реализовываются через создание яркой системы образов, поскольку он передает сразу несколько ключевых идей, затрагивает ряд ассоциативных связей и создает параллели с другими событиями. Медиаобщение является не просто процессом обмена информацией, а способом ее переосмысливания и усвоения.

Согласно выделенным Г.Я. Солганник особенностям каждый функциональный стиль отражает определенную сторону общественной жизни и имеет особую сферу применения, а также главную задачу речи. Благодаря высокой степени открытости и престижности использования, язык СМИ придает языковым единицам статус всеобщности, постепенно переводя их в разряд литературных. СМИ являются своего рода эталоном литературного языка, и то, какие изменения они претерпевают, влияет и на литературный язык в целом. Поскольку доминирующей темой в СМИ всегда является политические отношения внутри страны и между государствами, можно сказать, что именно политическая сфера является той осью, вокруг которой вращается вся лексическая и стилистическая составляющая языка. А значит, именно благодаря этой области освещения событий язык насыщается новыми реалиями и новой лексикой. Доминирующей лексикой публицистики является лексика, выражающая важные идеологические понятия. Она является концептуальной и отражает «суть переживаемого обществом исторического момента» [13]. Ее особенность - наличие социальной оценочности и восприимчивость к социальным воздействиям.

Именно благодаря своей актуальности и насущности публицистика не терпит сухого изложения фактов, в ней всегда присутствует довольно сильный элемент эмоциональной оценочности. Задача журналиста заключается в умелом и ненавязчивом создании эмоционального настроения посредством стилистических приемов. Ключевым инструментом здесь является яркая система образов. Он является неким концентратом, несущим в себе ядро информации. Образ передает сразу несколько ключевых идей, затрагивает ряд ассоциативных связей и создает параллели с другими событиями. Все это рождает определенный

психоэмоциональный фон и формирует общественное мнение [5]. Основным инструментом в создании образа является умелое создание автором текста метафор, иронии, сравнений и параллелизмов, играющих на ассоциативном мышлении аудитории, при котором актуализация одного образа или переживания вызывает и актуализацию другого.

Например, известный и уважаемый журналист Владимир Соловьев создает очень яркие медиатексты, используя в речи наряду с литературным языком меткие, саркастичные разговорные фразы и даже волонтаризмы. Говоря о поведении украинского актера Владимира Зеленского, который крайне негативно отзывается о России и спонсирует войну на Украине, но при этом снимается в российских фильмах, Владимир Соловьев называет его в прямом эфире *«бандеровским недобитком»*, который приедет в нашу страну *«собирать деньги для тупых ватников»*. Использование его соведущей (Анна Шафран) эпитета *«талантливый»* в отношении актера в контексте фразы *«своих артистов у нас в стране не хватает, конечно, остро. Приходится приглашать со стороны талантливых. Потому что...второго же такого нет»* представляет собой явный сарказм, последующее соглашение Владимира Соловьева с нарочито поддерживающей интонацией выявляет еще более острую насмешку *«конечно, это же очевидно, мы же лохи»* [18]. Таким образом, на данном примере мы видим, как посредством лексических средств и сниженной лексики формируется негативное чувство обиды за страну и несправедливости того, что люди *«откровенно гадящие в сторону нашей страны»* зарабатывают деньги при поддержке нашего же государства.

Таким образом, создание медиатекста есть ассоциативное действие, способное окружать описываемые предметы и явления приятными и неприятными ассоциациями. Например, колкие ироничные замечания Владимира Соловьева создают определенные ассоциации у зрителя. Перечисляя темы дальнейшего разговора в своей передаче и упоминая об отношениях с США и Евросоюзом, он использует сочетание *«поговорим о наших заклятых друзьях»*, за счет известного речевого штампа *«заклятые враги»* мгновенно возникает негативная ассоциация, благодаря чему зрители понимают иронию автора. Освещая тему экономического развития в разговоре с Владимиром Жириновским и парируя его предложению о том, что России необходимо производить то, что у нее хорошо получается, а не развивать те отрасли, которые не будут конкурентоспособны по сравнению с другими мировыми гигантами, Владимир Соловьев саркастично замечает *«наши пусть едят картошку, сало и носят лапти»*, тем самым выражая не только свое несогласие, но и формируя негативное мнение к этой идее у публики. Спрашивая Владимира Вольфовича о прогнозах на будущее, Владимир Соловьев использует мягкую иронию *«Вместо бабки Ванги у нас в стране свой старик Вольфович»*, вызывая у зрителя ассоциативную связь с шутовством и комедией [18].

Излюбленным образом западных СМИ является образ России-агрессора. *«The district includes troops stationed in Crimea, the Black Sea peninsula that Russia annexed from Ukraine in 2014, as well as forces in the North Caucasus and southwestern regions near the border with Ukraine»* (Район включает в себя войска, расположенные в Крыму, на полуострове Черного моря, который Россия захватила у Украины в 2014 году, а также группировки войск на Северном Кавказе и в юго-западных районах недалеко от границы с Украиной) [19].

В данной статье рассказывается о военных учениях, проведенных Россией, однако весь текст построен так, чтобы показать, как Россия готовит новые

«попытки захвата территории». Использование автором фразы «that Russia annexed from Ukraine in 2014» (который Россия захватила в 2014 году) уже создает негативный образ захватчика, дальнейшее выражения «*as well as forces in the North Caucasus and southwestern regions near the border with Ukraine*» (так же как и группировки войск на Северном Кавказе и в юго-западных районах недалеко от границы с Украиной) служит своего рода предостережением к новым попыткам захвата. Последующая фраза «*despite the nation's economic downturn*» (несмотря на спад в экономике) в сочетании с временем Present Perfect, подчеркивающим результат «*They have continued*» (они продолжили) создает ощущение «борьбы из последних сил»:

«*The exercises are the latest in a series of major drills intended to strengthen the military's readiness. They have continued despite the nation's economic downturn*» (Учения являются последними в серии крупных учений, направленных на укрепление боевой готовности. Учения продолжаются, несмотря на экономический спад в стране) [19].

Одновременно с формированием образа-агрессора, в статье выражается насмешка над Россией. Автор называет данные учения «игрой мускул» (*muscle flexing*) перед Турцией:

«*The latest drills could be part of muscle flexing amid the tensions with Ankara*» (Последние учения могли бы стать игрой мускул на фоне напряженных отношений с Анкарой) [19].

Название заголовка также является едкой насмешкой над Россией:

«*Putin rattles Russia's saber with massive military drills*» (Россия размахивает шашкой с массивными военными учениями) [19].

Финальным аккордом в статье является призыв командующего генерал армии США к сдерживанию России от дальнейшего захвата.

«*"It is already sending a powerful signal to allies," Lt. General Ben Hodges, the commanding General of U.S. Army Europe, told CBS News. "It also sends a powerful message about deterrence, deterring Russia from further aggression from what it started two years ago when it annexed Crimea."*» («Мощный сигнал союзникам уже послан», сказал генерал-лейтенант Бен Ходжес, командующий генерал армии США Европе CBS News." Он также посылает мощный сигнал о сдерживании, сдерживании России от дальнейшей агрессии со стороны, начавшейся два года назад, когда она присоединила Крым ") [19].

В немецких СМИ заявления Барака Обамы расцениваются более критично, они склонны к полноценному анализу данных и выяснению всех деталей. Например, использование таких слов как «заклинать» (*beschwor*) в комментарии к цитате Барака Обамы, говорит о недоверии его словам: "*Sie können sich darauf verlassen, dass Ihr größter Verbündeter und Freund, die Vereinigten Staaten von Amerika, an Ihrer Seite stehen. Schulter an Schulter, jetzt und für immer", beschwor der US-Präsident die Europäer in seiner Rede.*" (Вы можете полагаться на то, что Ваши самые большие союзники и друзья, Соединенные Штаты Америки, стоят на Вашей стороне. Плечо к плечу, сейчас и навсегда", заклинал европейцев в своей речи президент США) [20].

Таким образом, мы видим, как благодаря использованию таких средств как оксюморон, ирония, сарказм, игра с речевыми штампами, метафоры и сравнения, использование разговорной лексики СМИ формируют желаемые образы, на которые наслаиваются определенная ассоциативная коннотация, они формируют

общественное мнение и отношение населения к той или иной проблеме. Однако насколько беспристрастно информировать о событиях решает сам автор, в данной статье мы не рассматривали проблему этики журналиста, мы старались показать те стилистические способы, которые используют журналисты для создания определенного образа и ассоциации. На основе проделанной работы мы можем сказать, что для российской и англоязычной прессы характерно эмоционально-оценочное описание событий, однако стоит заметить, что англоязычная пресса больше склонна к оценочности суждений и насыщению текста определенной коннотацией в чей-либо адрес, чем российская. В отношении немецкоговорящей прессы, можно сделать вывод о ее несклонности к эмоциональной оценке, напротив, ей свойственна аналитическая оценка фактов, речей и событий. Мы проследили некую зависимость, представленную выше, между языковой личностью и степенью оценочности речи в масс медиа.

Литература

1. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М.: Флинта. Наука, 5-е изд. – 2010. – 35 с.
2. Виноградов, В. В. О понятии «стиля языка» (применительно к истории русского литературного языка). Изв. АН СССР, Сер. ОЛЯ, 1955, т. 14, в. 4.
3. Гальперин, И.Р. Стилистика. – Москва, 1977 – 58 с.
4. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: АCADEMIA, 1998. – 430 с.
5. Ерофеева, И.В. Язык современных СМИ: проблема миромоделирования // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32) – 38с.
6. Ерофеева, И. В. Современный медиатекст в когнитивных пространствах «творчества» и «креатива»: аксиология конфликта // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия Филология, история, востоковедение. 2012/ 2 (43). – С. 228-233.
7. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
8. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
9. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. – 287 с.
10. Советская энциклопедия. Научно-редакционный совет издательства «Советская энциклопедия» институт языкознания АН СССР Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва, 1990 – 158 с.
11. Скребнев, Ю.М. Fundamentals of English Stylistics. – Москва, 2003 – 78 с.
12. Солганик, Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. - М.: Флинта, Наука, 1997. – 256 с.
13. Солганик Г.Я. Язык СМИ на современном этапе. – М., Флинта. Наука, 2010 – 218 с.
14. Шилина, М. Г. Мифы интернета: техногенность VS текстогенность // Миф и мифотворчество в междисциплинарной научной парадигме: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – С. 32.
15. Радиоэфир 25.02.2016 «Мы спонсируем тех, кто нас ненавидит» URL: <http://vsoloviev.ru/radio/> (дата обращения 25.02.2016).
16. Телеэфир «Воскресный вечер», эфир 24.04.2016 URL: <http://vsoloviev.ru/sunday/> (дата обращения 24.04.2016).
17. «Putin rattles Russia's saber with massive military drills» CBC News Interactive Inc. February 8, 2016 <http://www.cbcnews.com/news/putin-southwest-russia-massive-military-drills/>.
18. «Obama redet Europäern ins Gewissen», Sabine Kinkartz, April 2016 <http://www.dw.com/de/obama-redet-europ%C3%A4ern-ins-gewissen/a-19213750>.

References

1. Arnold, I.V. Stylistics. Modern English: Textbook for Higher Educational Establishments. Moscow: Flinta. Nauka, 5 ed. – 2010 – 35 p.
2. Vinogradov, V.V. About the Notion of "Language Style" (with Reference to the History of Russian Literary Language // Izv. AN USSR", Ser. OLYA, 1955, V. 14, Iss. 4.
3. Galperin, I.R. Stylistics. – Moscow, 1977 – 58 p.
4. Gachev, G. D. National images of the world: Course of Lectures. M.: ACADEMIA, 1998. – 430 p.
5. Erofeeva I.V. The Language of Modern Media: the Problem of Modelling of the World // Humanities vector. 2012. № 4 (32) – 38 p.

6. Erofeeva, I. V. Modern Media Text in the Cognitive Spaces of "Creation " and "Creativity ": Axiology of Conflict // Scientific Notes of the Transbaikal State Humanitarian Pedagogical University n.a. N.G. Chernyshevsky . Ser. Philology, History, Oriental Studies. 2012/ 2(43). – Pp. 228-233.
7. Zalevskaja, A.A. Psycholinguistic research. Word. Text: Selected Works. M.: Gnozis, 2005. – 543 p.
8. Karasik, V.I. Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. – 477 p.
9. Leont'ev, A. A. Fundamentals of Psycholinguistics. M.: Smysl, 1999. – 287 p.
10. Soviet Encyclopedia. Scientific and Editorial board of the publishing house "Soviet Encyclopedia" Institute of Linguistics of the USSR Academy of Linguistic Encyclopedic Dictionary , Ed . V.N. Yartseva, 1990 – 158 p.
11. Skrebnev, Y.M. Fundamentals of English Stylistics. – Moscow, 2003 –78 p.
12. Solgannik, G.J. Stylistics of the Text: study guide. – M.: Flinta. Nauka, 1997. – 256 p.
13. Solgannik, G.J. Language of Media at the Present Stage. – M., Flinta. Nauka, 2010 – 218 p.
14. Shilina, M. G. Internet Myths: Technogenic VS Tekstogennost // Myth and Myth-Making in an Interdisciplinary Scientific Paradigm: Materials of All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation / ed. A.D. Krivonosov. SPb: Izd-vo SPbGUJEF, 2012. – Pp. 32-35.
15. Radio Air 25.02.2016 «We Sponsor those who Hate us» URL: <http://vsoloviev.ru/radio/> (date of access February 25, 2016).
16. TV Air 24.04.2016 «Sunday evening», URL: <http://vsoloviev.ru/sunday/> (date of access April 24, 2016).
17. «Putin rattles Russia's saber with massive military drills» CBC News *Interactive Inc. February 8, 2016* <http://www.cbsnews.com/news/putin-southwest-russia-massive-military-drills/>.
18. «Obama redet Europäern ins Gewissen», Sabine Kinkartz, April 2016 <http://www.dw.com/de/obama-redet-europ%C3%A4ern-ins-gewissen/a-19213750>.

УДК 81.373.44

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА В РОМАНЕ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА «БАСУРМАН»

Проскурнина Людмила Васильевна

ассистент кафедры филологии
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / proskurnina@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию лексических средств выражения исторического колорита в романе И.И. Лажечникова «Басурман». На протяжении многих веков история являлась объектом художественного творчества писателей и поэтов. Воссоздавая в произведении историческое прошлое, мастера художественного слова всегда стремились отразить исторический колорит эпохи, на фоне которой происходили описываемые ими события. В статье отобраны и проанализированы лексические единицы (слова, словосочетания и предложения), способствующие воссозданию исторического колорита эпохи Ивана III. Данные лексемы называют материальные предметы национального быта и культуры, а так же явления и понятия духовной жизни русского народа XV столетия. Их объяснение с лингвистического и историко-культурологического аспектов помогает раскрыть исторический колорит художественного произведения. Особое внимание уделено классификации слов-реалий по тематическому признаку: бытовые, общественно-политические, географические.

Ключевые слова: исторический роман, исторический колорит, лексикологи, слова-реалии, историзм, архаизм

LEXICAL MEANS OF EXPRESSING OF HISTORICAL COLOUR IN THE NOVEL OF I.I. LAZHECHNIKOV «BASURMAN»

Lyudmila Proskurnina

Assistant of the department of philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / proskurnina@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to lexical means of expression of historical colour in the novel of I. I. Lazhechnikov «Basurman». History is the object of artistic creativity of writers and poets. Writers recreate the historical past in his novels. They reflect the historical colour of the era. Selected and analysed lexical units (words, phrases and

6. Erofeeva, I. V. Modern Media Text in the Cognitive Spaces of "Creation " and "Creativity ": Axiology of Conflict // Scientific Notes of the Transbaikal State Humanitarian Pedagogical University n.a. N.G. Chernyshevsky . Ser. Philology, History, Oriental Studies. 2012/ 2(43). – Pp. 228-233.
7. Zalevskaja, A.A. Psycholinguistic research. Word. Text: Selected Works. M.: Gnozis, 2005. – 543 p.
8. Karasik, V.I. Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. – 477 p.
9. Leont'ev, A. A. Fundamentals of Psycholinguistics. M.: Smysl, 1999. – 287 p.
10. Soviet Encyclopedia. Scientific and Editorial board of the publishing house "Soviet Encyclopedia" Institute of Linguistics of the USSR Academy of Linguistic Encyclopedic Dictionary , Ed . V.N. Yartseva, 1990 – 158 p.
11. Skrebnev, Y.M. Fundamentals of English Stylistics. – Moscow, 2003 –78 p.
12. Solgannik, G.J. Stylistics of the Text: study guide. – M.: Flinta. Nauka, 1997. – 256 p.
13. Solgannik, G.J. Language of Media at the Present Stage. – M., Flinta. Nauka, 2010 – 218 p.
14. Shilina, M. G. Internet Myths: Technogenic VS Tekstogennost // Myth and Myth-Making in an Interdisciplinary Scientific Paradigm: Materials of All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation / ed. A.D. Krivonosov. SPb: Izd-vo SPbGUJEF, 2012. – Pp. 32-35.
15. Radio Air 25.02.2016 «We Sponsor those who Hate us» URL: <http://vsoloviev.ru/radio/> (date of access February 25, 2016).
16. TV Air 24.04.2016 «Sunday evening», URL: <http://vsoloviev.ru/sunday/> (date of access April 24, 2016).
17. «Putin rattles Russia's saber with massive military drills» CBC News *Interactive Inc. February 8, 2016* <http://www.cbsnews.com/news/putin-southwest-russia-massive-military-drills/>.
18. «Obama redet Europäern ins Gewissen», Sabine Kinkartz, April 2016 <http://www.dw.com/de/obama-redet-europ%C3%A4ern-ins-gewissen/a-19213750>.

УДК 81.373.44

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА В РОМАНЕ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА «БАСУРМАН»

Проскурнина Людмила Васильевна

ассистент кафедры филологии
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / proskurnina@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию лексических средств выражения исторического колорита в романе И.И. Лажечникова «Басурман». На протяжении многих веков история являлась объектом художественного творчества писателей и поэтов. Воссоздавая в произведении историческое прошлое, мастера художественного слова всегда стремились отразить исторический колорит эпохи, на фоне которой происходили описываемые ими события. В статье отобраны и проанализированы лексические единицы (слова, словосочетания и предложения), способствующие воссозданию исторического колорита эпохи Ивана III. Данные лексемы называют материальные предметы национального быта и культуры, а так же явления и понятия духовной жизни русского народа XV столетия. Их объяснение с лингвистического и историко-культурологического аспектов помогает раскрыть исторический колорит художественного произведения. Особое внимание уделено классификации слов-реалий по тематическому признаку: бытовые, общественно-политические, географические.

Ключевые слова: исторический роман, исторический колорит, лексикологи, слова-реалии, историзм, архаизм

LEXICAL MEANS OF EXPRESSING OF HISTORICAL COLOUR IN THE NOVEL OF I.I. LAZHECHNIKOV «BASURMAN»

Lyudmila Proskurnina

Assistant of the department of philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / proskurnina@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to lexical means of expression of historical colour in the novel of I. I. Lazhechnikov «Basurman». History is the object of artistic creativity of writers and poets. Writers recreate the historical past in his novels. They reflect the historical colour of the era. Selected and analysed lexical units (words, phrases and

sentences). Lexical units contribute to the restoration of the historical colour of the era of Ivan III. These word-realities called material objects of national life and culture, events and concepts of the spiritual life of the Russian people of the XV century. Their explanation from a linguistic and historical-cultural aspects helps to explain the historical colour of the artwork. Special attention is paid to the classification of words-realities by subject matter: domestic, social, political, geographical.

Keywords: historical novel, historical colour, lexicology, words-realities, archaism, archaism

Предметом исследования являются слова-реалии как способ передачи фоновой информации в художественном тексте. «Слова-реалии» мы будем использовать как рабочий термин, объединяющий «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Бархударов: 1975, 95]. Мы считаем, что вопрос о группировке таких слов, являющихся составной частью текста художественного произведения, представляет особый интерес. Несмотря на наличие ряда работ по данной проблеме. Эти слова, как считают В.С. Виноградов, Э. Медникова, Н.И. Паморозская и др., нельзя рассматривать без учета ансамбля функций этих слов в контексте самого произведения. Слова-реалии являются носителем лингвокультурологического компонента, поэтому представляют огромный интерес и в аспекте межкультурной коммуникации.

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой реалии трактуются как «предметы материальной культуры, а также в классической грамматике разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке» [Ахманова: 1966, 381]. В своем понимании реалий мы придерживаемся точки зрения С. Влахова и С. Флорина, выделяющих их в особую категорию средств выражения, которые называют «предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит» [Влахов, Флорин: 1986, 48]. Исходя из данной трактовки слов-реалий, наблюдается наличие тесной связи обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с народом или страной, с одной стороны, и историческим отрезком времени – с другой. Следовательно, «реалиям присущ соответствующий национальный или исторический колорит [Влахов, Флорин: 1986, 39].

В современной лингвистической науке не выработано единой классификации слов-реалий. Существуют классификации Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров 1983: 60-64], Л.С. Бархударова [Бархударов: 1975, 94], Г.Д. Томахина [Томахин: 1988, 46-197]. Причем, Г.Д. Томахин исследовал проблему определения реалий и их классификации на основе американской действительности. Полная и развернутая классификация слов-реалий предложена в монографии С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин 1986:59-88]. Ученые выделяют следующие тематические группы:

1) географические реалии: названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии; названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью; названия эндемиков (животных и растений);

2) этнографические реалии: быт (пища, напитки; одежда; жилье, мебель, посуда; транспорт); труд (люди труда, орудие труда, организация труда); искусство и культура (музыка и танцы, музыкальные инструменты, фольклор, театр, исполнители; обычаи, ритуалы, праздники, игры, мифология, культы-служители и

последователи, календарь); этнические объекты (этнонимы, клички, названия лиц по месту жительства); меры и деньги (единицы мер, денежные единицы);

3) общественно-политические реалии: административно-территориальное устройство: (административно-территориальные единицы, населенные пункты); органы и носители власти, общественно-политическая жизнь (политические организации и политические деятели, патриотические и общественные движения, социальные явления и движения, звания, степени и т. п., учреждения, учебные заведения и культурные учреждения, сословия и касты, сословные знаки и символы; военные реалии (подразделения, оружие, обмундирование, военнослужащие).

Эту классификацию мы возьмем за основу анализа исторического И.И. Лажечникова – писателя первой трети XIX века, которого по праву называют русским Вальтером Скоттом, создателя жанра исторического романа в отечественной литературе. Объясняя свою приверженность жанру исторического романа, И.И. Лажечников считал, что, роман «должен следовать более поэзии истории, нежели хронологии ее». Дело писателя «не быть рабом чисел: он должен быть только верен характеру эпохи и двигателя ее, которых взялся изобразить» [Лажечников: 1994, 14]. Свою миссию И.И. Лажечников, таким образом, видел в выборе «самых блестящих, самых занимательных событий, которые вяжутся с главным лицом его рассказа...» [Лажечников: 1994, 14].

Исторические романы И.И. Лажечникова панорамно охватывают масштабные события и отдельные судьбы, выявляют закономерности и тенденции изображаемой эпохи через пеструю мозаику субъективного человеческого опыта. Сюжеты романов отображают столетние периоды истории: «Последний Новик» – эпоху правления первого русского императора Петра I, «Ледяной дом» – время царствования Анны Иоанновны, названное в истории России «бироновщиной», в «Басурмане» перед читателем предстает период правления Иоанна III.

В результате проведенного исследования текста романа «Басурман» были выделены группы лексических единиц, содержащих в своем значении исторический компонент. Достаточно часто И.И. Лажечников сам дает трактовку упоминаемых им слов-реалий, что является характерной чертой писателя как языковой личности. Объясняется это серьезной подготовкой автора как документоведа и вместе с тем заботой о правильном понимании текста читателями последующих эпох. Такие пояснения автором включаются в канву самого предложения, что облегчает восприятие текста, делая его более естественным и пластичным. Вместе с тем автор регулирует количество комментариев, не перегружая ими текст романа и не осложняя развитие действия.

Бытовые реалии

Ведущую группу бытовых слов-реалий образуют обозначения жилища, имущества.

Используя бытовые реалии, автор передает атмосферу уюта, детально описывая внутреннее устройство здания, служащего жилищем для русского боярина. Приведем в качестве примера описание дома московского воеводы и боярина Василия Федоровича Симского (Образца): «*Этот дом был каменный, строен на славу иноземными мастерами и прозван ими паластом, почему и наши с этого времени стали называть каменные дома палатами*» [Лажечников: 1994, 73-74]. В данном контексте писатель объясняет происхождение названия боярских домов – палат. Универсальный немецко-русский словарь дает следующее определения существительному «паласт»: *palast* – сущ. 1) палаццо, дворец; 2)

замок. И.И. Лажечников подробно останавливается на описании внешнего вида дома боярина: «...дом Образца был большая каменная игрушка, невиданная на Руси ... стены построены с иную улицу московскую: откуда ни поглядишь на него, везде затеи, выведенные будто волшебной рукой. Окна глубоко и украдкою уходят в дом ... над каждым окном и под ним ветви пальмовые и виноградные кисти. Все это высечено из камня... Выпуклости выкрашены желтою краскою, а пустые между ними места голубою. Кровля из немецкого железа, выбитого так тонко, как лист на дереве, жаром горит» [Лажечников: 1994, 74].

Автор детально описывает и внутреннее устройство здания: мебель, посуду в доме Образца: «От стен несколько отсторонились две лавки, покрытые суконными полавочниками; между ними вытягивался дубовый стол, девственной чистоты, с резными ножками и ящиками, а на нем стояли оловянный и серебряная стопа и лежала серебряная черпальница. Перед столом, на почетном месте, чванилась своею узорностью диковинная седальница, вроде складных кресел» [Лажечников: 1994, 81].

В данном отрывке несколько слов-реалий требуют пояснения. *Полавочник* – покрывало на лавку или скамью [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1990, 16, 190]. Известно, что полавочник сшивался из нескольких кусков ткани разного цвета: середина была одного цвета, а каймы, свисавшие с лавки, делали другого цвета. Полавочники и каймы иногда украшали вышитыми узорами, травами, изображениями зверей и птиц. В богатых домах полавочник шился из бархата. *Оловянный* – 1. оловянный (а также любой металлический) сосуд типа кружки или стакана. 2. Оловянный сосуд для хранения жидкости (преимущественно спиртного) [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1987, 12, 360]. *Черпальница* – разг. сосуд для черпанья; ковш, черпак [Словарь русского языка: 1988, 4, 668]. *Седальница* – устар. место для сидения [Словарь русского языка: 1988, 4, 68].

Великокняжеские палаты выглядели еще роскошнее: «*Хоромины великокняжеские состояли из нескольких клетей, углубленных или выдавшихся из главного строения. Они отличались, по назначению своему или расположению, названиями: сенника, избы средней, брусной, постельной, столовой, гридни, повалуши, теремов и так далее. Со всех сторон окружали их переходы под навесами и с глухими перилами, которые примыкали к домовою церкви и часовням*» [Лажечников: 1994, 57].

Клеть – 1. Холодная (без печи) бревенчатая (или достчатая) жилия постройка; хижина, дом. 2. Жилое помещение в доме, покой, комната. 3. Место уединения и обитания монаха. 4. Амбар, кладовая при доме. 5. Казна, имущество. 6. Клетка [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1980, 7, 168]. В указанном нами контексте слово «клеть» употреблено в значении «жилое помещение в доме, покой, комната». *Сенник* – задний, при избе, покой; клеть, чулан; холодная комната против избы [Даль: 2000, 585]. *Повалуша* – неотапливаемое помещение, холодная горница (на подклети) различного назначения [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1989, 15, 138]. Известно, что на Руси повалуши служили для хранения вещей. *Брусной* – сделанный из брусьев [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1975, 1, 341]. Исходя из данного толкования, предположим, что «брусная» – это сделанная из брусьев изба. *Гридня* (*гридня*) – 1. Помещение, где князь и дружина устраивали приемы и торжественные церемонии. 2. Верхние покои знатных лиц [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1977, 4, 136]. *Терем* – поднятое, высокое жилое здание или часть его [Даль: 2000, 646].

Обязательной частью великокняжеских и боярских покоев эпохи Иоанна III (это продемонстрировано в романе) являлась «домашняя церковь»: *«Голые стены этой избы красовались только с четырех сторон иконами огромного размера, в кивотах, с подвесками из камки, унизанной или золотыми дробницам. В обширной комнате не было никакой мебели, кроме дубового стола, украшенного искусною резьбой, и двух скамеек с суконными полавочниками; под каждой стояла колодка (скамеечка для ног) и подостлан был кизылбахский (персидский) ковер, или подножье, как называли наши предки»* [Лажечников: 1994, 59].

Камка – шёлковая цветная узорчатая ткань [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1980, 7, 48]. *Дробница* – мелкие металлические пластинки или бляхи для украшения тканей [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1977, 4, 356].

Антиподом великокняжеских и боярских палат являлась русская крестьянская изба. Подробного ее описания на страницах романа «Басурман» мы не встретили, но И.И. Лажечников указал на отличительную ее особенность: *«сквозь слюду и пузыри окон светились огни, зажженные в домах верою и нуждою»* [Лажечников: 1994, 6]. Отметим, что обычно на рамы русских изб натягивали бычий пузырь или слюду (такие окна назывались слюдяные окончины).

Средством передвижения людей той эпохи служили лошади и запряженные в них всевозможные повозки. Вот как передает автор убранство боярского коня: *«Под ним был могучий конь, оседланный богатым черкасским седлом, гремящий узорчатою сбруей, писанной серебром, пополам с рыбьими зубами»* [Лажечников: 1994, 51]. В романе «Басурман» мы находим описание и боярской повозки: *«У Красного крыльца стоял тапкан (крытая зимняя повозка), запряженный в два санника (так назывались лошади в зимней упряжи). Шлеи на лошадях были из бархата, кольца на шлеях и на уздах золоченые: все это выписанное из Литвы»* [Лажечников: 1994, 138].

Шлея – часть упряжи, которая удерживает хомут на месте: круговой широкий ремень во всю длину лошади, придерживаемый откосными ремнями к нахребетнику [Даль: 2000, 723].

Вторую тематическую группу слов – бытовых реалий образуют обозначения одежды, уборов, также передающих исторический колорит изображаемой эпохи. Анализ текста романа «Басурман» показал, что примеры описания одежды в тексте немногочисленны, встречается упоминание только отдельных ее деталей. *«Русское платье, опоясанное серебряным ремнем, богатая шуба на пышной лиснице, высокая горлатная шапка»* [Лажечников: 1994, 50]. *Горлатный* – сделанный из меха, взятого с шеи, горла зверя [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1977, 4, 86]. Е.В. Киреева в своей работе «История костюма. Европейский костюм от античности до XX века» уточняет, что горлатные шапки обычно обшивались лисьим, куньим или собольим мехом. Таким образом, данное описание русского платья говорит о том, что его обладатель относится к русской знати, то есть к дворянству.

«Иван Васильевич скинул тафью» [Лажечников: 1994, 65]. *Тафья* – шапочка, род скуфьи, ермолка, тюбетейка [Даль: 2000, 644]. Следует добавить, что данный головной убор был заимствован у тюркских народов, произошёл от азиатской тюбетейки. Сейчас у казахов есть головной убор «такия», по-русски называемая тюбетейка.

Как исконно русской представлено описание одежды Антона Эренштейна, приехавшего в Россию в качестве лекаря: *«... как приятно отделялся черный бархат епанечки, опушенной мехом, от белизны его лица, и выпадали струи его*

белокурых волос из-под фиолетового бархата берета, осененного пуком волнующихся перьев! Золото со вкусом поблескивало в пряжке берета, в аграфке епанчи и в поясе, державшем у бока его кинжал» [Лажечников: 1994, 124]. Епанча́ (япанча) – 1. Род накидки, плаща, широкое длинное верхнее платье без рукавов. 2. Накидка, покрывало в санях или повозке [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1979, 5, 52]. Известно, что данный вид одежды завезен в Россию с арабского Востока. Аграфка – брошка, насадка, запонки, застежка; род украшенной камнями или отделкою пряжки, крючка; в зодч. – ключ свода, замок, средний и последний камень [Даль: 2000, 12].

Третью тематическую группу составляют обозначения видов оружия. *«На стене, красовавшейся переплетами кирпичей, висели железные шишаки грубой работы, колонтари (латы), писанные серебром, и простые, железные, на которых ржавчина въелась кровавыми пятнами, кончары (оружие вроде меча и кинжала, немного поменее первого и поболее второго), из коих некоторые были с искусною золотою насечкою и украшениями, избличающими восток, палицы, сулицы (метальные копья) и несколько железных щитов с конусными выемками» [Лажечников: 1994, 81].*

Разумеется, не обошлось и без обозначения денежных знаков, характерных для изображаемой эпохи. В исследуемой романе это всего лишь одна лексема, упоминаемая с целью показать финансовое благополучие боярина Образца: *«... мерит корабельники зобницами» [Лажечников: 1994, 52]. Корабельник – золотая монета с изображением корабля [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1980, 7, 302]. Зобница – мера сыпучих тел [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1979, 6, 54].*

Значительное место в «Басурмане» уделено описанию праздников. В романе упоминаются несколько русских христианских праздников. *«Наступил день Герасима-грачевника, 4 марта, когда показываются крикливые вестники благодатной весны; но тогда грачи еще не прилетали, потому что зима была ленивая или спесивая, не трогалась с места, не уступала своего владычества счастливой сопернице» [Лажечников: 1994, 50].* Этот праздник получил название в честь монаха VI века Герасима Иорданского. Второе название – Грачевник – происходит оттого, что в этот день ждали возвращения грачей, зимовавших на юге.

«Новоселье отпраздновали в день Симеона-летопроводца, то есть первого сентября, который считался и первым днем нового года» [Лажечников: 1994, 75]. На Руси именно в этот день, 1 сентября, наступал новый год. Также в этом праздник переселялись в новое жилище, что сопровождалось странным обычаем – приглашение домового в новый дом. Это обряд довольно подробно предстает на страницах романа И.И. Лажечникова: *«Не забыли ... главного хозяина – домового гения, которого и поныне в деревнях называют этим именем: без него, говорят, и дом не стоит. Старшая в доме женщина сходила на пепелище прежнего жилища, вынула из печурки на черепок горящих угольев, кого-то пригласила оттуда и завернула в скатерть. Ворота настезь! Образец со всеми домочадцами вышел навстречу, неся хлеба-соли; поклон в пояс, еще и еще, потом униженно, поникнув седою головой и указывая кому-то путь в новый дом, приговаривал: «Дедушка! милости просим с нами на новое место». Тут отворились двери, стряпуха выпустила кого-то из скатерти в новую печурку, горящие уголья туда ж (не забыта и пища для таинственного огня), хлеб-соль поставлен на столе, наехали гости, и пошло веселье» [Лажечников: 1994, 75-76].*

«Пришел день Благовещения. По городу разостлался звон колоколов. Почти все живущее на половине боярской хлынуло в храмы божий» [Лажечников: 1994, 165]. В романе с этим праздником связан обычай выпускания из клеток на волю птиц: *«Все чижики, жаворонки, зяблики, все вестники благодатной весны... Сотни птичек реяли в воздухе туда и сюда, щебетали, пели на деревьях... Никогда еще Антон не видал в городах такого многочисленного собрания птиц... Нынче выпускают на волю крылатых узников; нынче выкупают из тюрьмы и людей, которые содержатся там за долги»* [Лажечников: 1994, 166].

В связи с праздничными ритуалами И.И. Лажечников говорит и о такой русской забаве, как рукопашные бои: *«Обе линии, составленные из детей, сошлись стена на стену с ужасным криком и смешались в рукопашном бою. Пароль одних был: занеглинные, других – городские. Вслед за ними росли и росли новые линии, одна выше, сильнее другой, и наконец, явились избранные бойцы. Все схватилось. Бились толпами, рядами, в одиночку. Схватка была горячая, «какой давно не запомнят», говорили старики»* [Лажечников: 1994, 128-129].

Помимо бытовых реалий исторический колорит создается через обозначение реалий общественной жизни, а именно номинаций гражданских должностей и профессий. В романе представлены следующие виды профессий и родов деятельности описываемой эпохи. *Возница* – управляющий запряженными лошадьми, кучер, ямщик, извозчик, проводник, погонщик [Даль: 2000, 135]. *Дворецкий* – 1. Должностное лицо при дворе князя или крупного феодала, ведающее вопросами внешних и внутренних отношений. 2. Управляющий во дворце, ведающий хозяйством и дворней [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1977, 4, 192]. *Зодчий* – мастер по возведению каменных и кирпичных строений [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1979, 6, 56]. *Лекарь* – 1. Врач. 2. Первая ученая степень, получаемая лицами, изучившими врачебное искусство [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1981, 8, 202]. *Стряпуха (стряпка)* – повариха, кухарка, приспешница; женщина, стряпающая простые кушанья; у крестьян: всякая женщина в доме, на которой лежит печное хозяйство; в домах, где держат поваров, это судомойка, помощница повара или приспешница на прислугу [Даль: 2000, 631]. *Толмач* – переводчик с языка на язык; устный, словесный переводчик [Даль: 2000, 651]. Также в романе упоминаются профессии, привычные для современного читателя: *литейщик, каменщик*.

Особую группу локунарных образований в историческом романе «Басурман» составляют географические номинации. Описываемые события разворачиваются в Москве и в западной части Чехии. Соответственно автором используются такие обозначения, как *Московия* и *Богемия*. Множество географических обозначений спроецировано на исторические части Москвы и архитектурные постройки: *Неглинный пруд, Кучков вал, Боровицкие ворота, Никольские ворота, Константино-Еленовская улица, Ярославский мост, церковь Николы-лняного, Сретенский монастырь*.

Разумеется, представляют контексты, в которых сочетаются слова выделенных выше групп. Например, *«А братчина была на весь мир! Не одну бочку меду выкатили из погребов, не одна почетная голова упала под стол. И корабленники разносили гостям на память новоселья... Был ли ты зван, дворецкий великокняжеский?»* [Лажечников: 1994, 53]. *Братчина* – праздничный пир вскладчину [Словарь русского языка XI-XVII вв.: 1975, 1, 326]. Сочетание в одном контексте тематически различных слов-реалий усиливает исторический колорит текста в целом, делая более убедительным хронотоп развития сюжетного действия.

Завершая анализ исторической лексики в романе «Басурман» И.И. Лажечникова, подчеркнем мастерство писателя – талантливого лингвиста и историка, обогатившего отечественную литературу художественным изображением прошлого, в том числе путем использования специфического глоссария. Включение слов-реалий в общий строй романа потребовало от автора не только точных знаний энциклопедического характера, но и особой стилистической гибкости, пластичности при воплощении замысла. Проведенное исследование показало, что мы имеем дело с весьма солидным количеством слов-реалий в тексте анализируемого произведения, отражающих бытовые реалии, реалии общественной жизни, географические обозначения.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966 – 608 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975 – 240 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1986 – 416 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 736 с.
6. Лажечников И.И. Басурман // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Можайск-Терра, 1994. – Т. 5. – 414 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / Шевелева М.С. – М.: Русский язык, 1988.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Г.А. Богатова. Вып. 1-28. – М.: Наука, 1975-2008.
9. Томахин Г.Д. Америка через американизмы. – М: Высш. шк., 1988. – 239 с.

References

1. Ahmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. Moscow: Soviet encyclopedia, 1966. – 608 p.
2. Barkhudarov L.S. Language and translation. Moscow: International relations, 1975. 240p.
3. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture. Moscow: Russian language, 1983. 269p.
4. Vlahov S., Florin S. Untranslatable in translation. Moscow: International relations, 1986. 416 p.
5. Dal ' V.I. Explanatory dictionary of the Russian language. The modern version. Moscow: EKSMO-Press, 2000. 736p.
6. Lazhechnikov I.I. Basurman // Collected works. Moscow: Mozhaisk-Terra. 1994. T. 5. 414p.
7. Russian dictionary: in 4 t. / M.S. Sheveleva. Moscow: Russian language, 1988.
8. Dictionary of Russian language XI-XVII centuries / G.A. Bogatova. Vol. 1-28. Moscow: Science, 1975.
9. Tomakhin G.D. America through the Americanisms. Moscow: High school, 1988. 239p.

УДК 81'1

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ И «ЦВЕТОВОЙ» КАРТИНАХ МИРА

Седых Аркадий Петрович

доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Языковая картина мира и цвет имеют специфические для каждой культуры точки соприкосновения. В практическом сознании носителя языка формируется «образная картина» цветовой палитры, свойственной каждой культуре. Вместе с тем каждый индивид имеет собственную цветовую картину мира, которая интегрирована в общеязыковую картину мира. В статье рассматриваются некоторые аспекты хроматической коммуникации и языковой картины мира с учетом этнокультурных факторов. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что конкретный цвет может обладать различной степенью лингвокультурной активности в различных национальных дискурсах и соответственно в цветовых картинах мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, хроматическая коммуникация, цветообозначение, семантическая и символическая доминанта, лингвокультура, институциональный колорит.

Завершая анализ исторической лексики в романе «Басурман» И.И. Лажечникова, подчеркнем мастерство писателя – талантливого лингвиста и историка, обогатившего отечественную литературу художественным изображением прошлого, в том числе путем использования специфического глоссария. Включение слов-реалий в общий строй романа потребовало от автора не только точных знаний энциклопедического характера, но и особой стилистической гибкости, пластичности при воплощении замысла. Проведенное исследование показало, что мы имеем дело с весьма солидным количеством слов-реалий в тексте анализируемого произведения, отражающих бытовые реалии, реалии общественной жизни, географические обозначения.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966 – 608 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975 – 240 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1986 – 416 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 736 с.
6. Лажечников И.И. Басурман // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Можайск-Терра, 1994. – Т. 5. – 414 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / Шевелева М.С. – М.: Русский язык, 1988.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Г.А. Богатова. Вып. 1-28. – М.: Наука, 1975-2008.
9. Томахин Г.Д. Америка через американизмы. – М: Высш. шк., 1988. – 239 с.

References

1. Ahmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. Moscow: Soviet encyclopedia, 1966. – 608 p.
2. Barkhudarov L.S. Language and translation. Moscow: International relations, 1975. 240p.
3. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture. Moscow: Russian language, 1983. 269p.
4. Vlahov S., Florin S. Untranslatable in translation. Moscow: International relations, 1986. 416 p.
5. Dal ' V.I. Explanatory dictionary of the Russian language. The modern version. Moscow: EKSMO-Press, 2000. 736p.
6. Lazhechnikov I.I. Basurman // Collected works. Moscow: Mozhaisk-Terra. 1994. T. 5. 414p.
7. Russian dictionary: in 4 t. / M.S. Sheveleva. Moscow: Russian language, 1988.
8. Dictionary of Russian language XI-XVII centuries / G.A. Bogatova. Vol. 1-28. Moscow: Science, 1975.
9. Tomakhin G.D. America through the Americanisms. Moscow: High school, 1988. 239p.

УДК 81'1

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ И «ЦВЕТОВОЙ» КАРТИНАХ МИРА

Седых Аркадий Петрович

доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Языковая картина мира и цвет имеют специфические для каждой культуры точки соприкосновения. В практическом сознании носителя языка формируется «образная картина» цветовой палитры, свойственной каждой культуре. Вместе с тем каждый индивид имеет собственную цветовую картину мира, которая интегрирована в общеязыковую картину мира. В статье рассматриваются некоторые аспекты хроматической коммуникации и языковой картины мира с учетом этнокультурных факторов. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что конкретный цвет может обладать различной степенью лингвокультурной активности в различных национальных дискурсах и соответственно в цветовых картинах мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, хроматическая коммуникация, цветообозначение, семантическая и символическая доминанта, лингвокультура, институциональный колорит.

ON THE LANGUAGE AND «COLOR» PICTURES OF THE WORLD

Arkadiy Sedykh

Head of the Department of German and French

Doctor of Philology, Professor

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

Linguistic picture of the world and color have specific touch points. In practical consciousness of a speaker is formed «shaped pattern» of color palette special in every culture. However, each individual has their own color picture of the world which is integrated into the common language picture of the world. The paper deals with some aspects of communication and chromatic picture of the world under the pressure of ethnic and cultural factors. A working hypothesis is put forward that a particular color can have varying degrees of linguistic-cultural activity in various national discourse and, respectively, in color pictures of the world.

Key words: linguistic picture of the world, chromatic communication, color term, semantic and symbolic dominant, linguistic culture, institutional coloronim.

Одной из ключевых тенденций последних десятилетий является поиск смысловых и языковых доминант национальных культур с целью моделирования языковой картины мира и построения алгоритма коммуникации конкретной лингвокультуры. Языковая картина мира и цвет имеют специфические для каждой культуры точки соприкосновения.

Ментальная реконструкция действительности осуществляется на основе языковой обработки сознанием внешних сигналов и оформляется в виде языковой картины мира, выступающей в качестве одной из моделирующих систем этнокультуры.

В практическом сознании носителей языка сформирован обобщённый «образ» цветовой гаммы, принятый в данном лингвокультурном сообществе. При этом каждый индивид имеет собственную «версию» данного образа, который, тем не менее, интегрирован в общеязыковую картину мира.

В отечественной науке термин «языковая картина мира» находится на стадии разработки и определения эпистемологических и методологических границ его использования. Так, Ю.Л. Воротников пишет: «Языковая картина мира становится в последние годы одной из наиболее «модных» тем отечественного языкознания. И в то же время, как это часто бывает с получившими широкое распространение обозначениями, до сих пор не существует достаточно четкого представления, какой именно смысл вкладывается в это понятие пишущими и как, собственно, следовало бы истолковывать его читающим?» [Воротников 2013].

Языковая картина мира непосредственным образом связана с национальной спецификой слова, которую, по мнению Н.Ф. Алефиренко, предопределяют два фактора: объективный и субъективный: «выделяются они путём сопоставления языков. Под *объективным* фактором понимается ценностно-смысловая значимость естественных и культурных реалий, определяющих своеобразие жизненного пространства того или иного народа. *Субъективный* фактор характеризуется возможностью факультативного выбора знакообозначений одних и тех же реалий, которые по-разному представлены ментальностью разных этноязыковых сообществ» [Алефиренко 2009, 68-69].

Цветовое восприятие, как правило, происходит от обыденного человеческого мышления, часто основанного на контрастах физического аспекта наблюдаемого предмета или явления. Так, Р.М. Фрумкина отмечает, что «носители

языка не замечают, что противопоставление «белый – черный» вообще есть не противопоставление по цвету, а по признаку «максимум цвета – отсутствие цвета» [Фрумкина 1984, 31]. Подобное представление об окружающем мире зафиксировано в языковой картине мира. По мысли О.А. Леонтович: «Многочисленные эксперименты, проведенные учеными, доказывают, что дифференциация цветов определяется универсальными свойствами человеческого восприятия, а не их языковыми наименованиями, хотя последние облегчают распознавание и запоминание цветов, важных для данной социально-культурной группы» [Леонтович 2002, 171].

Окружающий мир опосредуется в языке, человек же оперирует представлениями, репрезентациями, когнитивными образами, моделями, поставляемыми национальным языком. Следовательно, понятие «языковая картина мира» связано с определенным типом концептуализации действительности, формируемым языковыми структурами в процессе коммуникации. В нашем случае речь идёт о цветовой картине мира.

Предлагается следующее определение цветовой картины мира: *концептуальная модель колоративных предпочтений, отражающаяся в специфике номинации цветовых явлений в национальном языке*. Ясно, что данная дефиниция не отражает всеобъемлющих характеристик рассматриваемого феномена и поэтому может рассматриваться как рабочее определение, адекватное для исследовательских задач нашего дипломного сочинения.

Цветовая предпочтительность проявляется не столько в высокой частотности употребления в национальном дискурсе колоративов того или иного цвета, сколько в релевантных характеристиках цветообозначений определённой цветовой гаммы в лингвокультуре. Это означает, что конкретный цвет может обладать различной степенью лингвокультурной активности в различных национальных дискурсах и соответственно в цветковых картинах мира. Сложность выявления цвета-символа в национальной культуре обусловлена как минимум двумя факторами: внутрикультурными и инокультурными. На данном этапе исследования мы можем говорить только о внешней точке зрения на цветковые явления во французской культуре. Иными словами, основным источником цветковых предпочтений могут служить языковые или дискурсные явления, входящие в тезаурус национального языка. Для полноты хроматической картины нельзя не сбрасывать со счетов и официальные цвета государств. Так, достаточно распространённым сочетанием цветов является *бело-сине-красный* триколор государственных флагов различных стран:

Россия.

Государственный флаг Российской Федерации представляет собой прямоугольное полотнище из трёх равновеликих горизонтальных полос: верхней – белого, средней – синего и нижней – красного цвета. В настоящее время чаще всего (неофициально) используется следующая трактовка значений цветов флага России: белый цвет означает мир, чистоту, непорочность, совершенство; синий – цвет веры и верности, постоянства; красный цвет символизирует энергию, силу, кровь, пролитую за Отечество.

Хорватия.

Флаг Хорватии представляет собой прямоугольное полотнище с соотношением сторон 1:2, состоящее из трёх равновеликих горизонтальных полос – верхней красной, средней белой и нижней синей. В центре полотнища герб

Хорватии. Трёхцветный государственный символ символизирует объединение и целостность хорватского народа.

Сербия.

Государственный флаг Сербии представляет собой прямоугольное полотнище, состоящее из трёх полос: красной, синей и белой. Соотношение сторон составляет 2:3 (что является зеркальным отражением российского флага сверху вниз).

Франция.

Флаг Франции представляет собой прямоугольное полотнище с соотношением сторон 2:3, состоящее из трёх равновеликих вертикальных полос – синей, белой и красной.

Нидерланды

Флаг Нидерландов представляет собой прямоугольное полотнище с соотношением сторон 2:3, состоящее из трёх равновеликих горизонтальных полос – верхней красной, средней белой и нижней синей.

Парагвай

Парагвайский флаг состоит из трёх горизонтальных полос, окрашенных в красный, белый и синий цвета. Цвета были взяты с французского триколора – символа освобождения. Соотношение сторон 3:5. Считается, что красный цвет флага символизирует патриотизм, смелость, доблесть, равенство и справедливость; белый – чистоту идей, стойкость, мир и единство; синий – спокойствие, любовь, знания, чувство реальности и свободу [Бело-сине-красные триколоры в странах мира 2009].

Как видим, бело-красно-синий триколор обладает не только высокой частотностью, но и аттрактивными свойствами для передачи широкой гаммы позитивных признаков для обозначения достоинств нации.

Итак, в создании языковой картины мира принимают участие как вербальные, так и невербальные механизмы человеческой коммуникации. Напомним, что цветовая коммуникация связана с философскими и эстетическими представлениями о мире, которые часто испытывают на себе влияние этнокультурной традиции того или иного народа, отражаемой в национальном языке.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344с.
2. Воротников Ю.Л. «Языковая картина мира»: Трактовка понятия. Знание. Понимание. Умение: информ. гуманит. портал, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov/>.
3. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 435 с.
4. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
5. Бело-сине-красные триколоры в странах мира 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20090822/181877010.html>.

References

1. Alefirenko N.F. «Live» word: problems functional lexicology. – М.: Flinta: Nauka, 2009. – 344 p.
2. Vorotnikov Y.L. «Linguistic picture of the world»: The interpretation of the concept. Knowledge. Understanding. Skill: Inf. humanity. Portal 2013 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov/>.
3. Leontovich O.A. Russian and Americans: Paradoxes of Intercultural Communication. Monograph. – Volgograd: Peremena, 2002. – 435 p.
4. Frumkina R.M. Color, meaning, similarities. Aspects of the psycholinguistic analysis. – М.: Nauka, 1984 – 175 p.
5. White-blue-red tricolor in countries around the world in 2009 [Electronic resource]. – Access mode: <http://ria.ru/society/20090822/181877010.html>.

О ГЛЮТТОНИЧЕСКОМ ВОКАБУЛЯРЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Седых Наталья Викторовна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Своеобразие национального характера проявляется в пищевых предпочтениях народа. Глюттоническая картина мира имеет точки соприкосновения с национальной языковой картиной мира. В статье рассматриваются некоторые аспекты глюттонической коммуникации с учетом этнокультурных факторов. Гастрономические концепты обладают высокой степенью лингвокультурной активности в национальном мировидении, что способствует формированию характерных для данной области параметров идиоэтнической коммуникации.

Ключевые слова: национальный характер, языковая и глюттоническая картина мира, коммуникация, номинация, символическая доминанта, лингвокультура, этнос и нация.

ON THE GLUTTONIC VOCABULARY AND NATIONAL CHARACTER

Natalia Sedykh

Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / nata.victorovna75@mail.ru

Abstract

The peculiarity of the national character manifests itself in people's food preferences. Gluttonic picture of the world has a point of contact with the national language picture of the world. The paper deals with some aspects of gluttonic communication considering ethno-cultural factors. Gastronomic concepts are highly active in the national worldview. A working hypothesis is put forward that a particular food can have varying degrees of linguistic-cultural activity in various national discourses.

Key words: national character, language and gluttonic picture of the world, communication, nomination, symbolic dominant, linguistic culture, ethnicity and nation

В условиях глобализации остро встает вопрос о том, как сохранить национальное своеобразие и не редуцировать достижения отдельных культур к всеобщей монокультуре. Решение вопроса, возможно, находится в области изучения ментальных механизмов, отраженных в языке нации, а также в природе формирования национального характера. Указанные явления можно проанализировать на примере языковых трансформаций, так как наши представления об окружающем мире в большей степени выражаются лингвистическими средствами.

Известно, что национальный характер – совокупность наиболее устойчивых для данной национальной общности особенностей эмоционально-чувственного восприятия окружающего мира и форм реакций на него. Выражаясь в эмоциях, чувствах, настроениях, национальный характер проявляется в существующих языковых формах.

Проблема взаимоотношения языка и национального характера народа исследуется уже не одно десятилетие, но наибольшую актуальность она приобрела в XX веке в период активной интеграции наук. В настоящее время исследованиями в этой области занимается этнолингвистика, социоллингвистика, когнитивная лингвистика и лингвокультурология.

Язык обладает способностью воздействовать на формирование и развитие народной культуры, которая персонализируется как личность. Отсюда вытекает аспект актуальности изучения взаимодействия языка, культуры и личности.

В лингвистике последних десятилетий всё более актуальным становится использование этноцентрического подхода к анализу языковых данных. На первый план выходит осмысление языковой семантики через систему концептов и категорий объективно существующих предметов и явлений.

Одним из способов изучения поведения человека становится изучение потребления как дискурса. Проявлять же интерес к пище как предмету культурологического анализа представители гуманитарных наук начали лишь в конце XX века, когда стали говорить о социологии культуры. Одним из первых среди учёных, которых заинтересовала пища как дискурсивный феномен, был К.Леви-Стросс, считавший, что кухня общества – это язык, и с помощью языка общество транслирует свою структуру [Леви-Стросс 2006]. Интерес к данному феномену проявляли и Ролан Барт, размышлявший о семиотике рекламы продуктов питания и поваренных книг, и П.Бурдьё, исследовавший потребление пищи с точки зрения вкусовых форм [Барт 2000; Бурдьё 2001].

Говоря о национально-культурной специфике глоттонимии, следует отметить, что именно национальной общностью людей, общностью свойственных им особенностей и вкусовых восприятий создаётся национальная кулинария. Взаимное влияние национальных кухонь друг на друга всегда имело и имеет место, так как кухня не является чем-то замкнутым, застывшим раз и навсегда. Но это взаимное влияние не исключает самобытности каждой из национальных кухонь. При этом специфические для каждой лингвокультуры признаки глоттонического дискурса могут быть выделены не только на уровне номинантов потребляемых продуктов, но и во фразеологии, паремии, фольклорном языковом материале.

Глоттонический дискурс соотносится с языковым отражением физиологических потребностей человеческого организма в области пищевых предпочтений. Можно выделить ряд функций глоттонического дискурса в коллективном сознании национального сообщества: максимизационную (потребительскую), эпистемологическую, лингвосемиотическую, коммуникационную.

В этом смысле данный тип дискурса может трактоваться в терминах теории коммуникации. Неотъемлемой составляющей глоттонического дискурса выступает этнокультурный компонент прагматики потребления. Каждый народ, сохраняя инвариантные черты национального характера в силу относительного постоянства территории для проживания, особенностей климата, времён года, природного антуража, сохраняет и традиционные блюда, которые с семиотической точки зрения «воспроизводят» черты национального мировидения, алгоритмы мышления и специфические признаки менталитета.

Так, русская нация славится своим гостеприимством, несмотря на современную ситуацию изобилия товаров, и болезненной нехватки средств для их приобретения. Во фразеологических и лексических номинациях русского языка вербализуется базовый концепт «радушие»: *Не красна изба углами, а красна пирогами; встречать с хлебом-солью; делить с кем-то хлеб-соль; хлеб да соль; Принес бог гостя, дал хозяину пир*. При этом речь может идти о реализации доминантных сем «сердечность», «ласка», «семейственность»: *Хлеб – батюшка-*

кормилец; Хлеб – батюшка, водица – матушка; родительский хлеб; Хлеб хлебу – брат; Брат брату – полоса мяса; Ласковая, Матушка, родимая, тепленькая.

Консервативный традиционализм англичан, придающий этой нации неповторимый колорит, настолько упрочен в национальном сознании, что, наряду с красивыми и экзотическими штрихами прошлого, в повседневной жизни британцев встречаются традиции и обычаи, от которых веет жутковатым холодком средневековья [URL: <http://londonmania.ru>].

Базовый концепт «наследие»: «*Garden Sage Sausage*» (колбаса с шалфеем, который придаёт ей вкус традиционной домашней колбасы); «*Meat and two vegs*» (‘Мясо и два овощных гарнира’ (типичная британская еда)); «*Drambuie*» (‘Драмбьюи’ (фирменное название шотландского ликёра из виски, мёда и трав)); «*Traditional Farmfresh Turkey*» (‘Традиционная фермерская индейка’ (эти индейки медленно растут минимум в течение 18 недель, затем их ощипывают и подвешивают за обе ноги на 7 или 14 дней для придания мясу нежности и выраженного вкуса дичи)).

Превалирующие семы «королевская власть», «титул», «обычай», «старина»: «*Jersey Royal potatoes*» (‘Королевские картошки из Джерси’); «*Traditional Grimsby Smoked Fish*» (‘Традиционная копчёная рыба из Гримсби’); «*Elizabeth Shaw*» (конфеты ‘Элизабет Шо’); «*Old ale*» (‘Старый эль’).

Прагматонимы-аксессуары: «*The Old Vic*» (когда-то паб носил название *Borough Arms* – герб Бара (небольшой городок), но в 1989 году был переименован, предположительно, в честь покойной королевы Виктории); «*The Royal Marines Artillery Tavern*» (букв. ‘Закусочная «Королевская морская артиллерия»’ (паб расположен напротив того, что до недавнего времени называлось «казармы королевских моряков»)); «*The Sir John Baker*» (‘Сэр Джон Бейкер’ (сэр Джон Бейкер был политиком-либералом и дважды членом парламента Портсмута между 1892 и 1909 годами)).

Представленные выше иллюстративные языковые данные релевантны признакам объекта (для русских «хлебосольево», для англичан «традиционализм») и обладают достаточным интерпретационным потенциалом для выявления этнокультурных черт менталитета представителей каждой из наций.

Таким образом, глуттонический вокабуляр и дискурс может быть рассмотрен как акт семиозиса с целью выявления существенных черт национального характера. В этом плане гастрономическая номинация тесным образом связывается как с соответствующими референтами уникальных явлений, так и с вербализованными формами потребительских предпочтений из области прагматонимов, отражающих способы и форматы потребления пищи в этнокультурном и характерологическом ключе.

Литература

1. Барт, Р. Мифологии [Текст]: пер. с фр. / Р. Барт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 314 с.
2. Бурдьё, П. Практический смысл [Текст]: пер. с фр. / П. Бурдьё; общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Изд-во Ин-та эксперим. социологии, 2001. – 562 с.
3. Леви-Стросс, К. Мифологии: сырое и приготовленное [Текст] / К. Леви-Стросс. – М.: FreeFly, 2006. – 398 с.

References

1. Barthes R. Mythologie. – М.: Publishing house Sabashnikov, 2000. – 314 p.
2. Bourdier P. The practical meaning. – SPb.: Aletheia; M.: Publishing House of the Institute of Experimental sociology, 2001. – 562 p.
3. Lévi-Strauss C. Mifologiki: raw and cooked. – М.: FreeFly, 2006. – 398 p.

НЕМЕЦКИЕ ПРЕДЛОГИ-СИНОНИМЫ «AN» И «AUF»: СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ И РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ

Сергей Владимир Николаевич

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков
учреждения образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина», Мозырь (Республика Беларусь),
+375295374820 / *sergej_conf@mai.ru*

Рафальская Инна Александровна,

студентка 4 курса/ 2 группы филологического факультета
учреждения образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина», Мозырь (Республика Беларусь), +375257043354

Аннотация

В статье анализируются семантические отличия в использовании немецких предлогов-синонимов «an» и «auf». Примеры приводятся из немецкого словаря «DUDEN» и из языковых практик. Указанные предлоги изучаются с номинативной точки зрения пространственной и временной локализации объектов в реальном мире.

Ключевые слова: предлог, локализация, синоним, семантика, пространство, время, номинация.

GERMAN PREPOSITIONS-SYNONYMS «AN» AND «AUF»: DICTIONARY DEFINITIONS AND SPEECH PRACTICE

Vladimir Sergei

candidate of philological sciences, the senior lecturer, the chief of the department of foreign languages
of Mozyr State Pedagogical University named after I.P.Shamyakin, Mozyr
(Republic of Belarus)
+375295374820 / *sergej_conf@mai.ru*

Inna Rafalskaya

the 4th year student, group 2, philological faculty of Mozyr State Pedagogical University named
after I.P.Shamyakin, Mozyr (the Republic of Belarus) +375257043354

Abstract

The semantic differences of usage of German prepositions-synonyms “an” and “auf” in speech are analysed in the given article. The examples are taken from the “DUDEN” dictionary and from the speech practice. The given prepositions are studied from the nomination point of view of space and time location of the objects in the real world.

Keywords: preposition, location, synonym, semantics, space, time, nomination.

Изучение словарного запаса не ограничивается какими-либо рамками или временем. Со временем понятия, номинируемые словами языка, дополняются, обогащаются и порой трансформируются коренным образом. Иногда невозможно подсчитать дефиниции того или иного понятия, зафиксированные в многочисленных словарях. С появлением новых сфер человеческой деятельности одно и то же понятие адаптируется к ним.

В качестве синонимов фигурируют и анализируются чаще знаменательные части речи, но это не означает, что в синонимические отношения не могут вступать служебные слова. Однако они сравнительно малочисленны и чаще выступают как полные синонимы.

Стилистически не ограниченные синонимы подразделяются на равнозначные и неравнозначные синонимы. Равнозначные синонимы могут быть полными (если совпадают и их значение, и их употребление) и неполными (если они отличаются только по употреблению). Неравнозначные синонимы различаются по оттенкам значения и большей частью и по употреблению. Эти последние наиболее многочисленны.

Практически все словари синонимов предназначены для носителей языка и рассчитаны на то, чтобы установить то общее, что характерно для синонимов данного ряда. Но, из них нельзя почерпнуть почти никаких сведений о том, в чем заключаются различия между помещенными в один ряд синонимами. Единственным пока словарем, который дает и те, и другие сведения, является синонимический словарь серии ДУДЕНа [2]. Помимо синонимических рядов он содержит и пространное толкование различий в значении и употреблении членов каждого синонимического ряда, а также иллюстрирующие их примеры, в том числе и заимствованные из литературы.

Проанализируем семантические отличия двух предлогов–синонимов «*an*» и «*auf*» в языке оригинала и в русской интерпретации. И если основными признаками при описании семантических отличий знаменательных частей речи являются степень возрастания или снижения действия или свойства, характер действия или процесса, общее или частное значение, оценка и мотивация выражаемого действия, результативность и постоянство свойства, признака, предмета; то в отношении предлогов действительными признаками являются, прежде всего, пространственная и временная локализация со всеми её оттенками. И тот и другой предлоги употребляются в немецком языке и с дательным, и с винительным падежами.

Auf dem Tisch (на столе) - *auf den Tisch*(на стол).

An der Wand (на стене) - *an die Wand* (на стену).

С точки зрения пространственной локализации всё представляется очень понятным: горизонталь – *auf*, вертикаль – *an*. Однако, как сказать по-немецки: *Moskwa* расположена на *Moskwa-реке*? – *Moskau liegt an der Moskwa*. А ведь это же горизонталь, а не вертикальная поверхность. Понятие, выражаемое предлогом *an* значительно сложнее понятия предлога *auf*. Это ещё и оттенки *bei* (*при, у*), *neben* (*около, рядом*), *unweit* (*недалеко*). *An unserem Haus* – у нашего дома. *An einem freien Sonntag* – в свободное воскресенье. *Hast du eine Bitte an mich* – у тебя ко мне просьба? Но: *Er geht auf die Post*. - Он идёт на почту. *Liebe auf den ersten Blick* – Любовь с первого взгляда. *Auf diese Weise studieren wir Deutsch*. – Таким путем мы учим немецкий язык.

В пространственном отношении с дательным падежом предлог *auf* служит для обозначения соприкосновения сверху, положения или нахождения в помещении или здании, для указания области деятельности: *auf einer Bank* – на скамейке; *auf dem Pferd sitzen* – сидеть на лошади, *auf dem Mond landen* – приземлиться на Луне, *auf der Post arbeiten* работать на почте. Для указания участи в чем-либо: *auf einer Hochzeit* – на свадьбу, *auf der Rückreise erkranken* – заболеть на обратном пути.

С винительным падежом предлог *auf* употребляется для указания направления, относительно к месту, поверхности, точке назначения: *auf den Schrank stellen* – поставить на шкаф, *auf den Baum klettern* – забраться на дерево; указывает направление в области деятельности – *sie geht auf die Universität* (*sie ist Studentin*) – Она ходит в университет (она студентка); указывает начало действия – *sie fährt auf eine Tagung* – Она едет на заседание (к началу заседания); указывает удаленность –

Die Explosion war auf zwei Kilometer (Entfernung) zu hören. – Взрыв был слышен за 2 километра.

Во временном отношении предлог *auf* с винительным падежом указывает на отрезок времени – *auf ein paar Tage verreisen* – уехать на пару дней; на точку отсчета во времени – *Das Taxi ist auf 16 Uhr bestellt* – Такси заказано на 16 часов; на переход, чередование, следование друг за другом – *von einem Tag auf den anderen* – со дня на день. Данный предлог с винительным падежом указывает также на вид или способ – *sich auf Deutsch unterhalten* – беседовать на немецком языке; указывает на цель или желание – *auf Hasen jagen* – охотиться на зайцев, *auf Zeit spielen* – играть на время; на причину или предпосылку – *auf Initiative seiner Mutter* – по инициативе его матери; указывает на объем при делении чего-либо – *auf jeden entfallen 50 Euro* – на каждого приходится по 50 евро, *2 Esslöffel Waschpulver auf einen Liter* – 2 столовые ложки порошка на литр. Данный предлог встречается также в идиоматически-фразеологической зависимости с другими словами – *böse auf jmdn sein* – быть злым на кого-либо, *das Recht auf Arbeit* – право на труд.

Предлог *an* с винительным падежом служит для указания направления – *die Leiter an die Wand lehnen* – прислонить лестницу к стене. С дательным падежом он указывает на положение, близость, соприкосновение – *Trier liegt an der Mosel* – Трир расположен на реке Мозель. Во взаимосвязи с двумя существительными предлог *an* указывает на множество или регулярность ряда – *sie standen Kopf an Kopf* – они стояли плечо к плечу (голова к голове), *sie wohnen Tür an Tür* – они живут дверь в дверь.

С дательным падежом предлог *an* указывает на точку отсчета или на точное время – *an einem Wintermorgen* – зимним утром, *an diesem 31. Januar* – 31 января этого года, *an Ostern* – на Пасху.

С дательным и винительным падежами данный предлог устанавливает отношения к дополнению или определению независимо от временной или пространственной локализации: *Mangel an Geld* – нехватка денег, *an jmdn glauben* – верить в кого-то, *er ist schuld an dem Unglück* – он виновен в несчастном случае, *das ist das Wichtigste an der ganzen Sache* – это самое важное во всем деле, *an sich halten* – сдерживать себя.

С винительным падежом и предшествующим предлогом *bis* предлог *an* указывает на временное или пространственное расстояние – *das Wasser reichte ihm bis an die Knie* – вода достигала его колен, *sie war gesund bis an ihr Lebensende* – она была здорова до конца своей жизни.

Предлоги, встречающиеся десятки раз в повседневной речи, становятся конкретными по смыслу, т.е. однозначными в данном конкретном речевом контексте. В тексте же семантика слова с предлогом взаимодействует с коммуникативным замыслом автора: различные части речи неожиданно становятся синонимами, употребляются в переносных значениях, они начинают сопровождаться эстетическими оттенками – особыми приращениями смысла [1, с.47]. Таким образом, словарные единицы языка превращаются в сигналы, воздействующие на адресата речи, который может находиться в любой коммуникативной ситуации и в любой сфере гуманитарной деятельности.

Одно и то же слово или сочетание в разных сферах гуманитарной деятельности имеет совершенно разное смысловое наполнение. Иногда сложно подсчитать определения того или иного понятия, зафиксированные в многочисленных словарях. Появляются новые сферы человеческой деятельности, и

одно и то же понятие адаптируется к ним. Очевидно, что далеко не все сферы деятельности человека покрываются данными дефинициями. Количество реально существующих значений анализируемых предложных словосочетаний (само собой разумеется, и множества иных лексических единиц, в первую очередь - актуальных, имеющих тенденцию к развитию новых значений), очевидно, нельзя ограничить приводимыми дефинициями в словарях. Поэтому одна из основных перспектив и требований лексикографических исследований – максимальный и оперативный учёт реально существующих коммуникативных практик. Этому в современных условиях может способствовать привлечение существующих ресурсов Интернет-коммуникации.

Литература

1. Новиков, Л.А. Искусство слова / Л.А. Новиков. – М.: Педагогика, 1982. – 128 с.
2. DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch. 6. überarbeitete und erweiterte Auflage. – Dudenverlag. – Mannheim-Leipzig – Wien – Zürich. – 2016 s.

References

1. Novikov L.A. The art of the word/ L.A. Novikov. – M.: Pedagogics, 1982.- 128 p.
2. DUDEN. German Universal Dictionary. 6th edition, revised and updated. – Dudenverlag. – Mannheim - Leipzig – Wien – Zürich. – 2016 p.

УДК 811.161.1'1: 811.112.2'1

ТРАНСЛЯЦИЯ КОГНИТИВНО-МЕНТАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ ИМЕНАМИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Скокова Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкого и французского языков
Белгородской государственной национальной исследовательской университет
Белгород, Россия / skokova@bsu.edu.ru

Аннотация

В работе рассматривается концепт ГАРМОНИЯ (нем. HARMONIE) – один из универсальных и многоконтинуумных концептов, присущий всем культурам и обществам. Изучение категориальных концептов как особого формата знаний позволяет сделать выводы об опыте, который может быть обобщен в процессе его концептуализации и категоризации с помощью языка. Предпочтение при анализе отдается непрямым способам номинации, а именно: именам-мифологическим образам.

Ключевые слова: дискурс, многоконтинуумные категориальные концепты, имена-мифологические образы

THE RELAYING OF COGNITIVE AND MENTAL MEANINGS THROUGH THE NAMES OF MYTHOLOGICAL IMAGES

Skokova Tatiana

Candidate of Philology
Associate Professor of the German and French Languages Department
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia / skokova@bsu.edu.ru

Abstract

This paper examines the concept of multycontinuum concepts HARMONY (Germ. HARMONIE) which is one of the universal and inherent for all cultures and societies. The study of categorical concepts as a special format of knowledge allows to draw conclusions about the experience which can be summarized in the process of conceptualization and categorization through the language. Preference in the analysis is given to indirect methods of the nomination, namely: the mythological image names rendering various cognitive-mental meanings.

Key words: discourse, multycontinuum categorical concepts, names-mythological images

одно и то же понятие адаптируется к ним. Очевидно, что далеко не все сферы деятельности человека покрываются данными дефинициями. Количество реально существующих значений анализируемых предложных словосочетаний (само собой разумеется, и множества иных лексических единиц, в первую очередь - актуальных, имеющих тенденцию к развитию новых значений), очевидно, нельзя ограничить приводимыми дефинициями в словарях. Поэтому одна из основных перспектив и требований лексикографических исследований – максимальный и оперативный учёт реально существующих коммуникативных практик. Этому в современных условиях может способствовать привлечение существующих ресурсов Интернет-коммуникации.

Литература

1. Новиков, Л.А. Искусство слова / Л.А. Новиков. – М.: Педагогика, 1982. – 128 с.
2. DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch. 6. überarbeitete und erweiterte Auflage. – Dudenverlag. – Mannheim-Leipzig – Wien – Zürich. – 2016 s.

References

1. Novikov L.A. The art of the word/ L.A. Novikov. – M.: Pedagogics, 1982.- 128 p.
2. DUDEN. German Universal Dictionary. 6th edition, revised and updated. – Dudenverlag. – Mannheim - Leipzig – Wien – Zürich. – 2016 p.

УДК 811.161.1'1: 811.112.2'1

ТРАНСЛЯЦИЯ КОГНИТИВНО-МЕНТАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ ИМЕНАМИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Скокова Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкого и французского языков
Белгородской государственной национальной исследовательской университет
Белгород, Россия / skokova@bsu.edu.ru

Аннотация

В работе рассматривается концепт ГАРМОНИЯ (нем. HARMONIE) – один из универсальных и многоконтинуумных концептов, присущий всем культурам и обществам. Изучение категориальных концептов как особого формата знаний позволяет сделать выводы об опыте, который может быть обобщен в процессе его концептуализации и категоризации с помощью языка. Предпочтение при анализе отдается непрямым способам номинации, а именно: именам-мифологическим образам.

Ключевые слова: дискурс, многоконтинуумные категориальные концепты, имена-мифологические образы

THE RELAYING OF COGNITIVE AND MENTAL MEANINGS THROUGH THE NAMES OF MYTHOLOGICAL IMAGES

Skokova Tatiana

Candidate of Philology
Associate Professor of the German and French Languages Department
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia / skokova@bsu.edu.ru

Abstract

This paper examines the concept of multycontinuum concepts HARMONY (Germ. HARMONIE) which is one of the universal and inherent for all cultures and societies. The study of categorical concepts as a special format of knowledge allows to draw conclusions about the experience which can be summarized in the process of conceptualization and categorization through the language. Preference in the analysis is given to indirect methods of the nomination, namely: the mythological image names rendering various cognitive-mental meanings.

Key words: discourse, multycontinuum categorical concepts, names-mythological images

Анализ вербализации концептов волшебной сказки, как и иных символических текстов, неизбежно приводит к выявлению множества смыслов, объединение которых позволяет толковать те или иные отдельные события в совокупности, воссоздавая картину мира автора, осознать в хаосе образов целостные пласты этноязыковой картины мира, понимаемой как культурно обусловленный её инвариантный образ. Познание разноmodalных образов как разного проявления сущего позволяет получить актуальные знания, объединяющиеся в «целостные единицы, называемые форматами знаний» [Кубрякова 2009: 12]. Изучение концептов как особого формата знаний позволяет сделать вывод об опыте, который может быть обобщен в процессе его концептуализации и категоризации с помощью языка. К универсальным и многоконтинуумным категориальным концептам, присущим всем культурам и обществам, относится концепт ГАРМОНИЯ (нем. HARMONIE). Основными категориально-концептуальными континуумами (термин Скоковой Т.Н.) как составляющими концепта ГАРМОНИЯ (нем. HARMONIE) являются: «гармония – это мироздание, включающее этот и другой мир», то есть та единичность и то целое, которое включает все возможные миры, «гармония – это мир единого во многом», «гармония – это жизнь, смысл которой – любовь» и др. (см. работы Скоковой Т.Н., 2015 г.).

Важнейшей категорией актуального знания является инициация (ср. нем. *Initiation = Empfang, Rezeption, Akzeptanz, Akzeptierung*). Актуальное знание эксплицируется благодаря вербализованным образам, включающим признаки опорного знания и нового. Иными словами, движение энергии осуществляется от опорного знания к актуальному, Среди лексических средств функцией вербализации концептов обладают *имена мифологических образов*, транслирующие разнообразные когнитивно-ментальные смыслы. Когнитивно-ментальный анализ текста (в данной статье – это текст волшебной сказки Е.Т.А. Гофмана «Meister Floh») помогает установить словесные результаты познания, обнаружить связь вербальных и ментальных компонентов когниции. Приведем примеры из первой части («Erstes Abenteuer») произведения.

Noch nie hatte der Weihnachtsbaum solche reiche Früchte getragen, denn alles Zuckerwerk, wie es nur Namen haben mag, und dazwischen manche goldne Nuß, mancher goldne Äpfel aus den Gärten der Hesperiden hing an den Ästen, die sich beugten unter der süßen Last. Согласно мифу, Геспериды обитают на окраине мира и охраняют яблоки вечной юности, которые Гера получила как свадебный подарок от Геи [URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mythology/387/Геспериды]. Но какое отношение имеет понимание этого образа к смыслообразовательному процессу? Термин «понимание» обнаруживается в герменевтике Ф. Шлейермахера. Согласно его концепции, понимание – это выявление смысла текста в ходе его грамматической и психологической интерпретации [Шлейермахер 2004: 46]. При понимании смысла Ф. Шлейермахер особо выделяет один из методов толкования – сравнительный, который подразумевает соотнесение с другими текстами [там же: 270]. Смыслорождение в процессе понимания у Ф. Шлейермахера носит психологический характер, смысл – это результат вчувствования в авторский творческий процесс и анализ текста [там же: 130]. Также Ф. Шлейермахер особо отмечает субъективность толкования и объективность смысла. Перегринус, вернувшись домой после смерти родителей, в рождественскую ночь устраивает себе праздник, словно пытаясь вернуться в детство, воображая себя маленьким мальчиком, покупая игрушки и детские книжки, которые

позже раздаст детям из бедных семей. На рождественской елке Перегринуса – золотые яблоки Гесперид (*goldne Äpfel aus den Gärten der Hesperiden*), яблоки вечной молодости из подвига Геракла. В примере на передний план выступает отношение противопоставления. С одной стороны, «взрослый человек – инфантильное мировоззрение и поведение». С другой стороны, противопоставление «удел смертных – удел богов». Такое противопоставление порождает концептуальный признак рассматриваемого концепта **«гармония – единство противоположностей»**. Если человеку комфортно в его вечной «детскости», нужно ли избавляться от этого? Главным является внутренняя гармония, а не осознание того, что ты ведёшь себя так же, как и остальные люди, ставшие взрослыми. Из древнегреческого мифа [URL: http://www.teremok.in/Mifologija/Mifo_Gresija/gerakl11.htm] о подвигах Геракла, следует, что через преодоление множества препятствий ему удалось добыть волшебные яблоки Гесперид. Несмотря на то, что Эврисфей подарил яблоки герою, а Геракл, в свою очередь, – Афине Палладе, они вновь возвратились к Гесперидам. Эти чудесные плоды всегда должны оставаться в заветном саду, так как вечная молодость и бессмертие – удел богов, но не судьба смертных. Кстати сказать, согласно Библии, именно яблоко является плодом познания Добра и Зла. Молодильные яблоки в волшебных сказках дарят здоровье и молодость, а в мифах – иногда и бессмертие.

Еще одно имя-мифологический образ (*das Pferd Pontifex*) в контексте сказки: *«Ein herrliches Pferd», sprach Peregrinus, das aufgezäumte Steckenpferd mit Freudentränen in den Augen betrachtend, «ein herrliches Pferd, echt arabische Race. «Er bestieg denn auch sogleich das edle stolze Roß; mochte Peregrinus aber sonst auch ein vortrefflicher Reuter sein, er musste es diesmal in irgend etwas verfehlt haben, denn der wilde Pontifex (so war das Pferd heißen) bäumte sich schnaubend und warf ihn ab, dass er kläglich die Beine in die Höhe streckte. Noch ehe indessen die zum Tode erschrockene Aline ihm zu Hülfe springen konnte, hatte Peregrinus sich schon emporgerafft und den Zügel des Pferdes ergriffen, das eben, hinten ausschlagend, durchgehen wollte. Aufs neue schwang sich Peregrinus nun auf und brachte, alle Reiterkünste aufbietend und mit Kraft und Geschick anwendend, den wilden Hengst so zur Vernunft, dass er zitterte, keuchte, stöhnte, in Peregrinus seinen mächtigen Zwangherrs erkannte. – Aline führte, als Peregrinus abgesessen, den Gebeugten in den Stall»*. Данное имя становится источником порождения концептуального целого **«слияние различных компонентов в единое органическое целое»**. Желание Перегринуса стать великолепным наездником (*ein vortrefflicher Reuter sein*) – это желание играть те роли, которые важны для него в жизни. Конь в различных мифологических системах является символом живости мысли, мудрости, знатности, активной жизненной силы. Это все необходимые атрибуты тех ролей, которые стремится играть в жизни главный герой анализируемой волшебной сказки. Конь имеет имя *Pontifex* (от лат. *pontifex* – строитель мостов) – титул верховного жреца (также император) в Риме, который своим бытием связывает две реальности – земную и божественную. Уместно вспомнить, что у Аристотеля гармония есть не что иное, как активно и непрерывно функционирующее соединение материальных и нематериальных вещей, образующее единую и целостную жизненную субстанцию. Психологического состояния гармонии личность достигает в том случае, когда возникает баланс мира Я, баланс между источником жизненной силы и миром в душе.

Преодоление противоречий и противоречивости своего существования всегда остро переживается человеком. Он неосознанно стремится к гармонии. Рассмотрим еще один пример. *«Endlich geriet eine Frau Pate auf den glücklichen Gedanken, dem*

kleinen Peregrinus einen sehr bunten und, im Grunde genommen, häßlichen Harlekin mitzubringen. Des Kindes Augen belebten sich auf wunderbare Art, der Mund verzog sich zum sanften Lächeln, es griff nach der Puppe und drückte sie zärtlich an sich, als man sie ihm gab. Dann schaute der Knabe wieder das bunte Männlein an, mit solchen klugen beredten Blicken, daß es schien, als sei plötzlich Empfindung und Verstand in ihm erwacht, und zwar zu höherer Lebendigkeit, als es wohl bei Kindern des Alters gewöhnlich. «Der ist zu klug», sprach die Frau Pate, «den werdet ihr nicht erhalten! – Betrachtet doch nur einmal seine Augen, der denkt schon viel mehr, als er soll!». Имя-образ Арлекина (*Harlekin*) – образ трикстера (*Trickster-Figur*), занимающего в мифологии особое место, отражает базисный «паттерны психики» (термин М.-Л фон Франц), концептуальную составляющую концепта ГАРМОНИЯ (нем.: HARMONIE) «**максимальное соответствие божественному прообразу**». Существовало мнение, что изначально даже в представлениях о богах присутствовало трикстерное начало. Но не в бессмысленной суете ради удовлетворения сомнительных потребностей, не в пассивном «растительном» существовании и не в состоянии «детскости» заключено призвание гармоничной личности. Оно состоит в постоянном саморазвитии и самосовершенствовании, в преодолении «чуждости» окружающему миру (ср. толкование: *Peregrinus* – der Fremde, Ausländer; *Peregrination*, Wandern, Aufenthalt in der Fremde; *Peregrinität*, das Fremdsein). Перегринус должен измениться, но для этого ему надо достичь понимания пустоты ребячества, открыто заявить миру о своей жизненной позиции. Ведь даже трикстер ищет в хаосе возможностей свой единственный шанс на путях а) соответствия божественному прообразу и б) пробуждения источника познания высшего в природе человеческого Я, дремлющего в глубинах человеческого сознания. Смыслорождающим эффектом мифологического образа также является выявление еще одного концептуального признака концепта ГАРМОНИЯ (нем. HARMONIE). Таким составляющим концепта является «**совокупность достоинств человеческого Я, проявляющаяся в его физическом облике, поступках, речах**». Еще у пифагорийцев и у Платона, развивавшего их учение, понятию гармония придавалось социальное, нравственное значение. Список примеров может быть продолжен.

Подведем итог. Психологический дискурс волшебной сказки характеризуется ориентированностью, прежде всего на выражение душевного состояния. Предпочтение при этом отдается непрямым способам номинации. В волшебной сказке происходит передача в зашифрованном виде опорного знания. То есть сказочная семантика может быть осмыслена только исходя из ее мифологических и философских прообразов. Волшебные сказки – источники сведений о категориальных концептах, являющихся основополагающими в процессе познания мира.

Литература

1. Бедненко, Г.Б. Пространство мифа / Г.Б. Бедненко // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 4. — С. 37-44.
2. Гуссерль, Э. Феноменология внутреннего, сознания времени / пер. с нем. В. И. Молчанова. Сочинения. – Т. 1. / Э Гуссерль. – М.: Гнозис, 1994. – XIV. – 162 с.
3. Дистервег, А. О природосообразности и культуросообразности в обучении / А. Дистервег // Народное образование, 1998. – № 7. – С. 193– 195.
4. Ермолин Е.А. Ермолин Е.А. Миф и культура: Учебно-методическое пособие / Е.А. Ермолин. – Ярославль: Александр Рутман, 2002. — 122 с.
5. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2009. – С. 11-25.
6. Мелетицкий Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетицкий – М.: Наука, 2000. — 407 с.

7. Плотникова, С.Н. Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие / С.Н. Плотникова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Том: 3. Вып. 15. – 2011. – С. 127-134.
8. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер. – СПб.: Европ. Дом, 2004.- 242 с.
9. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии / М. Элиаде. – Киев, 1996. – С. 15 -16.

References

1. Bednenko, G.B. The space of myth / G.B. Bednenko // Applied legal psychology. – 2008. – № 4. – P. 37-44.
2. Husserl, E. Phenomenology of internal consciousness of time / Transl. by V. Molchanov. Works. – Vol. 1. / E. Husserl. – Moscow: Gnosis, 1994. – XIV. – 162 p.
3. Diesterweg, A. About nature and culture in teaching / A. Diesterweg // Narodnoye obrazovanie, 1998. – Issue 7. – P. 193-195.
4. Ermolin, E.A. Myth and Culture: learning and teaching coursebook / E.A. Ermolin. – Yaroslavl: Alexander Rutman, 2002. – 122 p.
5. Kubryakova, E.S. Searching for the essence of the language: Instead of introduction / E.S. Kubryakova // Cognitive studies of language. – Tambov, 2009. – P. 11-25.
6. Meletitskiy, E.M. The Poetics of Myth / E.M. Meletitskiy. – Moscow: Nauka, 2000. – 407 p.
7. Plotnikova S.N. The fractal dimension of discourse: a new approach / S.N. Plotnikova // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Vol. 3. Issue 15. – 2011. – P. 127-134.
8. Schleiermacher, F. Hermeneutics / F. Schleiermacher. – St. Petersburg: Evrop. Dom, 2004. – 242 p.
9. Eliade, M. Myths, Dreams, Mysteries / M. Eliade. – Kiev, 1996. – P. 15-16.

УДК 81

ФРАЗЕОЛОГИЯ СПОРТА, КОЛОРАТИВЫ И ЖАРГОН: РУССКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Сосоенко Сергей Сергеевич

аспирант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия
науч. рук. доктор филол. наук, профессор **Седых А.П.** / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Спортивная картина мира и цвет имеют специфические для каждой культуры точки соприкосновения. В практическом сознании носителя языка формируется «образная картина» спортивной палитры, свойственной каждой культуре. В статье рассматриваются некоторые аспекты спортивной коммуникации и языковой картины мира с учетом этнокультурных факторов.

Ключевые слова: языковая картина мира, спортивная коммуникация, спортивная номинация, лингвокультура, термины спорта, фразеология, цветообозначение, жаргон.

SPORTS PHRASEOLOGY, NAMES OF COLORS AND SLANG: RUSSIAN AND FRENCH

Sergei Sossoenko

Postgraduate of the Department of German and French
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
Scientific director Doctor of Philology, Professor **Sedykh A.P.** / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

Sport picture of the world and color have specific touch points. In practical consciousness of a speaker is formed «shaped pattern» of sport palette special in every culture. The paper deals with some aspects of sport communication and chromatic picture of the world under the pressure of ethnic and cultural factors.

Key words: linguistic picture of the world, sport communication, sport nomination, linguistic culture, sports terms, phraseology, color term, jargon.

7. Плотникова, С.Н. Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие / С.Н. Плотникова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Том: 3. Вып. 15. – 2011. – С. 127-134.
8. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер. – СПб.: Европ. Дом, 2004.- 242 с.
9. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии / М. Элиаде. – Киев, 1996. – С. 15 -16.

References

1. Bednenko, G.B. The space of myth / G.B. Bednenko // Applied legal psychology. – 2008. – № 4. – P. 37-44.
2. Husserl, E. Phenomenology of internal consciousness of time / Transl. by V. Molchanov. Works. – Vol. 1. / E. Husserl. – Moscow: Gnosis, 1994. – XIV. – 162 p.
3. Diesterweg, A. About nature and culture in teaching / A. Diesterweg // Narodnoye obrazovanie, 1998. – Issue 7. – P. 193-195.
4. Ermolin, E.A. Myth and Culture: learning and teaching coursebook / E.A. Ermolin. – Yaroslavl: Alexander Rutman, 2002. – 122 p.
5. Kubryakova, E.S. Searching for the essence of the language: Instead of introduction / E.S. Kubryakova // Cognitive studies of language. – Tambov, 2009. – P. 11-25.
6. Meletitskiy, E.M. The Poetics of Myth / E.M. Meletitskiy. – Moscow: Nauka, 2000. – 407 p.
7. Plotnikova S.N. The fractal dimension of discourse: a new approach / S.N. Plotnikova // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Vol. 3. Issue 15. – 2011. – P. 127-134.
8. Schleiermacher, F. Hermeneutics / F. Schleiermacher. – St. Petersburg: Evrop. Dom, 2004. – 242 p.
9. Eliade, M. Myths, Dreams, Mysteries / M. Eliade. – Kiev, 1996. – P. 15-16.

УДК 81

ФРАЗЕОЛОГИЯ СПОРТА, КОЛОРАТИВЫ И ЖАРГОН: РУССКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Сосоенко Сергей Сергеевич

аспирант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия
науч. рук. доктор филол. наук, профессор **Седых А.П.** / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Спортивная картина мира и цвет имеют специфические для каждой культуры точки соприкосновения. В практическом сознании носителя языка формируется «образная картина» спортивной палитры, свойственной каждой культуре. В статье рассматриваются некоторые аспекты спортивной коммуникации и языковой картины мира с учетом этнокультурных факторов.

Ключевые слова: языковая картина мира, спортивная коммуникация, спортивная номинация, лингвокультура, термины спорта, фразеология, цветообозначение, жаргон.

SPORTS PHRASEOLOGY, NAMES OF COLORS AND SLANG: RUSSIAN AND FRENCH

Sergei Sossoenko

Postgraduate of the Department of German and French
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
Scientific director Doctor of Philology, Professor **Sedykh A.P.** / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

Sport picture of the world and color have specific touch points. In practical consciousness of a speaker is formed «shaped pattern» of sport palette special in every culture. The paper deals with some aspects of sport communication and chromatic picture of the world under the pressure of ethnic and cultural factors.

Key words: linguistic picture of the world, sport communication, sport nomination, linguistic culture, sports terms, phraseology, color term, jargon.

Фразеология как часть языковой картины мира и один из инструментов репрезентации национальных, в частности спортивных концептов изучена довольно широко. Вместе с тем, несмотря на большое количество работ исследователей в сфере фразеологии, интерес к последней не угасает и по сей день. Во фразеологии отражаются исторические и социальные, часто спортивные явления, выражается отношение нации к реалиям данного типа, к универсальным и этнокультурным ценностям, человеческим достоинствам и недостаткам [Седых 2013].

Фразеологические обороты, которые рождаются во время занятий спортом, часто связаны с эмоциональным подъёмом, что ведёт к активному образованию ФЕ и профессионализмов, обладающих образностью, выразительностью, в основе которой часто лежит сравнительный оборот [Никитина 2013].

Фразеология спорта, цветовая концептосфера и сленгизмы часто взаимодействуют синергетически и символически. Контрастивное рассмотрение оборотов и лексем в разноструктурных языковых континуумах позволяет выявить степени соответствия/несоответствия, как в семантике, так и в культурологических коннотациях.

Практически во всех современных игровых видах спорта используется система разноцветных карточек. Данные «инструменты» визуализации информации обеспечивают арбитрам коммуникацию без переводчика во время соревновательного процесса.

Больше всего цветных карточек – в хоккее с мячом. Помимо желтого предупреждения и красного удаления здесь можно увидеть белую карточку (удаление на 5 минут), синюю (удаление на 10 минут), зелёную (предупреждение). В легкой атлетике красную пластинку предъявляют дисквалифицированным спортсменам при фальстарте, в фехтовании и бадминтоне о дисквалификации говорит черная карточка. Световая сигнализация с начала XX века используется и в автогонках. Красный флаг означает остановку гонки, желтый – опасность, черный – дисквалификацию пилота, зеленый – рестарт, черно-белый клетчатый – финиш [<http://helghelg2.livejournal.com/10433.html>].

Часто команды называются по цвету их формы: Манчестер Юнайтед – **красные** дьяволы (Red Devils) / Челси (Лондон) – пенсионеры (Pensioners), **синие** (Blues) / Динамо (Москва) – **бело-голубые** / Спартак (Москва) – **красно-белые** / ЦСКА (Москва) – **красно-синие** / Вердер (Бремен) – **зелёно-белые** / Ливерпуль – **красные** (Reds) / Ювентус (Турин) – **бело-черные** / бьянконери, старая синьора, **зебры** / Барселона – **сине-гранатовые** / **гранатово-синие** / Омниворлд (Голландия) – **чёрные овцы** / Сент-Этьен – **зелёные** / **Оранжевые** – сборная Голландии. Речь здесь идёт об образном переосмыслении действительности на основе использования механизма стилистического приёма синекдохи.

Рассмотрим в компаративном ключе спортивные лексемы в русском и французском языках. Так, в игровых видах спорта существует ряд терминов некодифицированного регистра, позволяющих выделить лексиккультурный аспект семантики языкового знака.

Разобьем термины на три группы:

1. Идентичность денотации и коннотации.
2. Частичные семантические соответствия.
3. Лексиккультурные лакуны.

1. Идентичность денотации и коннотации.

РУССКИЙ ЯЗЫК	ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК
Автогол = Гол, забитый по ошибке в собственные ворота (в футболе, хоккее, гандболе и др.).	«Autobut»: But contre son camp
Бисиклета = техническое действие футболиста, когда тот, отрывая своё тело от земли, с помощью быстрого скрещивания ног («ножниц») бьёт одной из них по мячу (находящемуся приблизительно на уровне головы футболиста в его стоячем положении), после чего тот пролетает над головой этого футболиста.	«La Bicyclette», aussi appelé ciseaux retourné, retournée acrobatique voire simplement retournée, ciseaux ou chilienne, est un tir de volée en extension où l'impulsion et le tir sont réalisés avec la même jambe ; les deux jambes se croisent alors dans les airs. La bicyclette retournée (tête en bas, amorcée dos au but) est généralement considérée comme le geste le plus spectaculaire du football.
Кирпич – неудачный бросок в баскетболе. Неудачным называют бросок, после которого мяч не попал в кольцо.	«Faire une brique» au basket. Le basket a lui aussi son jargon. On dit d'un joueur qu'il lance une brique quand son tir vient taper la planche brutalement avant de retomber sans toucher l'arceau. <i>Brique</i> : désigne familièrement un tir manqué qui ne touche pas l'arceau du panier, mais uniquement la planche. Quand le basketteur manque la planche et l'arceau, on dit qu'il fait un air-ball. L'expression «lancer ou faire une brique» (ou «briquer son tir») en a entraîné d'autres, dans le même esprit: «envoyer un parpaing», «construire une maison» et «se prendre pour un maçon»

2. Частичные семантические соответствия.

Русский язык.

ЖЁЛТАЯ КАРТОЧКА = ГОРЧИЧНИК

Желтая карточка, предупреждение в футболе. Эвфемизм, который любят комментаторы и болельщики старшего возраста. В 1970-х, когда в футболе была введена «карточная система», в советских СМИ была мода на иносказания. Поэтому фраза «судья прописал горчичник» имела большой успех и часто использовалась вместо тривиального клише «судья показал желтую карточку». Визуализацию наказаний в футболе придумал английский арбитр Кен Астон. Благодаря этому арбитру, языковой барьер не мешает игрокам понимать рефери, если он выносит им предупреждение (желтая карточка) или удаляет с поля (красная карточка). В курсе решений судьи также оказываются и болельщики. Первые карточки судьи делали из картона, что роднило их с горчичниками. Сейчас арбитры используют более практичные карточки из пластика [<http://helghelg2.livejournal.com/10433.html>].

Французский язык.

CARTON JAUNE = ЖЁЛТАЯ КАРТОЧКА

BISCOTTE (сухарь, гренок) ≠ ГОРЧИЧНИК

Как видим, в официальном регистре наблюдается полное денотативное совпадение, тогда как разговорные номинанты идентичного референта не совпадают ни в денотации, ни в коннотации. Для носителя русского языка, нарушивший правила футболист, достоин «припарки», «примочки», по ассоциации с заболевшим человеком, которому ставят горчичники с целью оздоровления. Иными словами – лекарство для больного человека.

Для француза – понятие «сухарь» (*tranche de pain séchée au four* = ‘кусочек хлеба, высушенный в печи’) связано, прежде всего, с режимом питания, диетой. Иначе говоря, нарушивший правила спортсмен, переводится на диету, должен быть ограничен в питании в качестве наказания. Также для носителя французской лингвокультуры сухари дают больным после операции.

Русский язык.

СУДЬЮ НА МЫЛО! ≠ AUX CHIOTTES L'ARBITRE!

Выражение «судью на мыло» появилось в русском языке многие десятилетия назад. Правда, формула могла варьироваться – «Судью – в утиль». Иначе говоря, это восклицание предполагало переработку тела судьи (ни на что более не годного) в качестве вторичного сырья. Заметим, что с мылом в те времена, когда технология производства этого продукта была еще не так далека от потребителя, ассоциировался устойчивый миф. Считалось, что мыло (во всяком случае, низкосортное) изготавливается из падали. Была, между прочим, такая профессия – живодёр. Люди эти занимались делом, ничего общего со зверской жестокостью не имевшим. Они обдирали шкуры с палого скота. И шире – заготавливали животное техническое сырье (в частности, жир, который шел и на мыло тоже). Промысел неприятный и эпидемически опасный, но довольно выгодный. На живодёрню отправлялся по преимуществу мертвый скот. Или больной – только на мыло и годный. Соответственно, было и досудейское выражение «отправить на мыло» (обычно о лошади). Негодного судью – на мыло! К живодёрам [<https://otvet.mail.ru/question/8179015>].

Французский язык.

AUX CHIOTTES L'ARBITRE! ≠ СУДЬЮ НА МЫЛО!

Контекстуально и ситуативно данное выражение полностью совпадает с русским выкриком недовольных фанатов. С точки зрения лексикокультурного заряда французский оборот имеет ряд отличительных признаков по сравнению с русским эквивалентом. Во-первых, понятие «*chiottes*» имеет более широкий диапазон применения:

1. Оскорбление, осуждающее человека его действия.
2. Восклицание, которым проявляют нервозность.
3. Проявление скуки.

Во-вторых, для француза данное понятие предполагает лишь «удаление», «помещение» неугодного судьи в места отправления физиологических потребностей, но никак не смерть.

3. Лексикокультурные лакуны.

Русский язык.

Автобус — сверхоборонительная тактика, когда команда в полном составе нацелена исключительно на оборону собственных ворот и не помышляет о контратаках.

Дерево — игрок, не оправдывающий ожиданий болельщиков (от сравнения с неподвижным растением), а также игрок, не обладающий должным умением приема (обработки) мяча.

Сухарь с изюмом (сленг футбольных статистиков) — матч, в котором вратарь не пропустил гол и отразил пенальти.

Горшок – блок-шот. Поставить горшок означает накрыть бросок противника.

День авиации – ситуация, когда сразу несколько соперников попадают на финт и – одновременно или по очереди – взмывают в воздух, пытаясь накрыть несуществующий бросок. После столь удачного обманного движения забросить мяч в кольцо очень просто.

Мухобойка – высокорослый игрок, как правило – центровой, специализирующийся в основном на блокировании бросков и не слишком хорошо владеющий другими приемами.

Полосатость – то же самое, что рельефность мышц; высокая степень очерченности мышц.

Трёхцветные, лягушатники, мушкетёры, петушки – сборная Франции по футболу.

Французский язык.

Les Bleus (Синие):

Сборная Франции по футболу. Российские болельщики вряд ли назовут футболистов сборной Франции «синие», тем более что лексема «*bleu*» может переводиться на русский язык и как «синий» и как «голубой».

La cacahuète (Земляной орех, арахис):

Арахис растёт на футбольном поле? Скорее футбольный мяч отдалённо напоминает плод арахиса. А если сверхмощный удар с 35 метров оставляет вратаря без движения (трудно заметить арахис, летящий на бешеной скорости), то это доставляет огромное удовольствие болельщикам. На французской футбольной «кухне» можно также найти «*une bonne grosse patate* («хорошую толстую картошку»)» или «*praline*» («обсахаренный и поджаренный миндаль» на французском арго = пуля). Для сравнения, российские болельщики и комментаторы номинируют понятие «нанести удар, достигший цели»: вогнать мяч в ворота, вкатить мяч, вогнать мяч, распечатать ворота, вкатить банку, размочить счет, забить гол, вогнать банку, открыть счет, забить банку, забить мяч в ворота [<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-20475.htm>].

Aile de pigeon (Крыло голубя):

Термин обозначает определённый тип обработки мяча, при котором игрок принимает, смещает или ударяет мяч внешней частью стопы или пяткой, в этот момент нога слегка согнута, когда мяч находится в воздухе, сзади или сбоку от игрока. Для носителя французской лингвокультуры подобная поза напоминает крыло голубя, а само движение – удар крыльями.

Ascenseur (Лифт):

Номинирует действие игрока, опирающегося на тело противника, чтобы сыграть в летящий мяч. Речь идёт о нарушении, которое может повлечь за собой назначение свободного удара.

But casquette («Гол-фуражка»):

Глупый нелепый гол. Происходит из факта гола в ворота голкипера Саусхэмптона С. Джейлина в 1927 году в игре против команды Халл Сити, когда

фуражка вратаря (в это время вратари нередко носили кепки во время игры) наехала ему на глаза, явившись тем самым причиной пропущенного на последней минуте матча гола. Как ни странно, инцидент повторялся ещё несколько раз, и выражение быстро вошло в обиход.

Café crème (Кофе со сливками):

Так обычно во Франции называют вид дриблинга, позволяющего быстро и часто уничижительно избавиться от соперника, используя зрелищные и издевательские финты или обманные приёмы, известные также и российским футболистам и болельщикам, часто называемые по имени первого исполнителя: проброс между ног, финт Круиффа, финт Зидана, проброс скрещиванием, оборот Марадоны, «Радуга», «Рабона» и пр. [<http://www.sports.ru/tribuna/blogs/footballweekly/440254.html>]

Coiffeur (Парикмахер):

Так во Франции называют игрока, обречённого сидеть на скамейке запасных большую часть матча. Существует также выражение «*match des coiffeurs* (матч для парикмахеров)». По преданию, оборот родился в устах одного из болельщиков в ответ на реплику по поводу предстоящего матча на стадионе Сен-Уан в Париже, назначенного на понедельник после обеда в нерабочий день. Кто-то сказал: «Но никого же не будет на этом матче!», а один из болельщиков ответил: «Придут только мясники и парикмахеры». Известно, что во Франции традиционно выходной день для мелких предпринимателей, в частности парикмахеров и мясников.

Otarie (морской лев; морской котик) (Dribble de l'otarie = дриблинг морского льва): удерживая мяч на голове наподобие того, как делает морской лев в цирке.

Renard des surfaces ('Лисица штрафных площадок'):

Номинант опытного бомбардира (самый меткий игрок, чаще других поражающий ворота соперников), способного ухитриться часто забивать голы в штрафной площадке противника. Метафора основывается на сходстве с поведением лисы, которая отличается хитростью и ловкостью в проникновении в места скопления мелких домашних животных. Напомним имена лишь наиболее известных из «лисиц»: Давид Трезеге, Руди Феллер, Герд Мюллер.

Таким образом, спортивный мир обладает техническим вокабуляром, специфичным для каждого вида спорта, а также – жаргоном, арго, сленгом, формируемым каждым национальным спортивным сообществом. Спортивные лексемы сниженного регистра часто характеризуются ярким лингвокультурным зарядом. Они представляют собой неисчерпаемый источник для выявления этнокультурных признаков языковой картины мира и создания лингвокультурологических и лексикологических словарей.

Литература

1. Никитина К.А. Профессиональная спортивная фразеология: классификация по происхождению // Молодой ученый. – 2013. – №9. – С. 459-461.
2. Седых А.П. Французская языковая личность. Когнитивно-коммуникативный аспект (монография). – Белгород: ИД «Белгород», 2013. – 244 с.

References

1. Nikitina K.A. Professional sports phraseology: classification by origin // Young scientist. – 2013. – №9. – P. 459-461.
2. Sedykh A.P. French linguistic identity. Cognitive and communicative aspect (monograph). – Belgorod: ID «Belgorod», 2013. – 244 p.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРНЕТ-ЖАРГОНА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Суржин Аркадий Энверович

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
arkadiy_surzhin@rambler.ru

Науч.рук. доктор филологических наук, профессор **Седых А.П.**

Аннотация

В представленной работе рассматривается специфика формирования и распространения интернет-сленга в французском языке. Показаны основные способы обогащения лексического состава сленга, приведены примеры часто используемых вариантов написания. Также показаны мнения ученых по поводу последствий повсеместного использования сетевого сленга в реальной жизни.

Ключевые слова: Сленг, чаты, обогащение, написание, фонетическое письмо, изменчивость.

SOME ASPECTS OF INTERNET JARGON IN FRENCH

Arkadiy Surzhin

First-year student in the master's programme
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
arkadiy_surzhin@rambler.ru

Scientific director Doctor of Philology, Professor **Sedykh A.P.**

Abstract

The presented work is centered on specifics of formation and propagation of Internet slang in French language. Main ways of lexical enrichment of this slang are shown along with examples of the frequently used spelling variations of common words. Also there is presented the opinion of the scientists about the implications of such a widespread usage of network slang in offline communications.

Keywords: slang, chats, enrichment, spelling, phonetic spelling, variability.

Сегодня общение в сети Интернет становится основным способом быстрого обмена информацией, и это не может не накладывать свой отпечаток на языковые реалии современного общества. Особенно ярко процесс трансформации языковых норм можно наблюдать на ресурсах, где большая часть информации исходит от пользователей — социальных сетях, чатах, тематических форумах, блогах и прочих преимущественно текстовых ресурсах.

В качестве основной задачи работы специфика влияния подобных средств общения на современный французский язык.

Актуальность исследования заключается в том, что процесс создания, повсеместного принятия и, как это часто случается, полного исчезновения новых языковых норм происходит очень быстро в связи с общим крайне высоким темпом информационного обмена. Быстрая изменчивость интернет-сленга позволяет в течение небольшого промежутка времени пронаблюдать зарождение и исчезновение целых пластов языковой культуры в реальном времени даже в рамках не очень продолжительных исследований. Ко всему прочему, с учетом повсеместного доступа в Сеть, преобладание сокращений в быстром текстовом общении и частое пренебрежение нормами пунктуации в угоду скорости сильно влияют на грамотность и стиль речи молодого поколения, которое составляет

львиную долю активных пользователей подобных сервисов. Подобные изменения не могут не отразиться на социокультурном развитии общества.

Практическая значимость работы заключается в применимости результатов исследования как для обучения актуальному разговорному языку, так и для более глубокого анализа влияния сети Интернет на современную лингвистическую ситуацию в стране изучаемого языка.

Основными пользователями интернет-жаргона выступает молодежная среда. Молодежный сленг характеризуется, по большей части, специфическим лексиконом, но не имеет своей собственной грамматики, а опирается на грамматическую и фонетическую базу национального языка, и отличается фамильярной, даже грубой окраской.

В сегодняшних реалиях к причинам быстрой изменчивости данного языкового слоя можно отнести не только постоянную смену поколений, но и создание новых языковых единиц из лексики, заимствованной у иммигрантов из арабских и североафриканских стран.

Помимо лексического материала заимствуются и словообразовательные конструкции из данных языков, что приводит к большему обогащению языкового материала французского арго, в том числе и молодежного и интернет-сленга.

Еще одним очень продуктивным источником новой лексики, несмотря на все усилия французского правительства, является неизбежное в условиях глобализации проникновение английского языка в повседневную жизнь. Даже с учетом принятых законов, ограничивающих использование английского языка на телевидении, английский остается основным источником неологизмов, в то время как новые французские слова приживаются в повседневности менее успешно. Всё это не могло не отразиться еще более значительно на лексике интернет-общения, в силу более тесного контакта с иноязычной, в основном английской, средой.

В начале XXI века в повседневном молодежном общении всё большее распространение получает сленг интернет-чатов, что только ускоряет ассимиляцию жаргонной лексики и популяризирует подобный стиль общения даже среди ранее «непричастных» слоев населения.

В большей степени использование подобного сленга популярно у молодежи, потому что дает им ощущение причастности к группе, обладания «секретным кодом». Речь идет о действительно уникальных «диалектах», понятных только их носителям. Это явление характерно не только для Франции. Во всем мире интернет-сленг у молодежи намного популярнее, чем у других возрастных групп. Данное явление связано не только с чувством причастности к сетевому сообществу, но и с проблемой расшифровки сообщений старшим поколением.

Сторонники «языка чатов» уверены, что такая ситуация дает уникальный шанс обогатить язык как новыми вариантами написания существующих слов, так и принципиально новыми словами. И действительно интернет-сленг достаточно гибок, быстр, мало зависит от норм письменного и разговорного языка, в силу своего предназначения — быстро и коротко передавать информацию. Но, с другой стороны, появление множества небольших групп со своими уникальными сленговыми выражениями противоречит этому применению, потому что использование сложных конструкций осложняет восприятие текста.

У современной цифровой коммуникации есть несколько характерных черт, к которым можно отнести высокую скорость, сжатость, частичное или полное игнорирование орфографических и грамматических правил основного языка. Эти

процессы и являются основой для появления и последующего широкого внедрения новых форм написания и далекой от традиционных норм орфографии. Во французском сегменте мировой сети очень популярным стал фонетический формат письма, когда слоги или целые слова заменяют отдельными буквами или цифрами, а для графического отображения открытых и закрытых слогов используют надстрочные знаки.

Например: *alé* — *Aller*; *avanC* — *Avancer*; *cb1* — *C'est bien*; *ke* — *Que*; *koi29* — *Quoi de neuf*.

Курс изменений вполне понятен — идет замещение фонетических единиц цифрами, похожими по звучанию, и сокращение буквенного состава слова.

Заемствования из английского языка, как британского, так и американского, становятся всё более популярными в условиях глобализации и повсеместной применимости самого английского языка.

Также обнаруживается схожесть способов обогащения интернет-лексики у разных пользователей французского сегмента Интернета. В основном, это проявляется под воздействием самой интернет-среды, и заключается в учащении использования заимствований из английского, арабского, африканских языков, а также в использовании жаргонизмов, аббревиатур и такого сленгового пласта лексики как верлан.

Общение в сети интернет имеет неоднозначные оценки специалистов в области языка. С одной стороны, они признают внедрение технологий и инноваций в повседневную жизнь неизбежной, но с другой — выражают безусловные опасения по поводу состояния нормативного литературного национального языка. Любые новшества и языковые преобразования не могут развиваться и существовать отдельно от основного языка. Они сливаются с ним, что, как считают лингвисты, способно привести к снижению уровня грамотности людей и упадку литературной речи. Ряд французских лингвистов пытались взять контроль над ситуацией посредством введения ограничения на использование жаргонной лексики, часто встречающейся в чатах. Идея была призвана приостановить разрушительные процессы языковой деградации.

При общении в интернете люди зачастую прибегают к сокращению даже, казалось бы, элементарных слов и понятий. Например, доходит даже до урезания приветствия: *Bjr* — *bonjour* (здравствуйте), *slt tlm* — *salut tout le monde* (всем привет). Далее, *tjs* — *toujours* (всегда), *c* — *c'est* (это есть...), *g* — *j'ai* (у меня есть), *2* — *de* (предлог, указывающий, как правило, на аналог родительного падежа в русском), *9* — *neuf* (переводится не только как девять, но и как новый).

И это капля в море. В чатах не существует привычного четкого выделения правил орфографии и лексики, напротив — приветствуется сознательное их нарушение и искажение. Для Исследователей данный факт является серьезным поводом для беспокойства о будущем французского языка, который стремительными темпами упрощается и деградирует и на уровне словообразования, и на уровне сложного синтаксиса. Такие тенденции в изменении языка предполагают, что современная молодежь со временем начнет совершать больше письменных и устных ошибок, чем предыдущие поколения. Люди, ежедневно намеренно допускающие ошибки и сокращения в использовании элементарных слов в чатах, будут машинально переносить их в традиционный французский язык. Ученые считают, что это ведет к снижению общего уровня знания и употребления национального языка.

Появление Интернета в корне изменило значение текста. Сформировалось новое сознание и сетевой образ мышления, люди все чаще активнее реагируют на мультимедийное сопровождение информации, а не на письменную ее подачу. На сегодняшний день можно говорить о формировании нового стиля в языке – стиль интернет-общения. Он является неотъемлемой частью любой социальной сети или чата и влияет на речевое поведение общества.

Как у любого явления, у сетевого жаргона есть как положительные, так и отрицательные стороны. К преимуществам такого стиля общения можно отнести:

1. Возможность передачи большего объема информации за более короткое время. Здесь можно провести аналогию с аббревиатурами – по сути, это сочетание из нескольких букв, которое, несмотря на свой размер, является очень информативным и дает исчерпывающую информацию о предмете.

2. Возможность четко формулировать свою мысль при минимальном использовании слов.

3. Использование смайликов и иконических знаков может передать не только информацию, но и эмоциональное состояние говорящего.

Однако, несмотря на вышеперечисленные факты, измененная лексика способна привести к снижению уровня грамотности, ухудшению знаний орфографии и синтаксиса. Также это представляет серьезную проблему в процессе коммуникации людей, не знакомых с интернет-сленгом, и иностранцев. В речевом акте может возникать множество недоразумений и недопонимание, связанное с тем, что сокращаются слова по принципу произвольного написания. Зачастую, молодежь в чатах пишет слова так, как они воспринимаются на слух. В результате различить те или иные омонимы и паронимы становится практически невозможно. Так, сокращение "*mangé*" может заменять формы глаголов "*manger*", "*mangez*", "*mangeais*"; не существует различий между формами "*se*", "*ce*" и "*ceux*", которые отражаются с помощью "*se*".

Таким образом, на сегодняшний день французский язык находится в состоянии очень быстрой изменчивости. Его изучение, как и изучение любого иностранного языка, требует опоры на знание диалектов и речевых особенностей молодежи, общающейся между собой через социальные сети и чаты. Язык, используемый молодыми французами, помогает понять своеобразие национального взгляда на мир. Также он несет в себе информацию о менталитете и национальную специфику французской молодежи.

Литературы

1. Сидоров А.А. Роль Интернет-общения молодежи в экологии французского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 37 (252). Филология. Искусствоведение. Вып. 61.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди [Текст] / Э. Берн. – М., 2005
3. Свиридонова В.П. Тенденции словотворчества в среде современной французской молодежи // Межрегиональные научные чтения, посвященные памяти профессора Р.К. Миньяр-Белоручева: сб. ст. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006.
4. The utopia of second generation internet technologies: communication by the masses to the masses // Communications & Strategies, 65. - L.: IDATE, 2007.
5. Pujade L. L'écrit sur internet, mémoire de maîtrise. - Toulouse, 2001.
6. Anis J., Matty N. Lecture-écriture et nouvelles technologies. – P., CNDP, 2000.
7. Словарь Интернет сокращений французского языка URL: <http://www.dictionnaire-sms.com>

References

1. Sidorov A.A. Role of Internet communication in French language ecology. Bulletin of Chelyabinsk State University 2011. № 37 (252). Philology. Art History. Issue 61.
2. Berne E. Games People Play. – Moscow, 2005.

3. Sviridonova V.P. Trends of word creation among modern French youth // Crossregional scientific readings dedicated to the memory of Professor R. K. Minyar-Beloruhev : collected articles – Volgograd: Volgogradskoe Nauchnoe Isdatelstvo, 2006.
4. The utopia of second generation internet technologies: communication by the masses to the masses // Communications & Strategies, 65. – L.: IDATE, 2007.
5. Pujade L. L'écrit sur internet, mémoire de maîtrise . – Toulouse, 2001.
6. Anis J., Matty N. Lecture-écriture et nouvelles technologies. – P., CNDP, 2000.
7. Dictionary of French Internet abbreviations URL: <http://www.dictionnaire-sms.com>

УДК 801.3

СПЕЦИАЛИСТУ ОТ НЕ СПЕЦИАЛИСТА: ФИЛОЛОГИЯ – ПЕДИАТРИИ КАК ПРОЕКТ

Харченко Вера Константиновна

доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой филологии

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / wera_kharchenko@mfil.ru

Аннотация

Статья посвящена такому аспекту прикладной филологии, как сбор и публикация материалов из фольклорного, художественного, мемуарного, родословного и разговорного дискурсов, имеющих отношение к уходу за больным ребёнком и профилактике некоторых негативных явлений, фрустраций и страхов. Особенностью подачи материала в подборке является, во-первых, широта источников (классические тексты и современные, данные пяти различных дискурсов, ранее не публиковавшиеся записи высказываний); во-вторых, относящийся к медицине характер информации в цитатах; в-третьих, заведомая пестрота, мозаичность расположения, облегчающая чтение и запоминание прочитанного. Подборка выразительных контекстов в перспективе может обогатить коммуникацию врача и родителей малолетнего пациента, открыть новые грани профессионального общения, повысить самоидентификацию врача как носителя языковой культуры.

Ключевые слова: врач-педиатр, хрестоматия, контекст, пословица, реплика, комментарий.

FOR SPECIALIST FROM NON-SPECIALIST: PHILOLOGY – PEDIATRY AS A PROJECT

Vera Kharchenko

Doctor of Philology, Professor

Head of the department of philology

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia / wera_kharchenko@mfil.ru

Abstract

This paper is devoted to such aspect of the applied philology as the collection and publishing of the materials from folklore, fictional works, memoirs, family lineage and colloquial discourse concerning caring for sick children and prevention of some negative things, frustrations and fears. The specificity of the presentation of materials is, firstly, the broad range of sources (classic and modern writings, samples of five discourses, records of sayings), secondly, medical information in the materials, thirdly, diversity and mosaic character of its position. The sampling of expressive contexts can enrich the communication between a doctor and parents of young patient, open some new facets of professional communication and increase the self-identification of a doctor as a bearer of higher language culture.

Keywords: pediatrician, chrestomathy, context, proverb, remark, comment.

Прикладная филология до сих пор остаётся слабо востребованной областью жизни любого социума. Посоветоваться с психологами, спросить у юристов, обратиться к работникам банковской сферы – подобные консультационные векторы существуют, тогда как у филологов спрашивают в основном о правописании и

3. Sviridonova V.P. Trends of word creation among modern French youth // Crossregional scientific readings dedicated to the memory of Professor R. K. Minyar-Beloruchev : collected articles – Volgograd: Volgogradskoe Nauchnoe Isdatelstvo, 2006.
4. The utopia of second generation internet technologies: communication by the masses to the masses // Communications & Strategies, 65. – L.: IDATE, 2007.
5. Pujade L. L'écrit sur internet, mémoire de maîtrise . – Toulouse, 2001.
6. Anis J., Matty N. Lecture-écriture et nouvelles technologies. – P., CNDP, 2000.
7. Dictionary of French Internet abbreviations URL: <http://www.dictionnaire-sms.com>

УДК 801.3

СПЕЦИАЛИСТУ ОТ НЕ СПЕЦИАЛИСТА: ФИЛОЛОГИЯ – ПЕДИАТРИИ КАК ПРОЕКТ

Харченко Вера Константиновна

доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой филологии

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / wera_kharchenko@mfil.ru

Аннотация

Статья посвящена такому аспекту прикладной филологии, как сбор и публикация материалов из фольклорного, художественного, мемуарного, родословного и разговорного дискурсов, имеющих отношение к уходу за больным ребёнком и профилактике некоторых негативных явлений, фрустраций и страхов. Особенностью подачи материала в подборке является, во-первых, широта источников (классические тексты и современные, данные пяти различных дискурсов, ранее не публиковавшиеся записи высказываний); во-вторых, относящийся к медицине характер информации в цитатах; в-третьих, заведомая пестрота, мозаичность расположения, облегчающая чтение и запоминание прочитанного. Подборка выразительных контекстов в перспективе может обогатить коммуникацию врача и родителей малолетнего пациента, открыть новые грани профессионального общения, повысить самоидентификацию врача как носителя языковой культуры.

Ключевые слова: врач-педиатр, хрестоматия, контекст, пословица, реплика, комментарий.

FOR SPECIALIST FROM NON-SPECIALIST: PHILOLOGY – PEDIATRY AS A PROJECT

Vera Kharchenko

Doctor of Philology, Professor

Head of the department of philology

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia / wera_kharchenko@mfil.ru

Abstract

This paper is devoted to such aspect of the applied philology as the collection and publishing of the materials from folklore, fictional works, memoirs, family lineage and colloquial discourse concerning caring for sick children and prevention of some negative things, frustrations and fears. The specificity of the presentation of materials is, firstly, the broad range of sources (classic and modern writings, samples of five discourses, records of sayings), secondly, medical information in the materials, thirdly, diversity and mosaic character of its position. The sampling of expressive contexts can enrich the communication between a doctor and parents of young patient, open some new facets of professional communication and increase the self-identification of a doctor as a bearer of higher language culture.

Keywords: pediatrician, chrestomathy, context, proverb, remark, comment.

Прикладная филология до сих пор остаётся слабо востребованной областью жизни любого социума. Посоветоваться с психологами, спросить у юристов, обратиться к работникам банковской сферы – подобные консультационные векторы существуют, тогда как у филологов спрашивают в основном о правописании и

произношении, в частности о правильной постановке ударения в том или иной недавно заимствованном слове. Всё это тоже необходимо и значимо, однако «скорая филологическая помощь» возможна и в ином ключе, то есть принципиально иного характера. В процессе преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» первокурсникам-педиатрам я задумалась, чем реально могу помочь своим подопечным как будущим врачам, помимо общих вопросов программы.

Оказалось, что в многочисленных конспектах с цитатами из художественных текстов, в лично собранном фонде разговорных реплик, а также в личном 30-томном архиве семейных родословных таится немало фрагментов, контекстов, записей, которые могут принести пользу будущим специалистам по педиатрии. Так возникла идея создания небольшой брошюры, по жанровым канонам сочетающей в себе сборник эссе, цитатник с вкраплениями пословиц и высказываний из разговорного дискурса. Получилась своего рода хрестоматия выписок. К сожалению, жанровые выигрыши хрестоматий мы пока ещё слабо промышляем и мало ценим. Аспирантам хрестоматии не нужны: они должны опираться на полнотекстовые подлинники, а школы обеспечивают себя сами отрывками из отечественной и зарубежной классики. Вместе с тем в нашей стране немало людей, в том числе и филологов, которые привычно и любовно выписывают из книг то, что их заинтересовало. Мы сейчас ведем речь о хрестоматии особого рода, пребывающей между словарем с его четкостью и очерченностью жанровой позиции и текстом с его «разгуляй-малиной», авторской свободой. Речь идёт о формировании фонда значимого для той или иной профессии запаса коммуникации, в нашем случае запаса того, о чем можно (и нужно!) говорить с родителями маленького пациента.

Вновь активизировавшаяся буквально в самые последние годы [Хлупина 2014, Нестерова 2015, Романова 2015] концепция языковой личности в режиме фундаментальных изысканий нацеливает на исследование того, что уже есть, состоялось. Однако в прикладном аспекте это направление может развиваться под флагом: как помочь специалисту в другой области стать более яркой языковой личностью, как обогатить его коммуникацию. И в этом плане филолог может оказать неоценимую помощь и поддержку, поскольку горизонты и объёмы его чтения и отслеживания языковых сокровищ не только в художественном дискурсе профессионально шире привычных горизонтов и объёмов.

Обратимся непосредственно к педиатрии. Известно: врач лечит ещё и словом. Известно также, что банальные истины парадоксально оказываются подчас и самыми актуальными. Однако сугубо профессиональные нагрузки медицинского персонала зашкаливают. Врачам читать некогда, да и сами родители (а мы будем вести речь о воздействии именно на них!) читают на порядок меньше предшествующих поколений. Свидетельствуют об этом и результаты спонтанного анкетирования школьников трёх школ города Белгорода [Коняева: 2015: 217-236].

Другая причина, подтолкнувшая нас на сбор «филологического материала» в помощь врачу (или медицинской сестре, которая бывает ближе пациенту и его родственникам!), – это разъединение поколений. Печально часто до своего статуса дедушки не доживают, а бабушки в лучшем случае становятся приходящими. В «коллективном бессознательном» укоренилась мысль-мечта: молодые должны жить отдельно. Но именно бабушки в социуме, в том числе в малом социуме семьи, становились ещё и передатчиками народной мудрости, почему некоторые пословицы и канули в Лету, а ведь весьма необходимы для правильного обращения с заболевшим ребёнком.

Ещё один парадокс: постулируемая доступность информации эту самую информацию нередко оставляет не востребоваваемой, «ничейной». Эти знания вроде и есть, но по большому счёту в ситуациях диалога врача и пациента их и нет вовсе.

У того материала, который далее будет представлен, три жанрообразующие особенности.

Первая особенность – это множественность отсылок, обращение к четырем различным источникам, или, как сейчас принято говорить, дискурсам. Во-первых, это фольклорный кладёзь (пословицы). Во-вторых, художественные тексты, то есть цитаты из рассказов, повестей, романов. Круг авторов при этом весьма разнообразен: здесь классики и современные писатели, писатели первой величины и писатели второго ряда. Разумеется, в своём популярном изложении мы не конкурируем с авторитетной монографией «Врачи, пациенты: Патографический дискурс русской литературы XVIII – XIX вв.» [Богданов: 2005]. В-третьих, это фрагменты из семейных родословных, из личного 30-томного архива сочинений на тему «История моей семьи» [Харченко: 2013]. В любительских текстах тоже хранятся крупницы знаний по уходу за ребёнком. Наконец, в-четвертых, это данные из разговорного дискурса – те замечательные спонтанные реплики, которые иногда помогают понять ситуацию и правильно на неё отреагировать.

Вторая особенность нижеследующей подборки материала на тему «Филология – педиатрии» – это «окололечение». Мы отнюдь не претендуем на коррекцию педиатрических навыков, на профессиональную компетентность. Мы «крутимся около»: как успокоить родителей, как помочь словом не только им, но и ребёнку. Будто бы это задача пребывает в ведении детского психолога, но ведь и филолога тоже. Согласимся, авторитет детского врача на порядок выше, чем у психолога и филолога, и он своим словом «может больше, чем может». Для этого мы и предлагаем некий сопутствующий материал во имя, как правило, короткого, но всегда ёмкого, запоминающегося общения.

Наконец, третья особенность материала заключается в пестроте его расположения – так интереснее читать и так лучше запоминается прочитанное. Мы привержены престижным словам «система», «системность», однако мозг – это ещё тот суперкомпьютер, который сам приводит в порядок и вовремя выдаёт всё случайно услышанное или прочитанное. Разрозненное, оказывается, столь же прочно усваивается, как и системное. У современной голландской поэтессы Евы Герлах есть интересное стихотворение «Крошево»: *Целостное нам не видно, оно чересчур / велико, не по плечу, не укладывается / у нас в голове. // Зато всё, что на куски, в щепы, измолото, / крошево, пюре, распыление или распад – / всё, что разрозненно, намертво в нас засело* [Герлах: 2013, 223].

Гипотеза книги ли, статьи подчас сама подсказывает оптимальную композицию, более того, подсказывает даже графическое представление материала. Как правило, мы отталкиваемся от кратких формул, но снабжаем их комментариями и/или фрагментами из других дискурсов. Педиатр лечит не только ребёнка, он параллельно «лечит» маму, «лечит» семью. Кое-что из нижеизложенного не обязательно говорить родителям (например, о гипердиагностике из рассказа Виктории Токаревой «Самый длинный день» или о «заговаривании» умершего ребёнка из рассказа Леонида Андреева), но вчитаться в эти фрагменты, надеемся, будет бесполезно. Приведём фрагменты из собранной хрестоматии.

«Без болезней дети не растут».

Мы ужасно переживали, когда дети болели, а наш сосед по дому и коллега по работе в пединституте Захар Александрович Скопец как-то мне сказал: «Дети без болезней не растут!» (А.О. Стернин. Диалектика прошлого. Страницы воспоминаний. Воронеж, 1997).

Битая посуда два века живёт.

Резковатая пословица, но ведь она способна утешить маму, отчаявшуюся от бесконечных заболеваний малыша, как, впрочем, и предыдущая реплика. Кстати, это можно адресовать и часто болеющему подростку как воспитание оптимизма у детей. Психолог Маргарита Жамкочьян советовала почаще напоминать ребёнку, что у него не получалось, а потом получилось, что болел, сильно болел, но ведь выздоровел! Вадим Шефнер вспоминал слова матери: *«Однажды она в утешение сказала мне, что тот, кто часто болеет, долго живёт»* («Имя для птицы, или Чаепитие на жёлтой веранде. Летопись впечатлений»).

«Не всякая болезнь остаётся в теле. Даже самая страшная»

«Пребуди, чадо, в здравии. Пока человек на земле, многое поправимо. Знай, что не всякая болезнь остаётся в теле. Даже самая страшная. Объяснить это не могу ничем иным, кроме как милостью Всевышнего, но вижу, что проказа из тебя выйдет. Ты же возвращайся к твоим домашним, и обними их, и не разлучайся с ними никогда» (Евгений Водолазкин. Лавр: Роман. М., 2015). Не обязательно цитировать этот отрывок из романа, посвящённого судьбе средневекового врача, полностью, тем более упоминать о проказе, но мысль, что не всякая болезнь застревает в теле, тем более в молодом, растущем теле, тоже способна успокоить родителей.

«С детьми надо возиться».

Так сказала молодым родителям Машеньки известный в Белгороде неонатолог Александра Семёновна Соляр в ответ на вопрос, какое лекарство заменит ежедневный массаж ножек девочки мамиными руками. Старые люди говорили: нянчись с маленьким, тогда не придётся нянчиться, когда вырастит.

«Носи дитя, пока маленькое, вырастет – не поносишь!»

Это же счастье – прижать к себе, тепло почувствовать! В одной из семейных родословных есть любопытная зарисовка. Бабушку все ругали, что внуку уже шесть лет, а она его носит на руках. А бабушка на это отвечала с гордостью: *«Пока ноги до земли доставать не будут – буду носить!»* Это ведь потом появилась, то есть выделилась особая наука о прикосновениях – хептика, в которой изучают, насколько это важно и в плане миротворчества в семье, и в подсознательной защите от одиночества (дети тискают друг друга), и в самом чувстве защищённости.

Дитя не плачет – мать не разумеет.

Очень важная мысль: почаще напоминать родителям, что такой возраст коварный. Что-то взял в рот, куда-то полез. В семейных родословных немало описывается случаев даже смерти детей по недосмотру. Глаз да глаз нужен, тем более при не одном взрослом! *У семи нянек дитя без глазу.*

Кто без присмотра в колыбели, тот весь век не при деле.

Когда домой приносят новорождённого, то у молодых родителей часто наблюдается шок от количества ежечасных обязанностей. Два года испытаний, но зато потом на всю жизнь какая радость! Перед глазами картинка: немолодая мама под Туапсе несёт на руках маленького инвалида к морю. Может, это пожизненное испытание от рождения, а если от собственного недосмотра?

Не только давать ребёнку, но и брать от ребёнка.

Как ни трудно с малышом, но время работает на тех, кто подарил ему жизнь. Симон Соловейчик писал об испытаниях родителей, когда их отпрыску «дважды два – четыре». А потом добавляет: «А какая радость от больших детей! У неё и вкус особый!». Рассуждая о малышах, Татьяна Афанасьева обращает внимание вот на что: мы часто говорим, что мы должны дать ребёнку, и ничего не говорим, что ребёнок может дать родителям, а именно: дать возможность себя любить! «А книжные и телерадиосоветчики учат юных мамаш гигиене ребёнка, учат, как с ними гулять, играть, то есть опять же учат ДАВАТЬ ребёнку, но не учат БРАТЬ от него. Учат трудам материнства, но не учат РАДОСТЯМ. <...> Безрадостное материнство и неулыбчивое отцовство часто влекут за собой неулыбчивое детство, даже жизнь. При всех трудностях быта молодой семьи нужно искать малейший повод для улыбки, радостного удивления. Сам ребёнок даёт для этого очень много возможностей (Татьяна Афанасьева. Толстой и детство. М., 1978).

Ребёнка не переделаешь!

О нет, это не в том смысле, что гены своё возьмут. Здесь о буднях. Эту незнакомую мне пословицу я услышала от соседки, когда у меня родился сын и мы с мамой падали с ног от усталости, стремясь делать всё по правилам. Да, можно хорошо прибраться, всё перестирать, всего наготовить, но при грудничке тяжёлое колесо крутится постоянно. Справляться с крошечной усталостью помогает и нижеследующий, уже библейский афоризм.

Иго благое и бремя лёгкое.

Не дадут полежать, кричат, стучат, шумят, просят есть, одень их, раздень, подай то, подай другое, капризничают. С улицы дети приходят в пыли, в грязи, с мокрыми ногами. Что-нибудь разорвут. Надо на них стирать, гладить, зашивать, штопать. Надо купить обувь, одежду. <...> Все мы устали, всем нам некогда, всем нам надо работать, все мы хотим покоя. И далеки и непонятны нам слова об «иге», которое надо взять на себя для того, чтобы обрести покой душе. Если бы в нашей душе жила покой и жалость, если бы мы горевали о том, какая жизнь у них будет, мы терпели бы беспокойство от них, не тяготились бы усталостью. Мы почувствовали бы, что дети «иге благое и бремя лёгкое...» (Борис Шергин).

Мать своим страхом может изурочить ребёнка.

Какое интересное старинное слово «изурочить»! О чём это? Читаем в статье Т.Б. Щепанской, опубликованной в сборнике. «Ребёнок кричит, не спит – мать идёт к знахарке: «Обурочили». А та ей объясняет: «Человек, бывает, ничего не думает, а ты (мать) сама подумай: «Ой, хоть бы не сглазила!» – урок-то и пристанет. От своей мысли». – «Я матери говорю: раз так боишься, клади под язык зёрнышко ли чо. Сама чтоб не изурочила. Она сама дрожит – дак сама сглазить может, « – делится опытом тинеежская знахарка. Знахарка (в данном случае как выразительница мнения женского сообщества) не даёт санкции на разрыв отношений: «Обурочат – ну-ко то, сама подумай, мать-то, то и от своей думы может пристать. Своя дума, говорит, всех хуже». В этом случае снимали уроки с помощью заговоров, направленных не на отчуждение другого человека, а на нейтрализацию «своей думы» [Щепанская: 2001, 248-249].

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Ну, это все знают, хотя применяют пословицу чаще к мужу, который заявляется в четыре часа утра неизвестно откуда или увлекается чем угодно, кроме семейных забот. А ведь пословица напрямую связана с педиатрией. С медицинской точки зрения это очень грамотная пословица. Дети плакать не должны. Плачет –

значит ребёнка что-то беспокоит. Применительно к воспитанию (не только лечению!) старших детей есть хороший афоризм современного писателя Альберта Лиханова: «*Они всегда правы, наши неправые дети!*». Это и про слёзы тоже: быстрее сообрази, что не так. Мой сын становился капризным не в момент выздоровления, как это обычно бывает у детей, а непосредственно перед заболеванием, что, мне, как «педагогине», которую студенты слушаются, а «оно» не слушается, не нравилось. Если б знать, что это сигнал начинающегося недомогания!

Болезнь приходит пудами, уходит золотниками.

Эту пословицу любила повторять моя бабушка, и мне удивительно, что сейчас я совсем не слышу такого точного сравнения. Дорогие родители, потерпим! Болезнь как сбой в совершенном организме требует времени для настройки, отладки, ремонта.

«А многих вы видели людей, у которых...»

Это тоже о времени и терпеливом ожидании. Замечательное утешение, о котором рассказывает в своей книге Симон Соловейчик. Взволнованная мама пришла к врачу. «Доктор, сыну полтора года, а ещё ни одного зуба! Что делать?». Врач был старый, опытный, а потому мудрый и спокойный. Молодой мамочке он ответил совершенно неожиданно. Он у неё спросил риторически: «А многих вы видели людей, у которых не выросли зубы?» Мама успокоилась, и вскоре у мальчика пошли зубы, один за другим. Это ведь тоже имеет отношение к старинному «изурочить».

«Иметь детей – это ответственность»

Речь идёт о выборе, за что в первую очередь отвечать. В романе «Перелом» врач Глеб Евгеньевич Чагин выговаривает героине, тоже, кстати, врачу: «*Иметь детей – это ответственность, и немалая. А вы её избегали. Шли по линии наименьшего сопротивления. – Я же работала. Не избегала сопротивления. Я была вся в работе. – Тогда не надо было иметь детей. Быть в работе целиком, без остатка – значит закрыть глаза на всё остальное. А остального много. И дети – самое главное*» (И. Грекова).

«Многодетным матерям / не до выдуманных драм».

Это строки из замечательной поэмы «Утюг» (впрочем, жанр обозначен как «характеристика») Марины Кудимовой о детях в специнтернате (Новый мир. 2000. № 9). Весьма точная сентенция о том, что с увеличением числа детей в семье многие страхи и проблемы ухода за ребёнком, если не исчезают, то, во всяком случае, спасительно притушёвываются.

«А хвалим мы мало!»

Процитируем разговор с профессиональным психологом Валентиной Васильевной Гончаровой, чья невестка ожидала прибавления в семье. *Они же так воспитаны, а любовь тренируема! Ты ж целуй, обнимай, я говорю! «И трёхлетнего?» Они думают, раз подросток – уже не надо эмоций! Мол, избалуешь похвалой. Да кого когда похвала избаловала-испортила? Люди недополучают похвалы! Да, я говорю: хвалите! Ругаем мы и так часто, и так много! А хвалим мы мало. Я сестре говорю... Ведь раньше были другие слова: не «поругай», а «пожури», не похвали, а... Вот забыла! (смеётся) (03.11.2013).*

«Ей хочется быть маленькой!»

Самый читаемый философ, хотя рекламой его текстов никто не занимается, Василий Розанов советовал: «Люди должны дотрагиваться друг до друга – вот моя мысль. Гетенберг уничтожил всеобщую потребность *дотрагиваться...*» В дотрагивании великая тайна мира. Знаете ли вы, что Элевзинские таинства заключались в дотрагиваниях». Инженеру Виктору Борисовичу Тулупову (г. Тверь),

скажем так, не до чтения философов, однако при крошечной своей занятости этот человек сердцем понял, как важно подарить тепло неродной 12-летней внучке Фаине, которая недавно стала старшей сестрой Верочки, полностью завладевшей вниманием папы и мамы. Супруга подметила это: *«Фаюшку он не оставляет без внимания! Он то её приголубит, то на руки посадит. И она не сопротивляется, ей хочется быть маленькой!»* (14.12.2014).

Бог дал – Бог взял. Тебе надо – и Богу надо.

Это о самом скорбном – о смерти ребёнка. Так говорили в старину. Родителям надо самим исполнить ту самую работу, которая у психологов называется работой горя. Лев Толстой, похоронивший младенцами трёх сыновей: Алексея, Николая и Петра, а Ванечку – девятилетним (у писателя было 13 детей, выжило девять), придя с похорон, записал в дневнике: *«Похоронили Ванечку. Какое чудовищное, нет, великое событие!»* У Леонида Андреева есть рассказ «Великан». Мать носит на руках только что умершего мальчика и заговаривает смерть-великана. Необходимость и в то же время невозможность говорить что-то – так комментирует этот рассказ Т.А. Глушченко. Осознание ужаса прорывается в словах: *«Вот... Вот... Вот... Этого не может быть. Я крепко, я нежно, нежно держу тебя, мой мальчик. Тебе не страшно, что тут так темно? Посмотри, вон в окнах свет. Это фонарь на улице, стоит себе и светит, такой смешной. И сюда посветил немного, такой милый фонарь. Сказал себе: «Дай и туда посвету немножко, а то у них так темно – так темно». Такой длинный смешной фонарь. И завтра будет светить – завтра. Боже мой, завтра!»* [Глушченко: 2007, 57].

У Александра Блока есть стихотворение: *«В голубой далекой спальне / Твой ребёнок опочил»*. Блока спрашивали: умер или уснул? Но поэт и сам не знал: так написано. Смерть вообще загадочна! А в старину утешали парадоксами. Мне рассказывала о словах своей матери женщина-лингвист, похоронившая 20-летнего сына, погибшего в результате авиакатастрофы. *«Это тебя Господь так любит, что посылает тебе такое испытание!»*. Но, может, лучше ничего и не говорить, а подойти и обнять?

«Я люблю, когда в доме есть дети / И когда по ночам они плачут».

Гениальная концовка стихотворения Иннокентия Анненского. Горькой, горестной альтернативой этому звучит заключительная строфа из стихотворения Анны Ахматовой: *Каждый день мой – весёлый, хороший. / Заблудилась я в долгой весне, / Только руки тоскуют по ноше, / Только плач его слышу во сне*. Вспоминаются пословица: *Дом с детьми – содом, без детей – могила*.

«Дети родителей бодрят»

В поезде ехали двое немолодых мужчин. Как оказалось, это бывшие военные, подрабатывающие на стройках в Москве. Они увлечённо обсуждали свои проблемы. У одного, как оказалось, четверо уже достаточно взрослых детей, у другого – двое. И вдруг, завершая разговор, отец четверых детей сказал афоризмом, причём с интонацией если не благодарности, то удовлетворения: *«Дети родителей бодрят!»* (23.04.2011). Известный писатель, отец четверых детей Захар Прилепин в ноябре 2015 года дал интервью в «Папин журнал». *Недавно исполнилось 15 лет совместной жизни, и только спустя это время я стал понимать, что такая вещь, которая называется карьера, и трудовой путь – она делается не вопреки детям, а благодаря их наличию. Все, что у меня произошло в жизни, как раз и случилось в прямой связи с появлением у меня новых детей. Когда родился первый ребенок, я был нищ, как церковная мышь. Когда второй появился на свет, у меня в жизни стало что-то*

получаться. Когда третий – я стал известным писателем. Когда четвертый ребенок появился, я получил 100 тысяч долларов на руки; стали появляться спектакли по моим книжкам. <...> Можно писать не о детях, не ради детей. Просто само их присутствие дает такую полноту ощущения мира, бытия, света и Бога, какую не получишь больше нигде и никак.

Теперь обобщим сказанное, то есть «забудем» о педиатрах и детских болезнях. Если бы я вела свой предмет у будущих географов и геологов, то в свою «любительскую» хрестоматию включила бы прекрасные описания минералов у Ломоносова, и размышления В. Родомана о типах пейзажей, и фрагменты из книги Н.П.Юшкина «Начало пути» – о судьбе геолога – будущего академика. Припомнила бы и небольшой рассказ С. Залыгина, как девушка-геолог оступилась в горах.

И в качестве заключения к статье скажем самое, пожалуй, главное. В профессиональной, научно-популярной, «просветительской» литературе, особенно в тех рекомендациях, которыми полны глянецовые журналы или книги по практической психологии, например, имеет место... бедность языка, почему советы легко глотаются и столь же легко исчезают из памяти. В художественном тексте язык замечательный, но вот выловить, выделить практические рекомендации, сияющие светом их прекрасного словесного обрамления, – это уже особая миссия, не всегда и не всеми осознаваемая задача филолога-прикладника.

Литература

1. Богданов К.А. Врачи, пациенты: Патографический дискурс русской литературы XVIII – XIX вв.: М: ОГИ, 2005. – 504 с.
2. Герлах Ева. Крошево // Дружба народов. 2013. № 11. – С. 223.
3. Глушенко Т.А. Истоки антонимических значений окказиональной метафоры в рассказе Л. Андреева «Великан» // Язык художественных произведений писателей-орловцев. Вып. 2. Орел: ОГУ, 2007. С. 52-57.
4. Коняева Е.П. «Моя мама читает Пушкина и книги про овощи» // Дружба народов. 2015, № 6. – 217-236.
5. Нестерова О.А. Психолингвистические и лингвокогнитивный анализ языковой личности (на примере публицистического дискурса В.П. Астафьева). Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – Нижний Новгород, 2015. – 24 с.
6. Романова М.С. А.Тарковский как языковая личность: способы репрезентации в поэтическом тексте. Дис. ...канд. филол.наук. Пятигорск, 2015. 171 с.
7. Харченко В.К. Личный архив семейных родословных: В 30 тт. Белгород, 2013.
8. Хлупина М.А. Особенности языковой личности С.Д. Довлатова. Дис. ...канд.филол.наук. – М., 2014. 255 с.
9. Щепанская Т.Л. К культуре эмоций (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. – М.: Российский гуманитарный ун-т, 2001. – С. 236-265.

References

1. Bogdanov K.A. Vrachi, patientu, chitateli: Patographicheskiye texti of Russian culture XVIII – XIX vv. – M.: OGI. 2005. 504 p.
2. Gerlakh E. Crumbs // Druzba narodov. 2013. № 11.– P. 223.
3. Glushchenko T.A. of antonymic means of occasional metaphor in novel by 3. L. Andreev «Velikan» // The language of literary texts by writers-orlovtscev. V. 2. Orel: OGU, 2007. P. 52-57.
4. Konyaeva E.P. «My mother read by Puschkin and books about vegetables» // Druzba narodov. 2015. № 6. – P. 217-236.
5. Nesterova O.A. Psycholinguistics and lingvocognitivistics analyze of language personality (on material of publicities discourse by V.P. Astaphiev) // Cand. philol. sci. thesis diss. – Nizhniy Novgorod, 2015. – 24 p.
6. Romanova M.S. A. Tarkovskiy as language personality: methods of representation in poetics text: Cand. philol sci.dis. – Pyatigorsk, 2015. – 171 p.
7. Kharchenko V.K. Personal archives of family histories: 30 vv. – Belgorod, 2013.
8. Khlupina M.A. Specifically of language personality S.D. Dovlatov: Cand. philol. sci.dis. – M., 2014. – 255 p.
9. Shchepanskaya T.L. K culture emotsiy (emotsionalnaya samoregulyatsiya v culture of materinstva) // Rodini, deti, povituhi v traditsiyah of narodnoy culture / Sost. E.A. Belousova. – M. Russian humanitarnuy university. 2001. – P. 236-265.

ЛИЧНОСТЬ РЕБЁНКА И РОДИТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС

Черноштан Мария Петровна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия, *mobelgorod@yandex.ru*
Науч.рук. доктор филологических наук, профессор **Седых А.П.**

Аннотация

В представленной работе рассматривается специфика родительского дискурса в его взаимодействии с ребёнком. Предлагается типология языковых личностей родителя в рамках его воздействия на личность ребёнка. Показаны различные точки зрения исследователей на проблему формирования языковой личности ребёнка.

Ключевые слова: родительский дискурс, языковая личность, коммуникативное поведение, типология личности, стиль речи.

CHILD IDENTITY AND PARENT DISCOURSE

Maria Chernoshtan

First-year student in the master's programme
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
mobelgorod@yandex.ru
Scientific Director Doctor of Philology, Professor **Sedykh A. P.**

Abstract

The presented paper is centered on specifics of parent discourse in its interaction with the child. The typology of language parent figures in its impact on the child identity. It is showed different views of researchers on the issue of formation of the child's linguistic identity.

Keywords: parental discourse, linguistic identity, communicative behavior, personality typology, style of speech.

Взаимоотношения детей и родителей находятся под пристальным вниманием уже не одного поколения ученых. Извечная тема отцов и детей является актуальной и сегодня. Важнейшей и практически универсальной формой общения взрослых и детей, осуществляемой в ходе их совместной деятельности, является внутрисемейная коммуникация [4].

А.Г. Кузнецова утверждает, что никто не рождается на свет с готовым характером, интересами, склонностями, волей, определенными способностями. Все эти свойства вырабатываются и формируются постепенно с момента рождения и до зрелости.

Особую роль в жизни человека, формировании и удовлетворении духовных потребностей, а также в его первичной социализации играет семья. Личность формируется под влиянием всех общественных отношений, в которых протекает его жизнь и деятельность. Уровень нравственной культуры родителей, их жизненные планы и устремления, социальные связи, семейные традиции имеют решающее значение в развитии личности ребенка [3]. Личность ребёнка находится под активным воздействием личности родителя, которая часто манифестируется в рамках специфического родительского дискурса и часто «воспитательной» фразеологии.

Родительский дискурс является сложным коммуникативным явлением, обладающим дифференциальными особенностями, которые одни ученые связывают с продуктом речевого воздействия с присущей ему смысловой однородностью, актуальность, привязанностью к определенному контексту, жанровой и

идеологической принадлежности (Т.А. Ван Дейк, В. Кинч, В.З. Демьянков, А.Е. Кибрик, И.М. Кобозева, W.Chafe, W. Labov), а другие (О.В. Александрова, Е.С. Кубрякова, В.В. Красных) отождествляют с вербализованной деятельностью и присущей ей соотносительностью с целым слоем культуры, социальной общности и даже с конкретным историческим периодом [5].

Специалисты пришли к выводу, что в первый год жизни ребенок получает огромный объем информации, который по насыщенности несравним ни с каким другим периодом его жизни. Именно в это время родительский дискурс наиболее важен для формирования личности ребенка. Ему необходимо объяснять буквально все: «*Это игрушки, это обувь, шкаф, стол, руки, вода...*» и т.п. Рассказывать сказки, читать стихи рекомендуется уже с рождения. Ребенок привыкает к мелодике родного языка, затем начинаем подражать сам. Так, гуление – звуки, издаваемые младенцем, есть первые попытки быть услышанным. Звуковая палитра, дополненная визуализацией, поможет насытить информационный поток растущего «не по дням, а по часам» малыша. Постоянный разговор с детьми, позволит такой форме общения вылиться в хорошую привычку.

Интонационная составляющая играет немаловажную роль. В силах родителей сделать следующее: как можно чаще говорить мягким голосом, со спокойным тембром: «*Мой хороший*», «*Спасибо!*», «*Люблю*». Наши слова помогают ребенку приобрести чувство комфорта. Словом можно и ранить, что негативно отразится на формировании личности ребенка. Немало советов на эту тему со стороны педагогов: «*Возьмите за аксиому хвалить ребенка каждый день*». На наш взгляд, необходимо хвалить не только ребенка, но и всех членов семьи. Если отец заметит труды матери – это услышит ребенок, и в дальнейшем будет поступать по такой же схеме поведения в своей семье. «*Мама, я вырасту и женюсь на тебе*», - заявляет 4-летний сын. Его поведение объясняется подражанием отцу. Если родители хвалят самого ребенка — он вырастет уверенным в себе человеком, при этом умеющим подмечать достоинства другого. «*Как ты мне надоела со своим нытьем*», - говорила девочка лет 5 своей кукле. И вот противоположный пример: «*Наша дочка хорошо кушает!*», - подметила девочка из той же возрастной категории. Дети в обоих случаях говорили о неодушевленных предметах — игрушках. Скорее всего, девочки переняли тактику поведения своих матерей.

В семье ребёнок приобретает убеждения, общественно одобряемые формы поведения, необходимые для нормальной жизни в обществе. Именно в семье проявляется в наибольшей степени индивидуальность ребёнка, его внутренний мир. Родительская любовь помогает раскрыть, обогатить эмоциональную, духовную и интеллектуальную сферу жизни детей. Дети ищут одобрения в глазах родителей: «*Мамочка, я же молодец?!*», - часто спрашивают меня сыновья. Им нужна родительская поддержка.

Родители – первые воспитатели – имеют самое сильное влияние на детей. Еще Ж.-Ж. Руссо утверждал, что каждый последующий воспитатель оказывает на ребенка меньше влияния, чем предыдущий.

Проблематика детско-родительских отношений остается неизменно острой на протяжении всего развития психологической науки и практики. Взаимодействие ребенка с родителем является первым опытом взаимодействия с окружающим миром. Этот опыт закрепляется и формирует определенные модели поведения с другими людьми, которые передаются из поколения в поколение. В каждом обществе складывается определенная культура взаимоотношений и взаимодействия между

родителями и детьми, возникают социальные стереотипы, определенные установки и взгляды на воспитание в семье [5].

Семья – это особого рода коллектив, играющий в воспитании личности ребенка основную, долговременную и важнейшую роль. Традиционно главным институтом воспитания личности ребенка является семья. То, что ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течение всей последующей жизни. Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность, ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. В ней закладываются основы личности ребенка, и к поступлению в школу он уже более чем наполовину сформировался как личность.

Семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора воспитания. Положительное воздействие на личность ребенка состоит в том, что никто, кроме самых близких для него в семье людей – матери, отца, бабушки, дедушки, брата, сестры, не относится к ребенку лучше, не любит его так и не заботится столько о нем. Вместе с тем никакой другой социальной институт не может потенциально нанести столько вреда в воспитании детей, сколько может сделать семья. Именно в семье ребенок получает первый жизненный опыт, делает первые наблюдения и учится как себя вести в различных ситуациях. Очень важно, чтобы то, чему в семье учат ребенка, подкреплялось конкретными примерами, чтобы он видел, что у взрослых теория не расходится с практикой. Зачастую это не так: *«Я курю, но это плохо, так не делай!»*.

Динамика семейной жизни и характер эмоционального отношения родителей к ребенку отражаются в семейной речи, как следствие имеют существенное значение при формировании его личности [3]. Не только ребенок подражает родителям, но и родители подстраиваются под стиль речи ребенка. Так возникает сюсюкание: *«Уся-пуся мой»*, *«Кто у нас такой масенький»*. Откуда взялись такие слова? Так говорит ребенок. На взрослое *«хорошенький»* ребенок произносит свое *«хаёсенский»*, которое дикционно ещё неправильно. Умиляясь, родитель подхватывает эту детскую манеру, и применяет ее при разговоре с малышом. Родителю рефлексивно кажется, что такой язык ребенок поймет лучше, что такой стиль общения — объединяющий детей и родителей. Сюда включается уменьшительно-ласкательная форма слов: *«мама — мамочка»*, *мальчик — мальчишка»*. Такая тенденция прослеживается в языковой картине мира. Например, во французском языке слово *«мама»* преобразуется в *«мамочка»* за счет суффикса *-ette* *«maman – mamounette»*, японском к слову добавляют *«чан»* *«Маша-чан»*, в итальянском суффиксы *-ito, -ita* (имя *Pablo – Pablito, Lola — Lolita*). Почему мы хотим порадовать, приласкать ребенка? Почему ребенок охотно отзывается на доброту. Так, ответ на этот вопрос дает Франсуаза Дольто, говоря в своих работах врожденной доброте ребенка [5].

И отечественные и зарубежные ученые сходятся во мнении, что развитие личностных качеств детей напрямую зависит от стиля общения и взаимодействия в их семье. По сути дела речь часто идет о различных типах языковой личности. Приведем примеры основных стилей родительской речи и соответственно образцы типологии языковой личности родителя (далее ЯРЛ), с учётом терминологии М. Кравцовой [2]:

Авторитарный тип ЯРЛ:

Общение между детьми и родителями как такового не происходит, его заменяют жесткие требования и правила. Родители чаще всего отдают приказания и ждут, что они будут в точности выполнены, обсуждения не допускается:

«Немедленно!», «Я тебе что сказала?!», «Помолчи!», «Да кто тебя спрашивает?!», «Сказали – делай!». Дети в таких семьях, как правило, непритязательны, замкнуты, боязливы, угрюмы и раздражительны. Девочки обычно остаются пассивными и зависимыми на протяжении подросткового и юношеского возраста. Мальчики могут стать неуправляемыми и агрессивными и чрезвычайно бурно реагировать на запрещающее и карающее окружение, в котором их растили.

Либеральный тип ЯЛР:

Родители почти совсем не регламентируют поведение ребенка, открыты для общения с детьми. Детям предоставлена полная свобода при незначительном руководстве со стороны родителей: «*Это твоя жизнь – тебе решать, сынок*». Отсутствие каких-либо ограничений приводит к непослушанию и агрессивности, дети часто на людях ведут себя неадекватно, склонны потакать своим слабостям, импульсивны. При благоприятном стечении обстоятельств дети в таких семьях становятся активными, решительными и творческими личностями. Если же попустительство сопровождается открытой неприязнью со стороны родителей, ребенка ничто не удерживает от того, чтобы дать волю своим самым разрушительным импульсам.

Отвергающий тип ЯЛР:

Своим поведением родители демонстрируют явное или скрытое неприятие ребенка: «Ты как твой отец!» (негативный подтекст). Например, в тех случаях, когда рождение ребенка было изначально нежелательным или если хотели девочку, а родился мальчик. Ребенок изначально не соответствует ожиданиям родителей. Бывает, что малыш на первый взгляд желанный, к нему внимательно относятся, о нем заботятся, но у него нет душевного контакта с родителями. Как правило, в таких семьях дети становятся либо агрессивными, либо забытыми, замкнутыми, робкими, обидчивыми. Неприятие порождает в ребенке чувство протеста. В характере формируются черты неустойчивости, негативизма, особенно в отношении взрослых.

Индифферентный тип ЯЛР:

Родители не устанавливают для детей никаких ограничений, безразличны к ним, закрыты для общения. Часто они так погружены в собственные проблемы, что у них просто не остается времени и сил на воспитание детей: «Не сейчас», «я занят», «пойди, поиграй сам». Если безразличие родителей сочетается с враждебностью, ребенок может проявить склонность к асоциальному поведению.

Гиперсоциальный тип ЯЛР:

Родители стремятся педантично выполнять все рекомендации по «идеальному» воспитанию ребенка: «*есть слово «НАДО*», «*Никогда не опаздывай*», «*Учись прилежно*», «*Дневник — лицо ученика*». Дети в подобных семьях чрезмерно дисциплинированы и исполнительны. Они вынуждены постоянно подавлять свои эмоции и сдерживать желания. Результатом такого воспитания становится бурный протест, агрессивное поведение ребенка, иногда и аутоагрессия.

Эгоцентрический тип ЯЛР:

Ребенку, часто единственному, долгожданному, навязывается представление о себе как о сверхценном человеке. Он становится кумиром и «смыслом жизни» родителей. При этом интересы окружающих нередко игнорируются, приносятся в жертву ребенку: «*Ты должен быть лучшим!*»

В результате он не умеет понимать и принимать во внимание интересы других, не переносит никаких ограничений, агрессивно воспринимает любые преграды. Такой ребенок расторможен, неустойчив, капризен.

Авторитетный тип ЯЛР:

Наиболее эффективный и благоприятный тип личности для развития гармоничной личности ребенка. Родители признают и поощряют растущую автономию своих детей. Открыты для общения и обсуждения с детьми установленных правил поведения, допускают изменения своих требований в разумных пределах. Родители данного типа говорят детям: *«Нам важно знать, что ты думаешь по этому поводу»*, *«Подскажи, как нам быть»*, *«Ты прав»*, *«На мой взгляд, ты сделал всё правильно»*.

Дети в таких семьях превосходно адаптированы, уверены в себе, у них развит самоконтроль и социальные навыки, они хорошо учатся в школе и обладают высокой самооценкой.

Тема любви к ребенку широка и многогранна. Этим разговором мы осветили некоторые аспекты данной темы. Более конкретные вопросы, касающиеся каждого малыша в отдельности, предстоит решать самому родителю, или тому, кто собирается им стать. Как любить собственного ребенка, подскажет не только опыт и знание предмета обсуждения, но и собственное сердце.

Самое главное – всегда помнить, что ваша любовь к детям должна быть безусловной. Ребенок должен быть уверен, что он всегда любим вами, независимо от того, какую оценку он получил в школе, или какую вазу случайно разбил. Он должен знать, что вы его любите просто так, просто за то, что он есть! И не забывайте про уважение к собственным дочерям и сыновьям! Если в ваших отношениях царят тепло, внимание, любовь и уважение, то ваш ребенок будет расти и развиваться беспрепятственно!

Таким образом, источником знаний, своеобразной «питательной средой» для заимствования навыков, в том числе (и в первую очередь) речевых являются родители. Именно на личности родителя (языковой личности в частности) лежит большая ответственность за речь, а значит мышление человека, недавно вступившего на жизненный путь.

Литература

1. Дольто Ф. На стороне ребенка. – Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2010.
2. Кравцова М., Луговская А. Ребенок без проблем. Решебник для родителей, 2008. – 89 с.
3. Кузнецова А.Г. Чтобы личность состоялась Роль семьи в формировании и развитии личности ребенка [Электронный ресурс]: Севастополь, 2013. – 11 с. Режим доступа: <http://new.svlib.ru/index.php?id=5>. (09.12.2015).
4. Резницкая Г.И. Особенности семейного дискурса и его роль в процессе социализации ребенка // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та: науч. журн. – М.: Рема, 2010. – № 586. – С. 219-231.
5. Седых А. П. Французская языковая личность. Когнитивно-коммуникативный аспект: монография. – Белгород: ИД «Белгород», 2013. – 232 с.
6. Фромм Э. Искусство любви. – Минск: ТПЦ «Полифакт», 1990.

References

1. Dolto F. On the side of the child. – Ekaterinburg: Rama Publishing, 2010.
2. Kravtsova M., Lugovskaya A. A child without problems. Reshebnik for parents, 2008. – 89 p.
3. Kuznetsova A.G. To the person took the family's role in the formation and development of the child's personality [electronic resource]: Sevastopol, 2013. - 11 p. Access: <http://new.svlib.ru/index.php?id=5>. (09.12.2015).
4. Reznitskaya G.I. Features family discourse and its role in the process of socialization of the child // Vestn. Mosk. state. linguist. Univ: scientific. Zh. – M.: Rema, 2010. – № 586. – P. 219-231.
5. Sedykh A.P. French linguistic identity: cognitive and communicative aspect: monograph. – Belgorod: ID «Belgorod», 2013. – 232 p.
6. E. Fromm, Art of Love. – Minsk: TPTs «Polifakt», 1990.

МОТИВИРОВАННОСТЬ В ПРОЦЕССЕ НОМИНАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СФЕРЫ МЯСОПЕРЕРАБОТКИ

Щербинина Елена Михайловна

ассистент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *shcherbinina_e@bsu.edu.ru*

Бондарева Марина Михайловна

ассистент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *bondareva_m@bsu.edu.ru*

Колесников Алексей Анатольевич

доцент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *kolesnikov@bsu.edu.ru*

Аннотация

Данная статья рассматривает определение и функционирование понятия мотивации в процессе номинации лексических единиц, описывающих сельскохозяйственную терминологию сферы мясопереработки, с позиций современной науки о языке.

Ключевые слова: мотивация, текст, внутренняя форма слова, семантика, номинация, когнитивный компонент

MOTIVATION IN NOMINATION OF AGRICULTURAL TERMINOLOGY OF MEAT PROCESSING

Elena Shcherbinina

Assistant Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *shcherbinina_e@bsu.edu.ru*

Marina Bondareva

Assistant Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *bondareva_m@bsu.edu.ru*

Alexei Kolesnikov

Associate Professor of German and French
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *kolesnikov@bsu.edu.ru*

Abstract

The article deals with identification and functions of motivation in the nomination, which describes agricultural terminology of meat processing in modern language studies. Different ways of motivation in the system of linguistics and other anthropological studies are compared and analyzed.

Key words: motivation, text, inner form, semantics, extralinguistics factors, semantics, nomination, cognitive component

Мотивированность термина играет большую роль как в правильности употребления термина, либо единиц, относящихся к пласту специальной лексики, так и в возможности самого термина являться производящей основой. Лингвисты разделяют понятия мотивированность и ориентированность, соотнося их с понятием внутренней формы слова: «Слова мотивированные – это слова с внутренней формой», под которой понимается «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой

оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» [3:30]. Ориентированность – это «степень соответствия внутренней формы термина его актуальному значению» [1:65]. «Мотивация основывается на простой сумме значений частей, составляющих языковую единицу, а ориентация – на такой сумме значений, которая должна указывать на понятие» [6:212]. Мотивированность термина рассматривается обычно с позиций его структуры, анализируя которую можно выявить производящие основы в сочетании со словообразовательными суффиксами. Отечественный лингвист О.И. Блинова утверждает, что «Мотивированность – это структурно-семантическое свойство слова, позволяющего осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» [2:28]. Мотивированность единицы любой терминосистемы является одним из принципов возникновения явления номинации. Лексика с прозрачной мотивацией обладает внутренней формой, которую можно считать связанной с производящей основой. Связь с производящей основой необходима для обеспечения полного понимания значения термина той или иной сферы употребления. Особенно, если термином оперирует не специалист, а человек, далекий от детального восприятия этой терминосистемы.

По структуре термины бывают однословными, многословными, или выраженными терминологическими сочетаниями. Термин, зафиксированный в словаре или в специализированном сборнике, представлен обычно именем существительным или терминологическим сочетанием слов, ядром которого все равно будет являться имя существительное. Это можно считать доказательством номинативной функции термина. Мотивированность выражает принадлежность словарных единиц к определенной группе как семантически, например: первый компонент сложных слов *Fett* (жир) является общим признаком лексических единиц, обозначающих анатомические особенности организма сельскохозяйственных животных – **Fettbesatz** жировая прослойка, специальные механизмы для операций с жиром – **Fettbeschickungsmaschine** машина для ввода жира (напр. в комбикорм), либо технологию определения качества продукта – **Fettbestimmung** 1) определение массовой доли жира; 2) определение состава жира; первый компонент *Fleisch* (мясо) объединяет лексику, обозначающую мясную продукцию: **Fleischansatz** отложение мяса, образование мышечной ткани, **Fleischansatzvermögen** способность образовывать мышечную ткань, мясообразовательная способность; **Fleischanteil** мякотная доля туши; **Fleischart** вид (сорт) мяса, так и структурно: префикс *aus-* придает значение именам существительным значение нахождения предмета вне чего-либо – **Auskühlung** 1) остывание 2) охлаждение (о мясе) – выход тепла, **Auslassenn** 1) выпуск (воды); 2) перетапливание (напр. воска); 3) жиротопление. Определяющие компоненты семантически мотивированных единиц (в данном случае это *Fett-* и *Fleisch-*) можно считать *терминоэлементами*, которые Т.Л. Канделаки определила, как «значащие части терминов, обусловленные признаками выражаемого термином понятия» [4:38]. Анализируя рассматриваемый пласт лексики – сельскохозяйственную терминологию в сфере мясопереработки, можно выделить несколько определяющих терминоэлементов: вышеупомянутые *Fett-* и *Fleisch-*, *Geflügel-*, *Blut-*, *Haut-*, *Rind-*, *Knochen-*, *Kotelett-*, *Mast-*, *Nacken-*, *Rücken-* и др. Принимая во внимание значение этих компонентов, возможно практически однозначно определить семантику сложных по составу терминов с их участием, что

несомненно облегчает процесс коммуникации в среде как профессионалов, так и не профессионалов.

Анализируя фоносемантический подход, который рассматривает звук как основу значения, также возможно объяснить мотивированность многих лексических единиц. Рассматривая составляющие компоненты любой терминосистемы, следует отметить, что в термине не всегда четко прослеживается фонетический прототип слова, от которого он образован, но в ряде слов возможно проследить логическую цепочку: *hack* – звук удара, англ.: *hook* - хук, короткий боковой удар левой (в боксе) – *hacken* - колоть (дрова); рубить (мясо) – *Aufhacken* с-х. разрубка туши. В некотором смысле можно сказать, что немецкая терминология имеет иконическое происхождение, выстраивая значения на основе ассоциаций со звучанием внешнего мира и человеческого тела.

Проанализировав структуру и значение лексических единиц, относящихся к сельскохозяйственной терминологии мясопереработки, можно сделать вывод о том, что большинство из них являются мотивированными с точки зрения семантического подхода. Фоносемантический подход в мотивации, напротив, не представлен значительным количеством лексических единиц рассматриваемого терминологического поля. Это объясняется, прежде всего, тем, что развитие сельского хозяйства является современным и постоянно совершенствующимся процессом, который требует образования новых лексических единиц, что находит свое отражение в профессиональном языке.

Литература

1. Бергер, М. Г. Лингвистические требования к термину // Рус.яз. в шк. 1965. № 3. – С. 64–68.
2. Блинова О. И. Проблемы диалектной лексикологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1975. – С. 44
3. Блинова, О. И. Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. М., 1981. С. 28–37.
4. Канделаки, Т. Л. Об одном типе словаря международных терминологических элементов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. № 2, М., 1967 С. 38.
5. Михалев А. Б. Теория фоносемантического поля: автореф. дисс. докт. филол. наук. Краснодар, 1995. С. 37.
6. Ребрушкина, И. А. О разграничении понятий мотивированности и ориентированности термина (на материале лингвистической терминологии) / И.А. Ребрушкина, О.Л. Арискина // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 208–212.

References

1. Berger M. Linguistic requirements to the terms // Russian language at school. 1965. № 3. pp 64–68.
2. Blinova O. Problems of dialectal lexicology. Abstract of a thesis of Doctor of Philology. Saratov, 1975. – p. 44
3. Blinova O. Term and its motivation // Terminology and culture of speech, Moscow – 1981, pp 28-37
4. Kandelaki T. About one type of Dictionary of international term parts, Science reports of High school. Philological sciences, №2, Moscow, 1967. – p. 38.
5. Michalev M. The Theory of phonological and semantic field: Abstract of a thesis of Doctor of Philology, Krasnodar, 1995. – p. 37
6. Rebruschkina I. About the differentiation between motivation and orientation of the terms (linguistic terminology) // Knowledge. Understanding. Ability. 2012 №2, pp 208-212.